

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

PL 3335

.S68

N. V. GOGOL'

SOLOV'EV

**INDIANA
UNIVERSITY
LIBRARY**

Al

Solov'ev

Ал. Соловьевъ.

N. V. Gogol'

Н. В. ГОГОЛЬ

Біографическія свѣдѣнія и разборъ его
произведеній для учащихся.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1908.

PG 3335
S 68

INDIANA UNIVERSITY LIBRARY

INDIANA UNIVERSITY LIBRARY

Біографія Гоголя.

6-24-64
Николай Васильевичъ Гоголь родился 12-го марта 1809 г. въ мѣстечкѣ Сорочицахъ, на границѣ Полтавскаго и Миргородскаго уѣздовъ, въ имѣніи отца Васильевкѣ. Предки его принадлежали къ старинному малороссійскому роду, который одно время ополячился, при чемъ, по имени пращура Гоголя, Яна, явилась къ фамиліи Гоголей приставка — Яновскіе; но сынъ Яна былъ православный, воспитывался въ кievской духовной академіи и потомъ сдѣлался даже священникомъ. Отецъ же знаменитаго писателя Василій Аонасьевичъ, во всѣхъ отношеніяхъ типичный малороссъ, былъ къ тому же малороссійскимъ писателемъ. Это литературное творчество Василія Ивановича не могло не имѣть самага серіознаго значенія для будущаго писателя и не могло не вложить и въ его творчество богатый запасъ украинскихъ мотивовъ. Дѣтство Гоголь провелъ въ малороссійской глуши, подъ непосредственнымъ вліяніемъ украинской природы и быта, и всецѣло проникся страстною любовью къ своей родинѣ, не покидавшей его всю жизнь. Между тѣмъ какъ обаятельныя красоты украинской природы, народныя пѣсни, сказки и легенды обогащали фантазію мальчика и развивали его творческія силы, увлекательные рассказы отца знакомили его съ полными потрясающаго трагизма преданіями историческаго прошлаго Малороссіи. Отецъ водилъ сына часто къ Трощинскому на домашніе спектакли и внушилъ ему страсть къ театру, которою былъ преисполненъ самъ. Въ иномъ духѣ было вліяніе на Гоголя матери Марьи Ивановны, женщины доброй, но мечтательной, исполненной реллигіозной экзальтаціи. Расписывая сыну въ самыхъ яркихъ краскахъ картины Страшнаго Суда, райскаго блаженства и вѣчныхъ мукъ, ожидающихъ людей въ за-

гробной жизни, она немало содѣйствовала развитію тѣхъ крайностей мистицизма, до которыхъ дошелъ Гоголь въ послѣдствіи. Десяти лѣтъ Гоголя отдали въ полтавскую гимназію, но онъ учился тамъ недолго: его помѣстили во вновь открытую гимназію высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ, лицей, гдѣ онъ пробылъ отъ мая 1821 г. до іюня 1828 г. сначала своекоштнымъ ученикомъ, потомъ пансіонеромъ. Мальчикъ болѣзненный, шаловливый, насмѣшливый, лѣнивый въ ученѣ, не производилъ выгоднаго впечатлѣнія ни на сверстниковъ, ни на старшихъ, считавшихъ его шуткомъ, неряхой и лѣнтяемъ. Тѣмъ не менѣе уже въ училищѣ обнаружилась природная даровитость Гоголя въ расточаемыхъ имъ всюду мѣткихъ прозвищахъ, возбуждавшихъ задушевный смѣхъ. Лѣнь въ наукѣ зависѣла преимущественно отъ плохого состава преподавателей. Достаточно упомянуть, что профессоръ словесности Никольскій не шелъ дальше Державина, съ пренебреженіемъ относясь ко всѣмъ послѣдовавшимъ писателямъ, и совсѣмъ отрицалъ Пушкина. Приходилось пополнять образованіе самостоятельнымъ чтеніемъ. Въ старшихъ классахъ вокругъ Гоголя образовался кружокъ товарищей; таковы были: Высоцкій, воспитанникъ старше Гоголя курсомъ, имѣвшій на него большое вліяніе, С. Данилевскій, котораго Гоголь называлъ своимъ „ближайшимъ“ и сохранялъ дружбу съ нимъ всю жизнь, Н. Прокоповичъ, Н. Кукольникъ и др. Товарищи выписывали въ складчину журналы, издавали и самъ рукописный журналъ, который Гоголь наполнялъ своими стихами. Въ то же время у него явилась страсть къ рисованію и обнаружилась привитая отцомъ любовь къ театру. Гоголь много хлопоталъ объ устройствѣ сценическихъ представленій въ стѣнахъ лицей и самъ мастерски исполнялъ роли стариковъ и старухъ, напримѣръ, Простаковой въ „Недоросль“, или няни Василисы въ комедіи Крылова: „Урокъ дочкамъ.“ Гоголю было пятнадцать лѣтъ, когда умеръ у него отецъ. Это произвело на него потрясающее впечатлѣніе, сразу превративъ безпечнаго мальчика въ юношу. Гоголь серіозно задумался объ участи и своей, и всей семьи, сгоряча готовъ былъ даже бросить лицей, мечтая замѣнить отца для подрастающихъ сестеръ. Передъ выпускомъ же изъ училища Гоголь проникся полными юношескаго энтузіазма мечтами, всего себя

отдать отечеству, рисуя въ своемъ пламенномъ воображеніи высокое и широкое гражданское поприще. Слѣдуетъ полагать, мечты эти были не одною заносчивостью юноши, избалованнаго домашнимъ обожаніемъ, но и смутнымъ предчувствіемъ гения о томъ, что ему суждено совершить нѣчто великое. Послѣ окончанія курса и отдыха у родныхъ Гоголь въ концѣ 1828 г. поѣхалъ въ Петербургъ со своимъ другомъ Данилевскимъ, съ гордыми мечтами, но весьма скудными знаніями, вынесенными изъ лицей, съ средневѣковымъ патріархальнымъ міросозерцаніемъ, пламеннымъ романтикомъ въ духѣ Марлинскаго, съ стихотворною идилліею въ чемоданѣ подъ заглавіемъ „Гансъ Кюхельгартенъ“ и массою рекомендательныхъ писемъ. вмѣсто квартиры окнами на Неву, какъ мечталъ Гоголь, пришлось поселиться въ верхнемъ этажѣ грязнаго, биткомъ набитаго мастерами дома. Рекомендательныя письма остались безъ всякаго существеннаго результата. Приходилось узнать нужду, „отхватать“ всю зиму въ лѣтней шинели, отказывать себѣ въ любимѣйшемъ удовольствіи, въ театрѣ. Напрасно Гоголь переходилъ отъ одной попытки устроить свою карьеру къ другой. Такъ, вспомнивъ свои успѣхи въ лицейскомъ театрѣ, попробовалъ онъ поступить въ актеры, но его чтеніе простое, естественное, чуждое всякой аффектаціи, не понравилось тогдашнимъ артистамъ. Гоголь замѣтилъ это и послѣ испытанія не явился за отвѣтомъ. Напечаталъ онъ свою идиллію,—критика приняла ее такъ холодно, что авторъ предалъ огню все изданіе. Въ отчаяніи онъ рѣшился ѣхать въ Америку, о чемъ мечталъ еще на школьной скамьѣ, представляя ее баснословною странюю, въ которой есть, гдѣ вернуться молодымъ силамъ. Какъ разъ въ это время мать прислала ему нѣсколько сотъ рублей для уплаты въ опекунскій совѣтъ. Воспользовавшись ими, Гоголь отправился моремъ черезъ Кронштадтъ за границу. Но, по собственнымъ его словамъ, „едва только очутился на морѣ, на чужомъ кораблѣ,“ какъ всѣ мечты разлетѣлись въ прахъ: взглянувъ мелькомъ на Любекъ, Травемунде, Гамбургъ, Гоголь поспѣшилъ обратно въ столицу. Мало-по-малу положеніе начало улучшаться. На первыхъ порахъ получилъ онъ мѣсто канцелярскаго служителя въ департаментѣ удѣловъ. Но скудный окладъ и тяжкій механическій трудъ писца не мо-

гли, понятно, удовлетворить честолюбиваго юношу. И вот съ каждымъ днемъ началъ онъ все болѣе склоняться на литературное поприще, къ которому не переставалъ чувствовать призванія. Въ то время, какъ тяжкіе, охлаждающіе опыты, вынесенные имъ изъ первыхъ двухъ лѣтъ пребыванія въ столицѣ, заставили его спуститься изъ заоблачныхъ высотъ сентиментальнаго романтизма на почву живой дѣйствительности, тоска по родинѣ, обостряемая мракомъ и холодомъ петербургскаго неба, скукою жизни впроголодь и мертвящимъ канцелярскимъ трудомъ, привели Гоголя къ тому, что въ особенномъ поэтическомъ ореолѣ начала представляться ему благословенная Украина—и вотъ онъ рѣшилъ воспроизвести ее во всей обаятельной и чарующей поэтичности. Съ этой цѣлью Гоголь обратился къ матери о присылкѣ ему свѣдѣній о малороссійскихъ обычаяхъ, преданіяхъ, костюмахъ, „записокъ, веденныхъ предками какой-нибудь старинной фамиліи, рукописей стародавнихъ“ и т. п. Все это служило матеріаломъ для задуманныхъ имъ повѣстей изъ малороссійскаго быта. Мать не замедлила исполнить, какъ могла, просьбу сына. Въ результатѣ получились „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки,“ положившіе начало славы Гоголя. Первый рассказъ этой серіи „Ночь наканунѣ Ивана Купала“ былъ напечатанъ въ началѣ 1830 г. въ „Отечественныхъ Запискахъ“ Свиньина, съ большими поправками редакціи. Затѣмъ Гоголь перенесъ свое сотрудничество въ „Литературную Газету“ и „Сѣверные цвѣты“ барона Дельвига. Въ „Сѣверныхъ цвѣтахъ,“ между прочимъ, былъ помѣщенъ отрывокъ изъ историческаго романа „Гетманъ.“ Слѣдуетъ полагать, что черезъ Дельвига Гоголь познакомился съ Жуковскимъ, которому очень полюбился благочестивый юноша съ его идеальными взглядами на искусство. Черезъ него въ Гоголѣ принялъ участіе Плетневъ и въ 1831 г. рекомендовалъ его на должность учителя въ Патріотическомъ институтѣ, гдѣ самъ былъ инспекторомъ. Кромѣ того, Плетневъ доставилъ ему частныя занятія у Балабиныхъ, Васильчиковыхъ, Лонгиновыхъ. Все это произвело полный переворотъ въ жизни Гоголя. До того времени онъ вращался исключительно въ кружкѣ своихъ земляковъ, такихъ же бѣдняковъ, какъ онъ. Теперь же у Жуковскаго и въ тѣхъ домахъ, гдѣ давалъ уроки, онъ приобрѣлъ знакомство съ из-

бранными литераторами и великосвѣтскими семьями, къ которымъ относятся Вѣльгорскіе, Фрейлина А. О. Россети и т. п. Но самымъ главнымъ, наиболее цѣннымъ и благотворнымъ было знакомство и сближеніе съ Пушкинымъ, вліяніе котораго на Гоголя было громадно; недаромъ Гоголь поклонялся и благоговѣлъ передъ нимъ, считая его своимъ учителемъ, которому онъ былъ обязанъ своею славою, всѣми успѣхами въ своей литературной дѣятельности, болѣе же всего тѣмъ серіознымъ взглядомъ на искусство, какъ на служеніе родинѣ, которой онъ исповѣдывалъ всю жизнь, и тѣми тщательными обработками, какимъ подвергалъ онъ каждое свое произведеніе. Пушкинъ первый понялъ и оцѣнилъ его талантъ столь высоко, что, какъ извѣстно, подѣлился съ нимъ сюжетами „Ревизора“ и „Мертвыхъ душъ,“ которыми онъ думалъ воспользоваться. Вообще со знакомствомъ съ Жуковскимъ, Пушкинымъ, Дельгигомъ и другими Гоголь вступилъ въ тотъ высшій литературный кругъ представителей русской поэзіи, который игралъ въ то время у насъ роль своего рода академіи русской словесности. Подъ вліяніемъ этихъ людей умственные горизонты Гоголя сразу расширились; у него явилось стремленіе пополнить пробѣлы скудныхъ знаній, вынесенныхъ имъ изъ лиція. вмѣстѣ съ тѣмъ и художественное творчество, поощряемое совѣтами и одобреніями старшихъ собратьевъ, съ каждымъ годомъ начало все болѣе и болѣе расцвѣтать, развиваться и приобретать ту ширь и глубину, которые поставили Гоголя въ ряды первыхъ русскихъ классиковъ. Такъ, въ теченіе 1831 и 1832 г. г. вышли отдѣльнымъ изданіемъ „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки, изданные пасичнигомъ Рудымъ Панькомъ.“ Исполненные чисто народныхъ юмора и смѣха, рассказы „Вечеровъ“ вполне достигаютъ той цѣли, съ которою они были написаны, представить родную Украину во всей ея поэтической прелести. Дѣйствительно, роскошныя картины украинской природы, легендарныя сюжеты съ неизбѣжными ихъ спутниками, героями незатѣйливой малороссійской міѳологіи, вѣдьмами колдунами, мертвецами, чертями, дивчата одна другой краше, паробки любвеобильные и отважные — все это блещетъ чарующей поэзіей, но нужно сказать правду: кромѣ однихъ внѣшнихъ бытовыхъ деталей, на примѣръ, описанія Сорочинской ярмарки, напрасно будемъ

мы искать въ „Вечерахъ“ прискорбной правды общественныхъ порядковъ того времени, въ родѣ хотя бы крѣпостного права, изъ горькой чаши котораго южнорусскіе крестьяне пили наравнѣ съ великорусскими, а было имъ очень часто не до поэзіи и до „коханья.“ Предъ читателемъ такимъ образомъ не современная Гоголю Малороссія, а исторически—легендарная, и выведенные въ разсказахъ паробки и дивчата смахиваютъ болѣе на стародавнихъ казаковъ и казачекъ, чѣмъ на крестьянъ. Въ этомъ отношеніи Гоголь въ своихъ разсказахъ остается еще истымъ романтикомъ, правда, ставшимъ на вполнѣ народную почву и не такимъ отвлеченнымъ отъ дѣйствительности, какимъ былъ онъ въ своемъ „Гансѣ Кюхельгартенѣ.“

Успѣхъ „Вечеровъ“ доставилъ Гоголю возможность лѣтомъ 1832 г. съѣздить на родину. По пути, въ Москвѣ онъ успѣлъ завязать нѣсколько новыхъ литературныхъ знакомствъ, которыя имѣли важное значеніе въ его послѣдующей жизни: такъ, онъ познакомился съ Погодинымъ, Максимовичемъ, Щепкинымъ, С. Аксаковымъ. Дома ждалъ его рядъ разочарованій. Послѣ шумной и блестящей столичной жизни родина начала представляться ему далеко не въ такомъ поэтическомъ свѣтѣ, въ какомъ грезилась ему въ Петербургѣ. Особенно жалкою, тоскливо-монотонною, малокультурною, исполненною грубыхъ суевѣрій и всякаго рода пошлостей, должна была показаться ему жизнь полуобразованныхъ малороссійскихъ помѣщиковъ—хуторянъ. И вотъ впервые начали привлекать его вниманіе грязь и пошлость повседневной жизни, впервые пробудился въ немъ его дивный „видный міру смѣхъ,“ скрывающій въ себѣ „незримыя, невидимыя міру слезы.“ По крайней мѣрѣ, по всѣмъ послѣдующимъ произведеніямъ вплоть до 1835 г. мы можемъ судить, что въ это время въ Гоголѣ совершался переворотъ отъ малороссійскаго романтизма къ полному натурализму, таковы именно произведенія, появившіяся въ двухъ сборникахъ, изданныхъ въ 1835 г., оба въ двухъ частяхъ „Арабескахъ“ и „Миргородѣ“: они все еще носятъ романтическій характеръ „Вечеровъ“; таковы: „Вій,“ „Тарасъ Бульба“ и „Портретъ“; въ этомъ послѣднемъ произведеніи фантастическій элементъ играетъ большую роль. Въ тѣхъ же сборникахъ встрѣчаемъ мы разсказы вполнѣ уже натуралистическіе, пре-

исполненные смѣха сквозь слезы, таковы: „Старосвѣтскіе помѣщики“, „Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“, „Невскій проспектъ“, „Записки сумасшедшаго.“ Въ такомъ же духѣ и всѣ послѣдующія произведенія Гоголя, напечатанныя въ „Современникѣ“ Пушкина и Плетнева и въ собраніи сочиненій Гоголя 1842 г.—„Коляска“, „Носъ“, „Шинель.“ Къ тому же времени относится и выступленіе Гоголя на поприще драматурга. Такъ, уже въ 1833 г. работаетъ онъ надъ задуманной имъ комедіей „Владиміръ 3-ей степени“, которая не была окончена и раздробилась на рядъ мелкихъ сенокъ: „Утро дѣловаго человѣка“, „Отрывокъ“, „Тяжба“, „Лакейская.“ Первая изъ этихъ сенокъ появилась въ „Современникѣ“ въ 1836 г., прочія въ собраніи сочиненій 1842 г.

Къ тому же 1833 году относятся первые наброски „Женитьбы“, появившейся въ томъ же собраніи сочиненій. Наконецъ, тогда же въ 1834 г. появляются первые наброски „Ревизора.“ Замѣчательно, что эти самые годы наибольшаго разгара творчества Гоголя ознаменовались новымъ отклоненіемъ его отъ того художественнаго пути, къ которому онъ былъ призванъ. Уже въ лицѣ Гоголя очень интересовался исторіей, собиралъ историческія свѣдѣнія, какія попадались ему подъ руки, и увлекалъ своихъ товарищей историческими картинами, которыя рисовало его пламенное воображеніе. Уроки исторіи въ патріотическомъ институтѣ еще болѣе пристрастили его къ исторіи. Однако всѣхъ тѣхъ отрывочныхъ свѣдѣній, какими онъ успѣлъ запастись, далеко было недостаточно для каѳедры по этому предмету. Тѣмъ не менѣе Гоголь возымѣлъ претензію занять университетскую каѳедру. Въ то время приготовлялось открытіе кievскаго университета, куда приглашали Максимовича. Гоголь мечталъ въ свою очередь занять тамъ каѳедру исторіи, а также зазвать туда и Погодина. Въ Кіевѣ ему грезились будущія Аѳины, при чемъ онъ самъ обѣщалъ написать нѣчто небывалое по всеобщей исторіи и одновременно изучать малороссійскую старину. Но всѣ эти мечты рассыпались въ прахъ: кievская каѳедра была отдана другому; взаимъ же ея по сильной протекціи друзей Гоголю была предложена такая же въ петербургскомъ университетѣ. Какъ и слѣдовало ожидать, Гоголю хватило не болѣе, какъ на двѣ, на

три эффектные лекціи, да и то преисполненные цвѣтущей риторикой, а далѣе сообщать слушателямъ оказалось нечего. Гоголь началъ манкировать по недѣлямъ и мѣсяцамъ; наконецъ, принужденъ былъ оставить трудъ не по силамъ. Одновременно съ этимъ въ 1835 г. прекратилъ онъ и свои уроки въ патриотическомъ институтѣ. Покинувъ педагогическую дѣятельность, Гоголь съ тѣмъ большимъ рвеніемъ принялся за литературную. Всѣ мысли его сосредоточились на комедіи, надъ которой онъ работалъ дни и ночи, и, наконецъ, въ 1836 г. „Ревизоръ“ былъ готовъ къ постановкѣ на сцену. Но немалыхъ хлопотъ и неприятностей стоила Гоголю постановка комедіи на сцену Александринскаго театра. Обычныя закулисныя интриги осложнялись тѣмъ обстоятельствомъ, что въ то время труппы актеровъ, особенно петербургскихъ, воспитанныхъ на романтическихъ трагедіяхъ, французскихъ мелодрамахъ и водевиляхъ, совсѣмъ были не подготовлены къ изображенію въ полной реальной правдѣ пошлыхъ типовъ комедіи Гоголя. Ему пришлось переучивать ихъ, разъясняя каждый типъ, каждую сцену, и всетаки онъ остался недоволенъ ихъ игрою. Но самое главное затрудненіе встрѣтилъ Гоголь въ цензурѣ: пьеса не была бы допущена на сцену, еслибы не понравилась Государю Николаю Павловичу, и онъ самъ не разрѣшилъ бы ея 19-го апрѣля 1836-го года. „Ревизоръ“ впервые былъ поставленъ на сцену Александринскаго театра и до сего дня не сходитъ съ нея, въ качествѣ гениальнѣйшей классической пьесы русскаго репертуара. Но при всемъ успѣхѣ пьесы, публика отнеслась къ ней далеко не единодушно. Одна молодежь привѣтствовала ее восторженными рукоплесканіями. Чиновный же людъ, составлявшій большинство зрителей, не переставалъ послѣ cadaго ея представленія выражать сильное негодованіе. Да и неудивительно: пьеса попала не въ бровь, а въ самый глазъ чиновничества того времени. Недаромъ императоръ, присутствовавшій на первомъ представленіи, замѣтилъ: „Ну, пьеса! Всѣмъ досталось, а больше всѣхъ мнѣ!“ Гоголя, истиннаго консерватора по убѣжденіямъ, даже наивно принимавшаго самое названіе либерала за что-то позорное, стали провозглашать либераломъ и притомъ самымъ отъявленнымъ его въ ближайшемъ будущемъ завзятаго религіознаго мистика упрекали чуть не въ безбожии;

наконецъ, о немъ, ополчившемся въ защиту поруганнаго права и законности, стали кричать, что будто бы онъ былъ, напротивъ, врагъ закона и отечества. Гоголь былъ ошеломленъ и подавленъ и съ грустью воскликнулъ, придя изъ театра: „Господи Боже! Ну, еслибы одинъ, два ругали, ну, Богъ бы съ ними, а то всё, всё!“ И долго потомъ Гоголь жаловался своимъ друзьямъ на то, что пьесу ругаютъ, хотя жадно посѣщаютъ каждое представленіе. Измученный, потрясенный всѣми этими впечатлѣніями, въ іюнѣ 1836 г. Гоголь отправился за границу съ цѣлью разсѣяться, укрѣпиться тѣломъ и духомъ, а главное дѣло въ „прекрасномъ далекѣ“ отъ родины, сдѣлавшейся особенно милой ему на чужбинѣ, приняться за новый задуманный имъ обширный трудъ, въ который онъ положилъ всё свои силы, именно, созданіе „Мертвыхъ душъ.“ Сначала онъ жилъ въ Германіи и Швейцаріи, зиму прожилъ съ Данилевскимъ въ Парижѣ, гдѣ встрѣтился и дружески сблизился со Смирновой; тамъ же потрясло и огорчило его извѣстіе о смерти Пушкина. Въ мартѣ 1837 г. онъ прибылъ въ Римъ, который такъ понравился ему, что сталъ какъ бы второй родиной. Всегда чуждый общественныхъ интересовъ и злобъ дня, Гоголь имѣлъ возможность въ Римѣ, представлявшемъ въ этомъ отношеніи полное затишье, весь отдаться созерцанію роскошной природы и великихъ памятниковъ искусства. Кстати онъ сблизился съ художникомъ Ивановымъ, такимъ же идеалистомъ эстетикомъ и затворникомъ, долгіе годы трудившимся надъ своей знаменитой картиной. вмѣстѣ съ нимъ Гоголь бродилъ по Риму, изучая памятники древности, посѣщая картинныя галлеи и мастерскія художниковъ. Когда пріѣзжалъ въ Римъ кто-либо изъ пріятелей, онъ и ихъ любилъ „угощать“ Римомъ, вода и показывая все замѣчательное. Это не мѣшало Гоголю усердно работать; такъ, въ это время онъ закончилъ начатую еще въ Петербургѣ „Шинель,“ написалъ повѣсть „Анунціата,“ передѣланную потомъ въ „Римъ,“ пытался написать трагедію изъ жизни запорожцевъ, но она ему не удалась, и онъ ее уничтожилъ. Большую же часть времени онъ посвящалъ работѣ надъ „Мертвыми душами.“ Осенью 1839 г. Гоголь долженъ былъ отправиться въ Россію для того, чтобы взять изъ института и препроводить матери двухъ своихъ сестеръ. Затѣмъ онъ

снова вернулся въ Римъ, гдѣ вплотную засѣлъ за „Мертвыя души“, и въ сентябрѣ 1841 г. прїѣхалъ въ Россію съ готовымъ уже первымъ томомъ „Мертвыхъ душъ“ съ цѣлью выпустить его въ свѣтъ. Книга печаталась въ Москвѣ. Но московскіе цензоры ни за что не соглашались пропустить ее. Ихъ смущало самое заглавіе: „Развѣ можно“ говорили они: „называть мертвыми безсмертныя человѣческія души!“ Пришлось перенести книгу въ петербургскую цензуру, но и тамъ она была выпущена съ большими измѣненіями, и то лишь благодаря участию вліятельныхъ друзей. Книга вышла, наконецъ, подъ такимъ заглавіемъ: „Похожденія Чичикова или Мертвыя души,“ поэта Г., М., 1842. Съ выпускомъ „Мертвыхъ душъ“ заканчивается цвѣтущій періодъ жизни и творчества Гоголя. Если принять во вниманіе, что „Мертвыя души“ были задуманы Гоголемъ уже въ 1835 г., то изъ этого вытекаетъ заключеніе, что въ 26 лѣтъ Гоголь успѣлъ уже замыслить все, что вышло изъ—подъ пера его, за исключеніемъ развѣ навѣянной Римомъ „Анунціаты.“ Въ 33-мъ же году его жизни съ изданіемъ первой части „Мертвыхъ душъ“ вышло все то лучшее, чѣмъ ознаменовалось его творчество. Затѣмъ начинается постепенное и духовное и тѣлесное умираніе Гоголя, сопровождаемое печальнымъ упадкомъ его таланта при рѣдкихъ вспышкахъ творчества въ минуту рѣдкихъ просвѣтленій. Первый нравственный ударъ былъ нанесенъ Гоголю смертельною болѣзнію молодого и симпатичнаго юноши Іосифа Вьельгорскаго, привезеннаго въ Италію въ послѣднемъ градусѣ чахотки. Полторы недѣли почти безвыходно провелъ Гоголь у постели больного, и картина угасанія юноши произвела на Гоголя потрясающее впечатлѣніе. Затѣмъ Гоголь вынесъ самъ двѣ тяжкія болѣзни въ 1840 г. въ Вѣнѣ и Римѣ и даже считалъ себя одно время на краю гроба. Ко всему этому присоединилось крайне затруднительное матеріальное положеніе. Гоголя весьма удручало, что въ то время, какъ имѣніе родныхъ его находилось въ полномъ разстройствѣ, и они терпѣли нужду, онъ не въ силахъ былъ помочь имъ, такъ какъ самъ кругомъ былъ въ долгахъ. Все это, вмѣстѣ взятое, способствовало тому перевороту, который превратилъ Гоголя изъ жизнерадостнаго весельчака въ мрачнаго аскета и святошу. Собственно говоря, это не былъ переворотъ въ истинномъ

смыслъ этого слова. Съ дѣтскихъ лѣтъ уже въ немъ были заложены сѣмена мистицизма и въ продолженіе всей молодости они зрѣли и обнаруживались подчасъ довольно ярко (напримѣръ „Портретъ“). Въ то же время Гоголь по самой природѣ своей не былъ созданъ для одного чистаго искусства.

Одинъ смѣхъ надъ пошлыми людьми, хотя были сквозь слезы, не могъ его удовлетворить; у него постоянно была потребность въ какомъ-то широкомъ и плодотворномъ практическомъ дѣлѣ или хотя бы въ пропагандѣ. Этимъ объясняются всѣ отклоненія его отъ литературной дѣятельности то на службу, то на кафедру. Какъ сильна была въ немъ страсть къ пропагандѣ, ясно видно изъ всей его переписки съ дѣтскихъ лѣтъ: кого только онъ не назидаль, начиная съ матери и сестеръ и кончая Погодинымъ и Шевыревымъ. Гнетущія обстоятельства въ соединеніи съ болѣзнями лишь обострили врожденное Г., подобное большинству людей, одаренныхъ большими талантами, самомнѣіе и довели его до чего-то вродѣ маніи величія. Общество такихъ великосвѣтскихъ патриотовъ, какъ Смирнова, Віельгорскіе, Толстые, Апраксины, Языковъ, въ которое замкнулся Гоголь, еще болѣе раздувало изувѣрство и самомнѣіе его еиміамами лести и вмѣстѣ съ тѣмъ патриотическою враждою ко всему западному. Дошло дѣло до того, что Гоголь вообразилъ себя не только гениальнымъ художникомъ, но чѣмъ-то вродѣ пророка или апостола, избраннаго небомъ для возвѣщенія людямъ божественныхъ истинъ. Каждое выздоровленіе отъ болѣзней принималось имъ за чудесное избавленіе отъ смерти, ниспосланное Провидѣніемъ для того, чтобы онъ могъ будущими своими произведеніями „сколько-нибудь пропѣть гимнъ красотѣ небесной.“ Всѣ прежніе литературные труды начали теперь казаться ему ничтожными, и всѣми силами души устремился онъ къ горячо лелѣемой мечтѣ повѣдать міру несслыханное еще имъ слово. На первую часть „Мертвыхъ душъ“ началъ онъ смотрѣть, какъ лишь на ничтожное крыльцо къ великолѣпному строящемуся дворцу, и всѣхъ смутили, какъ крайне нескрайныя, вдохновенныя строки въ „Мертвыхъ душахъ“ о Руси и о томъ, что всѣ взоры ея сыновъ устремлены теперь на него, что, наконецъ, настанетъ скоро время, „когда инымъ ключемъ грозная

вьюга вдохновенія подыметса изъ облеченной въ священнѣйшій ужасъ и въ блистанье главы, и почувуютъ въ смущенномъ трепетѣ величавый громъ другихъ рѣчей.“ Нѣтъ сомнѣннѣ въ томъ, что подобное настроеніе весьма гибельно отражалось какъ на физическихъ, такъ и на нравственныхъ силахъ его. Жестоко страдавшій отъ осаждавшихъ его болѣзней, онъ метался по Европѣ, переѣзжая изъ города въ городъ, словно, не находя по себѣ мѣста на землѣ. Не радовалъ его теперь любимый имъ нѣкогда Римъ, не восхищали дивныя красоты Италіи. Скрытность и необщительность росли годъ отъ году, и задушевное отношеніе къ друзьямъ молодости смѣнялось натянутостью. Литературная производительность годъ отъ году дѣлалась скуднѣе и въ количественномъ и въ качественномъ отношеніяхъ. Тщетно старался онъ продолжать свою поэму: вторая часть ея не удавалась ему вслѣдствіе тѣхъ фантастическихъ цѣлей, какими онъ задавался, и онъ только и дѣлалъ, что предавалъ сожженію одну рукопись за другою. Въ гораздо большей степени удовлетворяли его теперь такія изувѣрскія вещи, какъ „Развязка ревизора“ и „Переписка съ друзьями,“ вышедшія изъ-подъ его пера во 2-ой половинѣ сороковыхъ годовъ. Занятый въ концѣ 1846 г. постановкой на московской сценѣ „Ревизора“ въ исправленномъ видѣ, Гоголь былъ намѣренъ присоединить къ спектаклю и „Развязку Ревизора.“ Но всѣ участвовавшіе въ постановкѣ были крайне смущены требованіями Гоголя. Въ то же время Гоголь былъ занятъ другимъ весьма важнымъ съ его точки зрѣнія дѣломъ: онъ собирался издать „Переписку съ друзьями.“ Какое важное значеніе придавалъ онъ этой своей книгѣ, можно судить по тому, что въ концѣ іюля 1846 г. онъ обратился къ Плетневу съ просьбою бросить въ сторону всѣ свои дѣла и заняться печатаніемъ его новой книги: „Она нужна, слишкомъ нужна всѣмъ,“ говорилъ онъ при этомъ: „вотъ что покаместъ могу сказать; все прочее объяснить сама книга.“ Печатаніе книги происходило въ глубокой тайнѣ даже для самихъ друзей Гоголя; одна лишь Смирнова была посвящена въ нее, такъ какъ на нее возлагались надежды по устраненію цензурныхъ затрудненій. Книга, по убѣжденію Гоголя, должна была сразу разъяснить всѣмъ его многолѣтнюю сосредоточенную въ себѣ жизнь; всѣмъ станетъ ясно его великое призваніе и для всѣхъ

онъ сдѣлается роднымъ и понятнымъ. Наконецъ, книга появилась въ свѣтъ въ началѣ 1847 года подъ такимъ заглавіемъ: „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями, Сиб., 1847.“ Эффектъ появленія ея былъ совершенно неожиданный для автора. Книга произвела тяжелое впечатлѣніе не только на публику, но и на личныхъ друзей Гоголя, напр., С. Аксакова. Всѣ были поражены тономъ пророчества и учительства Гоголя; проповѣдью смиренія, изъ—подъ котораго проглядывала высокомерная гордость; осужденіемъ прежнихъ трудовъ, которымъ гордилась русская литература; полнымъ одобреніемъ общественныхъ порядковъ, сдѣлавшихся предметомъ ненависти для всѣхъ просвѣщенныхъ людей. Самымъ сильнымъ выраженіемъ этого общаго негодованія было извѣстное письмо Гоголю Бѣлинскаго, сильно поразившее Гоголя, хотя, судя по отвѣту его, можно полагать, что для Гоголя вполнѣ ясенъ былъ смыслъ письма Бѣлинскаго. При скудости своего образованія и долготѣнѣмъ пребываніи за границей, онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ общественно-философскомъ броженіи, которое совершалось въ передовыхъ кружкахъ сороковыхъ годовъ, и всѣ нападки на его книгу объяснялъ тѣмъ, что цензура не пропустила нѣсколькихъ важныхъ писемъ, а болѣе всего враждою литературныхъ партій и самолюбій. Впрочемъ, онъ и за собою призналъ грѣхъ въ видѣ преувеличенія учительскаго тона. „Я,“ говорилъ онъ Жуковскому: „размахнулся въ своей книгѣ такимъ Хлестаковымъ, что не имѣю духу заглянуть въ нее.“ Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ неудача книги произвела на Гоголя удручающее впечатлѣніе. Тонъ писемъ его съ этого времени мѣняется: въ нихъ не замѣчается уже прежнихъ высокопарныхъ поученій и обличеній. Въ то же время онъ созналъ, что нельзя изображать русскую жизнь, не живя среди нея и не изучая ея. И вотъ онъ рѣшилъ вернуться на родину, чтобы болѣе не покидать ея. Но передъ этимъ онъ задумалъ исполнить давнишнее свое намѣреніе съѣздить въ Иерусалимъ поклониться Гробу Господню. Онъ рѣшилъ, что не можетъ продолжать работы, пока не исполнитъ этого обѣта. Въ концѣ 1847 г. онъ перѣхалъ въ Неаполь и въ началѣ 1848 г. отплылъ въ Палестину, а оттуда черезъ Константинополь и Одессу вернулся окончательно въ Россію. Поѣздкой своей онъ остался весьма

недоволенъ. „Еще никогда“—говоритъ онъ: „не былъ я такъ мало доволенъ состояніемъ сердца моего, какъ въ Іерусалимѣ и послѣ Іерусалима. У гроба Господня я былъ какъ будто затѣмъ, чтобы тамъ на мѣстѣ почувствовать, какъ много во мнѣ себялюбія.“ Свои впечатлѣнія, вынесенныя изъ Палестины, онъ называетъ сонными. Застыгнутый однажды дождемъ въ Назаретѣ, онъ думалъ, что сидитъ просто въ Россіи на станціи. По возвращеніи на родину послѣдніе четыре года жизни онъ проживалъ по большей части въ Москвѣ, въ домѣ графа А. Н. Толстого, по временамъ выѣзжая въ Калужскую губернію, въ имѣніе Смирновой, въ Малороссію, въ Одессу. Особенно пагубное вліяніе въ эти послѣдніе годы жизни оказывалъ на Гоголя ржевскій священникъ Матвѣй Константиновскій, съ которымъ онъ познакомился черезъ графа А. Н. Толстого. До какой степени доходило мрачное изувѣрство этого священника, можно судить по тому, что въ „Перепискѣ“ Гоголя онъ сурово обличалъ потворство суетнымъ удовольствіямъ въ видѣ театральныхъ представленій, что, по его мнѣнію, приносить большой вредъ обществу, за который авторъ дастъ отвѣтъ на Страшномъ Судѣ. При слабѣющихъ съ каждымъ годомъ силахъ Гоголя, потерѣ бодрости и возрастающемъ уныніи, вслѣдствіе тщетныхъ попытокъ продолжать свой завѣтный трудъ вліяніе священника Матвѣя было положительно губительно. Строгая аскетическая проповѣдь его производила на больную душу Гоголя такое удручающее и потрясающее дѣйствіе, что при всемъ безграничномъ благоговѣніи къ уважаемому пастырю церкви Гоголь однажды въ ужасѣ перебилъ его бесѣду возгласомъ: „довольно! мнѣ слишкомъ страшно!“ Результатомъ такихъ внушеній былъ страхъ смерти, который особенно овладѣлъ Гоголемъ послѣ смерти жены Хомякова. Онъ бросилъ литературныя занятія, сталъ говѣть на масляницѣ; однажды, когда онъ проводилъ ночь въ молитвѣ, ему послышались голоса, что онъ скоро умретъ. Однажды ночью среди религіозныхъ размышленій имъ овладѣли такія сомнѣнія и ужасъ при мысли, что онъ не такъ исполнилъ долгъ, возложенный на него Богомъ, что онъ разбудилъ слугу, велѣлъ открыть трубу камина и, собравъ изъ портфеля бумаги, сжегъ ихъ. На утро, когда его сознаніе прояснилось, онъ съ раскаяніемъ рассказалъ объ этомъ гр. Толстому

и считалъ, что это онъ сдѣлалъ по навожденію злого духа. Послѣ этого онъ окончательно упалъ духомъ, почти пересталъ принимать пищу и черезъ нѣсколько дней 21-го февраля 1852 г. скончался. Похоронили его въ Москвѣ, въ Даниловомъ монастырѣ; на памятникѣ на могилѣ его помѣщены слова пророка Іереміи: „Горькимъ моимъ словомъ посмѣюся“.

Вечера на хуторѣ близъ Диканьки.

Подъ названіемъ „Вечеровъ“ Гоголь издалъ цѣлый рядъ очерковъ Малороссіи, ея природы, нравовъ и обычаевъ ея обитателей. Въ „Вечерахъ“ изображена малороссійская народная жизнь, выведены народные типы. Общее содержаніе „Вечеровъ“ по преимуществу фантастическое малороссійское и основано на украинскіхъ сказаніяхъ и повѣртіяхъ. Въ этихъ маленькихъ разсказахъ картинно рисуются прекраснѣйшія особенности природы благословенной Украйны. Поэтическія народныя вѣрованія и легенды оживляютъ собою чуть не каждую сцену отдѣльнаго разсказа стараго дѣда Рудого Панька. Появленіе „Вечеровъ“ объясняется двумя причинами: съ одной стороны, живя въ Петербургѣ при тяжелыхъ условіяхъ и терпя всевозможныя лишенія, Гоголь былъ психологически настроенъ къ тому, что ему было весьма пріятно вспоминать о своей родинѣ, жизнь которой рисовалась въ его воображеніи самыми радужными красками; съ другой стороны, кромѣ психологической причины, у автора явилось сильное стремленіе къ народности въ творчествѣ. Матеріаломъ для творческой работы послужили для Гоголя преимущественно собственныя наблюденія и воспоминанія, вынесенныя имъ изъ Украйны. Кромѣ этого, Гоголь неразъ обращался къ своей матери съ просьбой присылать ему подробныя описанія малороссійскіхъ обычаевъ, суевѣрій, старинныхъ костюмовъ, игръ, увеселеній и т. п. Присылаемымъ матеріаломъ Гоголь пользовался съ большимъ искусствомъ, вставляя въ свое повѣствованіе цѣлыя описанія, какъ: описаніе старинной свадьбы въ „Вечерѣ наканунѣ Ива-

на Купала.“ Гоголь умѣлъ пользоваться также и присланными пѣснями, которыми онъ придавалъ своему разсказу отпечатокъ народности, что ясно видно въ разсказѣ „Страшная мѣсть,“ самый языкъ котораго отличается пѣсеннымъ складомъ.

Одно изъ первыхъ мѣстъ въ „Вечерахъ“ занимаетъ бытовой элементъ. Тутъ авторъ выводитъ цѣлый рядъ мало-россійскихъ народныхъ типовъ, описываетъ народные обычаи и увеселенія, какъ, колядованіе, рисуеъ цѣлыя картины народной жизни, какъ, сельскую ярмарку со всей ея пестротой и движеніемъ. Кромѣ бытового элемента, въ „Вечерахъ“ разнообразно обрисованъ фантастическій элементъ. Нѣкоторые разсказы основаны на вѣрѣ въ сношеніе съ нечистой силой, какъ на примѣръ, „Вечеръ наканунѣ Ивана Купала,“ гдѣ бѣднякъ Петро продаетъ свою душу дьяволу, чтобы овладѣть заповѣднымъ кладомъ и жениться на Пидоркѣ. Подобные жеклады фигурируютъ и въ разсказѣ „Заколдованное мѣсто.“ Иные разсказы переполнены разными фантастическими существами, созданными народнымъ суевѣріемъ, какъ, русалки въ „Майской Ночи,“ оборотни, вѣдьмы. Изображая эти созданія народной фантазіи, Гоголь строго придерживался обычныхъ народныхъ представленій о нихъ, не допуская въ ихъ традиціонномъ образѣ никакихъ произвольныхъ измѣненій. Такъ, вѣдьмы изображены Гоголемъ злыми, завистливыми, кровожадными, какъ жена сотника въ разсказѣ „Майская Ночь“, умѣющими „оборачиваться“, превращаясь въ разныхъ животныхъ. Чортъ въ произведеніяхъ Гоголя играетъ обыкновенно комическую роль, какъ и въ народныхъ сказкахъ: онъ глупъ и почти всегда остается въ дуракахъ, хотя онъ хитеръ и нерѣдко обнаруживаетъ злобу; человекъ заставляетъ чорта служить себѣ, какъ кузнецъ Вакула, и въ награду его же бьютъ и прогоняютъ съ позоромъ. Въ „Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки“ разсѣяно также и много отдѣльныхъ чертъ, характеризующихъ суевѣрія украинскаго простонародья: примѣты, повѣрья, суевѣрные обряды, какъ выливаніе переполоха. Всѣ эти вышеупомянутыя черты придаютъ его изображенію отпечатокъ народности.

Въ „Вечерахъ“ Гоголь выводитъ весьма разнообразныя типы. Съ особеннымъ удовольствіемъ обрисовываетъ поэтъ

молодыхъ парубковъ и дѣвушекъ. Въ характерѣ парубковъ Гоголь отмѣчаетъ смѣлость, безпечность, силу чувства. Дѣвушки же по своему характеру принадлежатъ къ двумъ типамъ: однѣ изъ нихъ отличаются поэтической нѣжностью, мягкою женственностью, какъ Пидорка въ разсказѣ „Вечеръ наканунѣ Ивана Купала“ и Ганна въ разсказѣ „Майская Ночь“; другія выдѣляются кокетливостью и самолюбіемъ, какъ Оксана. Въ изображеніи пожилыхъ казаковъ главная черта—это упрямство, черта, которая въ дѣйствительности очень часто встрѣчается у малороссовъ. Эта черта ярко бросается въ глаза въ характерѣ Чуба въ разсказѣ „Ночь передъ Рождествомъ,“ головы въ разсказѣ „Майская Ночь,“ дѣда въ разсказѣ „Заколдованное мѣсто“. Другая обычная черта это—гордость, высокое мнѣніе о себѣ; особенно рѣзко эта черта выступаетъ въ характерѣ головы; тутъ же, между прочимъ, Гоголь обрисовалъ и его отношеніе къ подвластнымъ, о которомъ можно судить по его распоряженію доставить ему на домъ, по случаю пріѣзда комиссара, съ каждой хаты по цыпенку и по штукѣ полотна. Что касается старыхъ казаковъ, то Гоголь рисуетъ ихъ очень лѣнливыми, напримѣръ, Чуба и Пацюка, который настолько облѣнился, что даже для ѣды не намѣренъ пошевелинуть рукою. Однако въ критическія минуты они обнаруживаютъ находчивость, и присутствіе духа, какъ старый дѣдъ въ разсказѣ „Заколдованное мѣсто“. Старухъ Гоголь обыкновенно изображаетъ сварливыми, придирчивыми и охотницами до всякаго рода сплетень. Главный недостатокъ въ обрисовкѣ большинства выведенныхъ лицъ заключается въ отсутствіи рѣзкихъ индивидуальныхъ чертъ въ ихъ характерѣ; они слишкомъ типичны, черезчуръ похожи другъ на друга. Слѣдующій недостатокъ заключается въ нѣкоторой идеализации, прикрашиваніи, къ которому прибѣгаетъ Гоголь; напримѣръ, парни и дѣвушки говорятъ у него иногда весьма искусственнымъ, книжнымъ языкомъ, совсѣмъ несвойственнымъ простому народу. Однако всѣ эти недостатки искупаются тонкимъ юморомъ, которымъ проникнуто все сочиненіе, мѣткостью наблюденій и яркостью картинъ. Для образца приводимъ описаніе украинской ночи изъ разсказа „Майская Ночь:“

„Знаете-ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи! Всмотритесь въ нее: съ середины неба глядитъ мѣсяцъ; необъятный небесный сводъ раздался, раздвинулся еще необъятнѣе; горитъ и дышитъ онъ; земля вся въ серебряномъ свѣтѣ; и чудный воздухъ и прохладно душень, и полонъ нѣги, и движеть океанъ благоуханій. Божественная ночь! Очаровательная ночь! Недвижно, вдохновенно стали лѣса, полные мрака, и кинули огромную тѣнь отъ себя. Тихи и покойны эти пруды; холодъ и мракъ водъ ихъ угрюмо заключенъ въ темно-зеленыя стѣны садовъ. Дѣвственныя чащи черемухъ и черешенъ пугливо протянули корни въ ключевой холодъ и изрѣдка лепечуть листьями, будто сердясь и негодуя, когда прекрасный вѣтренникъ, ночной вѣтеръ, подкравшись мгновенно, цѣлуетъ ихъ. Весь ландшафтъ спитъ. А на душѣ и необъятно и чудно, и толпы серебряныхъ видѣній стройно возникаютъ въ ея глубинѣ. Божественная ночь! Очаровательная ночь! И вдругъ все ожило: и лѣса, и пруды, и степи. Сыплется величественный громъ украинскаго соловья; и чудится, что и мѣсяцъ заслушался его посреди неба... Какъ очарованное, дремлетъ на возвышеніи село. Еще болѣе, еще лучше блестять при мѣсяцѣ толпы хатъ; еще ослѣпительнѣе вырѣзываются изъ мрака низкія ихъ стѣны. Пѣсни умолкли. Все тише. Благочестивые люди уже спятъ. Гдѣ-гдѣ только свѣтятся узенькія окна. Передъ порогами иныхъ только хатъ запоздалая семья совершаетъ свой поздній ужинъ.“

Среди рассказовъ „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“ совершенно отдѣльно стоитъ „Страшная мѣсть“. Послѣдній рассказъ выдѣляется изъ прочихъ, какъ по тону, такъ и по содержанію. Въ содержаніи прочихъ рассказовъ на первый планъ выступаютъ комизмъ, тонкій юморъ и веселое настроеніе, кромѣ рассказа „Вечеръ наканунѣ Ивана Купала,“ сюжетъ и содержаніе рассказа „Страшная мѣсть“ отличаются серіознымъ и мрачнымъ характеромъ, при чемъ комическій элементъ отсутствуетъ совершенно. Образъ стараго колдуна, великаго грѣшника, убившаго своего брата и жену, старавшагося обольстить собственную дочь, осужденнаго на вѣчныя мученія, долженъ былъ по замыслу Гоголя производить впечатлѣніе мистическаго ужаса. Многія черты, образы и отдѣльныя сравненія заимствованы прямо изъ народныхъ

пѣсенъ и думъ: напимѣрь, причитанія Катерины надъ тѣломъ мужа, сравненіе битвы съ кровавымъ пиромъ, образъ старой казачки, съ рыданіями провожающей своего сына на войну. Катеринѣ же авторъ влагааетъ въ уста цѣлую народную пѣсню: „Бижытъ возокъ кривавенькій“; наконецъ, Гоголь выводитъ въ концѣ разсказа слѣпца—бандуриста, заставляя его пѣть передъ народомъ пѣсню-сказаніе о братоубійствѣ и его слѣдствіяхъ. Среди особенностей даннаго разсказа слѣдуетъ также отмѣтить историческія черты, а именно: борьба съ поляками и крымцами, упоминаніе лицъ и опредѣленныхъ мѣстностей, какъ-то: Стефанъ Баторій, Глуховъ, Конотопъ. Тонъ повѣствованія отличается полной серіозностью. Во многихъ мѣстахъ разсказъ написанъ размѣренной прозой, напимѣрь, знаменитое описаніе Днѣпра, которое приводимъ здѣсь цѣликомъ: „Чуденъ Днѣпръ при тихой погодѣ, когда вольно и плавно мчитъ сквозь лѣса и горы полныя воды свои. Ни зашелохнетъ, ни прогремитъ. Глядишь и не знаешь, идетъ, или не идетъ его величавая ширина; и чудится, будто весь вылить онъ изъ стекла, и будто голубая зеркальная дорога, безъ мѣры въ ширину, безъ конца въ длину, рѣветъ и вѣетъ по зеленому міру. Любо тогда и жаркому солнцу оглядѣться съ вышины и погрузить лучи въ холодъ стекляныхъ водъ и прибрежнымъ лѣсамъ ярко отразиться въ водахъ. Зеленокудрые! Они толпятся вмѣстѣ съ полевыми цвѣтами къ водамъ и, наклонившись, глядятъ въ нихъ и не наглядятся, и не налюбуются свѣтлымъ своимъ зракомъ, и усмѣхаются ему, и привѣтствуютъ его, кивая вѣтвями. Въ середину же Днѣпра они не смѣютъ глянуть; никто, кромѣ солнца и голубого неба, не глядитъ въ него; рѣдкая птица долетитъ до середины Днѣпра. Пышный! ему нѣтъ равной рѣки въ мірѣ.

Чуденъ Днѣпръ и при лѣтней теплой ночи, когда все засыпаетъ — и человекъ, и звѣрь, и птица, — а Богъ одинъ величаво озираетъ небо и землю и величаво сотрясаетъ ризу. Отъ ризы сыплются звѣзды; звѣзды горятъ и свѣтятъ надъ міромъ и всѣ разомъ отдаются въ Днѣпрѣ. Всѣхъ ихъ держитъ Днѣпръ въ темномъ лонѣ своемъ; ни одна не убѣжитъ отъ него,—развѣ погаснетъ на небѣ. Черный лѣсъ, униженный спящими воронами и древле разломанныя горы, свѣсаясь, силятся закрыть его хотя длинною тѣнью своею, —

напрасно! Нѣтъ ничего въ мірѣ, что бы могло прикрыть Днѣпръ! Синій, синій ходитъ онъ плавнымъ разливомъ и середь ночи, какъ середь дня, виденъ за столько вдаль, за сколько видѣтъ можетъ человѣче око. Нѣжась и прижимаясь ближе къ берегамъ отъ ночного холода, даетъ онъ по себѣ серебряную струю, и она вспыхиваетъ, будто полоса дамасской сабли; а онъ, синій, снова заснулъ. Чуденъ и тогда Днѣпръ, и нѣтъ рѣки, равной ему въ мірѣ.

Когда же пойдутъ горами по небу синія тучи, черный лѣсъ шатается до корня, дубы трещать, и молнія, изламываясь между тучъ, разомъ освѣщаетъ цѣлый міръ, — страшенъ тогда Днѣпръ! Водяные холмы гремятъ, ударяясь о горы, и съ блескомъ и стономъ отбѣгають назадъ и плачутъ, и заливаются вдали. Такъ убивается старая мать казака, выпроважая своего сына въ войско: разгульный и бодрый, ѣдетъ онъ на ворономъ конѣ, подбоченившись и молодецки заломивъ шапку, а она, рыдая, бѣжитъ за нимъ, хватается его за стремя, ловитъ удила и ломаетъ надъ нимъ руки и заливаются горючими слезами.“

Вотъ всѣ эти особенности выдѣляютъ рассказъ „Страшная мѣсть“ изъ числа остальныхъ рассказовъ сборника и сближаютъ ее съ повѣстью „Тарасъ Бульба.“

Старосвѣтскіе помѣщики.

Содержаніе этой повѣсти относится къ жизни мелкопомѣстныхъ малороссійскихъ помѣщиковъ „прошедшаго вѣка,“ какъ выражается о нихъ Гоголь. Сначала описывается ежедневная жизнь Аванасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны. Прежде всего авторъ даетъ общій очеркъ быта старосвѣтскихъ помѣщиковъ; затѣмъ Гоголь рисуетъ простую, скромную жизнь всѣхъ вообще старосвѣтскихъ помѣщиковъ, ихъ мирное жилище и добродушіе. Послѣ этого поэтъ переходитъ къ весьма подробному, неторопливому описанію жизни отдѣльныхъ, извѣстныхъ лицъ изъ круга этихъ помѣщиковъ, именно: Аванасія Ивановича Товстогуба и супруги

его Пульхеріи Ивановны Товстогубихи. Сначала авторъ описываетъ ихъ возрастъ, наружность, одежду этихъ старичковъ; затѣмъ Гоголь рисуетъ ихъ взаимную привязанность и любовь, при чемъ передается, гдѣ прежде служилъ и какъ женился Аѳанасій Ивановичъ; потомъ говорится объ ихъ мирной настоящей жизни, о комнатахъ ихъ дома, объ ихъ занятіяхъ хозяйствомъ, о томъ, какъ они кушали и спали, о чемъ имѣли обыкновеніе говорить и какъ принимали своихъ гостей. Познакомивъ читателя съ ежедневною жизнью старосвѣтскихъ помѣщиковъ, писатель затѣмъ передаетъ, что случилось съ героями его повѣсти. У Пульхеріи Ивановны пропала ея любимая кошка, которую подманили дикіе коты, но никакъ не могли найти ее. Однажды, когда Пульхерія Ивановна пошла въ огородъ нарвать огурцы, она была поражена жалкимъ мяуканьемъ; оказалось, что изъ бурьяна появилась ея кошечка, но она совсѣмъ измѣнилась: она уже была худая и тощая. Наѣвшись, кошка не позволила ласкать себя, но, свыкшись съ дикими котами, она выпрыгнула въ окошко, „и никто изъ дворовыхъ не могъ поймать ее“. Этотъ неожиданный случай оказалъ такое сильное вліяніе на душу Пульхеріи Ивановны, что у нея явилось безпокойство и ожиданіе смерти. Пульхерія Ивановна вполнѣ увѣрилась въ томъ, что она должна скоро умереть, заболѣла и дѣйствительно умерла. Во время предсмертной болѣзни она грустила не о томъ, что умираетъ, а о томъ, что некому будетъ услуживать Аѳанасію Ивановичу. Съ этой цѣлью она нарочно позвала ключницу Явдоху и грозно умоляла послѣднюю зорко слѣдить за Аѳанасіемъ Ивановичемъ и подавать ему впредь любимыя имъ кушанья. Смерть Пульхеріи Ивановны и перемѣна жизни отняла у Аѳанасія Ивановича весь умъ, онъ совсѣмъ опустился. Неоднократно пробовалъ онъ лишить себя жизни; разъ онъ хотѣлъ покончить съ собой выстрѣломъ изъ револьвера, но раненій излѣчился; во второй разъ онъ бросился подъ колеса проѣзжавшаго экипажа, но и тутъ ему не повезло: его опять вылѣчили. Тоска разслабила его такъ, что онъ таялъ, какъ свѣчка. Онъ умеръ по предчувствію, подобно Пульхеріи Ивановнѣ. Однажды онъ прогулялся по саду; вдругъ онъ услышалъ, что позади кто-то произноситъ его имя. Хотя онъ, обернувшись, никого не увидѣлъ, однако онъ задумался

и твердо рѣшилъ, что его зоветъ Пульхерія Ивановна. Онъ покорился своему душевному убѣжденію и просилъ только окружающихъ лицъ похоронить его близъ могилы своей супруги, что и было исполнено. Изъ движимаго и недвижимаго имущества этихъ героевъ часть забрали приказчикъ и войтъ, которые и при жизни господъ брали, сколько ихъ душѣ было угодно, а значительная часть досталась какому-то дальнему родственнику, служившему прежде поручикомъ.

Главная идея данной повѣсти, по словамъ Стоюнина, слѣдующая: „Въ старосвѣтскихъ помѣщикахъ Гоголь имѣлъ въ виду представить, какъ непрочно счастье людей, слишкомъ мало развитыхъ умственно, хотя въ нравственномъ отношеніи они были и прекрасные люди: собственно своею рукою, бессознательно они разрушаютъ свое счастье и нерѣдко губятъ свою жизнь“. Эта основная мысль выводится какъ изъ описательной, такъ и повѣствовательной частей разбираемой повѣсти. Описательная часть представляетъ намъ, съ одной стороны, мирную и счастливую жизнь старосвѣтскихъ помѣщиковъ, ихъ простоту и добродушіе, съ другой стороны, полный застой, совершенную неподвижность этой жизни, основаніемъ чему служило ихъ малое развитіе и отсутствіе всякаго умственнаго труда. Повѣствовательная часть представляетъ обстоятельства, разрушившія счастье этихъ помѣщиковъ. Эти обстоятельства были такъ мелочны и ничтожны, что они имѣли силу и дѣйствіе только вслѣдствіе умственной неразвитости людей, благодаря пустотѣ и неподвижности ихъ жизни.

Жизнь Аванасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны чрезвычайно однообразна и проходитъ въ ѣдѣ и спаньѣ. Старички эти были самаго мирнаго характера и жили уединенно, зная о тревогахъ свѣтахъ только по слухамъ. Они мало знали и мало заботились даже о томъ, что находилось у нихъ въ комнатахъ. Хозяйство ихъ сводилось, главнымъ образомъ, къ заботамъ о кухнѣ и кладовыхъ, къ соленью и сушенью, варенью всевозможныхъ запасовъ, такъ что домъ осенью обращался какъ бы въ „химическую лабораторію“. Ихъ равнодушіе къ удобствамъ жизни происходило не оттого, что они были увлечены другими предметами, а оттого, что они ни о чемъ и не думали, кромѣ ѣды. Въ то же

время въ остальныхъ отрасляхъ хозяйства господствовали полный безпорядокъ, такъ что староста и приказчикъ немилосерднымъ образомъ обкрадывали старичковъ, пользуясь ихъ добродушемъ и житейской неопытностью. Правда, Пульхерія Ивановна умѣла готовить разные запасы, но не замѣчала, какъ ее обкрадывали дѣвки. Умственная жизнь ихъ была чрезвычайно бѣдна и лишена всякихъ высшихъ интересовъ: При такомъ ограниченномъ умѣ были ограничены и желанія: Пульхерія Ивановна была вполне счастлива, если узнавала, какъ солить грибы, или когда могла угощать. Аѳанасій Ивановичъ только и дѣлалъ, что ѣлъ да подшучивалъ надъ нею. Низкій уровень умственного развитія называется въ склонности къ суевѣрью: эпизодъ съ кошкой и голосомъ. Но въ то же время въ ихъ характерѣ было также достаточное количество благородныхъ чертъ: простота, нетребовательность, добродушіе, гостепріимство. Добродушіе и простота въ нихъ много зависѣло оттого, что имъ не на что было сердиться, не надъ чѣмъ хитрить. Но особенно трогательное впечатлѣніе производитъ ихъ глубокая взаимная любовь; старички живутъ съ мыслью другъ о другѣ. Умирая, Пульхерія Ивановна думаетъ только о своемъ супругѣ: ее тревожитъ мысль, что некому будетъ заботиться о немъ, присмотрѣть за нимъ, что Аѳанасій Ивановичъ безъ нея можетъ выйти къ гостямъ въ старомъ халатѣ. Съ своей стороны, Аѳанасій Ивановичъ не можетъ забыть свою потерю, и черезъ пять лѣтъ одно воспоминаніе о женѣ вызываетъ въ немъ горькія слезы.

Изложеніе данной повѣсти только кажется простодушнымъ и сочувственнымъ, а на самомъ дѣлѣ Гоголь выводитъ передъ нами пошлость, несостоятельность человѣческой жизни. У автора, надо полагать, является намѣреніе показать намъ, что при невниманіи къ потребностямъ человѣческаго духа можно мало-по-малу настолько сузить сферу своей духовной дѣятельности, что поневолѣ станешь приближаться къ растительной жизни. Что Гоголь осуждаетъ изображаемую жизнь, это доказывается тѣмъ, что часто среди равнаго разсказа прорываются болѣе или менѣе сильныя лирическія вставки: напримѣръ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится, сколько всякой „дряни“ наваривалось, насаливалось и насушивалось въ хозяйствѣ Пульхеріи Ивановны; или еще

какъ „приказчикъ съ войскомъ обкрадывали немилосерднымъ образомъ“ хозяйскіе хлѣбные амбары и прочія хозяйственныя статьи внѣ двора. Кромѣ этихъ вставокъ, есть и другія лирическія отступленія, болѣе обширныя. Напримѣръ, размышленія о томъ, какъ иногда маловажные, пустые случаи производятъ волненіе по поводу вопроса „Что сильнѣе надъ нами, страсть, или привычка?“ Наконецъ, еще мистическое замѣчаніе о голосѣ, который тебя зоветъ невѣдомо откуда и который простолюдины объясняютъ тѣмъ, будто „душа стосковалась за человѣкомъ“. Изобиліе лиризма въ этой небольшой повѣсти, изобиліе авторскаго раздумія при изображеніи предмета налагаютъ особенный отпечатокъ на самую рѣчь: она идетъ широко, плавно строится въ длинные періоды; въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ выступаетъ личность автора, рѣчь приостанавливается, пропускаетъ болѣе или менѣе сердитыя его замѣчанія, или волненія встревоженаго чувства.

Повѣсть „Тарасъ Бульба“.

СОДЕРЖАНІЕ.

Глава I-ая. Повѣсть начинается сценой, въ которой описывается встрѣча Тараса Бульбы съ его двумя сыновьями, пріѣхавшими домой изъ кievской бурсы. вмѣсто родительскихъ привѣтствій Тарасъ встрѣтилъ своихъ сыновей, успѣвшихъ слѣзть съ коней, насмѣшками надъ ихъ длинными свитками и неловкостью. Старшій сынъ Остапъ не вытерпѣлъ этихъ насмѣшекъ и высказалъ, что за нанесенную ему обиду никого не уважитъ и готовъ даже поколотить бабку, если тотъ не прекратитъ своихъ насмѣшекъ. Между отцомъ и сыномъ началась кулачная битва. Видя это, блѣдная и худошавая мать, не успѣвшая еще обнять своихъ дѣтей, удивляется поступку своего мужа, который остался вполне довольнымъ затѣей, рѣшивъ, что Остапъ „будетъ добрый казакъ“. Затѣмъ Тарасъ былъ готовъ повторить кулачную битву съ младшимъ сыномъ, но тутъ вмѣ-

шалась мать. Однако Тарасъ уже совѣтуетъ младшему не слушаться матери, которая, по его мнѣнію, нічего не понимаетъ, но убѣждаетъ дѣтей, что для нихъ „нѣжба—поле да конь“, и выразилъ желаніе на слѣдующей недѣлѣ отправить ихъ на Запорожье, гдѣ они наберутся разума и пройдутъ особую школу. Видя, что мать проливаетъ слезы по этому поводу, Тарасъ открыто заявляетъ ей, что казакъ не назначенъ сидѣть дома и „возиться съ бабами“. Между тѣмъ какъ жена должна была накрыть столъ, Тарасъ повелъ сыновей въ свою избу, которая была убрана во вкусъ того времени, когда на Украинѣ происходили стычки за Унію. Для пріѣзда своихъ сыновей Тарасъ устроилъ пирушку, на которую пригласилъ „всѣхъ сотниковъ и весь полковой чинъ“. Прибывшіе гости поздравили Тараса и его сыновей и, услышавъ, что Тарасъ скоро пошлетъ своихъ молодцовъ на Сѣчь, вполне одобрили его благое намѣреніе. Во время пирушки Тарасъ выразилъ желаніе, чтобы его сыновья не щадили басурмановъ вообще и даже ляховъ, въ случаѣ если послѣдніе будутъ притѣснять православныхъ. Потомъ, уготивъ своихъ сыновей „горѣлкой“, Тарасъ въ насмѣшку спрашиваетъ ихъ, какъ по-латыни горѣлка, и затѣмъ высказываетъ предположеніе, что преподаватели, вѣроятно, не давали имъ понюхать „горѣлки“, но вмѣсто этого не жалѣли розогъ. Услышавъ, что Остапъ намѣренъ забыть прошлое, но при случаѣ покажетъ татарвѣ, что за вещь казацкая сабля, Тарасъ тутъ же рѣшилъ на слѣдующій день ѣхать съ ними на Сѣчь и представить ихъ своимъ закаленнымъ въ бою товарищамъ. Сдѣлавъ всѣ нужныя приготовления къ отъѣзду на слѣдующее утро и передавъ свою власть есаулу Товкачу, Бульба улегся спать и вскорѣ захрапѣлъ. Вслѣдъ за нимъ заснули его сыновья и всѣ бывшія на хуторѣ лица. Только не спала всю ночь бѣдная мать, видѣвшая на одинъ мигъ своихъ сыновей. Она приникла къ изголовью своихъ дѣтей и, расчесывая гребнемъ ихъ волосы, смачивала ихъ своими слезами. Она не могла наглядѣться на нихъ и утѣшала себя надеждой, что, можетъ быть, Бульба, проснувшись, отсрочитъ отъѣздъ хоть на два дня. Такимъ образомъ застала ее утренняя заря. Рано утромъ проснулся Тарасъ, вспомнилъ о своихъ распоряженіяхъ и велѣлъ женѣ приготовить завтракъ къ отъѣзду. Вотъ наступила минута

отъѣзда. Тарасъ велѣлъ матери благословить дѣтей, чтобы они храбро воевали, защищали свою честь и всегда стояли за вѣру Христову. Рыдая, мать обняла своихъ сыновей и надѣла каждому на шею небольшую икону, просила ихъ не забывать ея и дать о себѣ знать. Лишь только мать увидѣла, что сыновья ея сѣли на коней, она схватилась за стремя младшаго „и съ отчаяніемъ во всѣхъ чертахъ не выпускала его изъ рукъ своихъ“. Два казака унесли ее въ хату. Когда же дѣти выѣхали за ворота, она снова бросилась за ними и обняла одного изъ нихъ „съ какою-то помѣшанною, безчувственной горячностью“. Ее опять увели. Съ грустью на лицѣ ѣхали молодые казаки, изрѣдка оглядываясь назадъ и припоминая себѣ все то, что имъ было близко, дорого и мило.

3) *Глава II-ая.* Во второй главѣ сначала описывается характеръ Остапа и Андрія въ связи съ нравами кievской бурсы. На двѣнадцатомъ году оба они поступили въ кievскую академію, гдѣ они должны были получить надлежащее воспитаніе согласно съ духомъ времени и взглядомъ высшихъ сановниковъ. Въ первый годъ Остапъ уже убѣжалъ оттуда, но за побѣгъ былъ строго наказанъ. Однако это наказаніе не оказало на него сильнаго вліянія, и онъ четыре раза повторилъ его. Слѣдуетъ предполагать, что онъ убѣжалъ бы оттуда и въ пятый разъ, но его удержали угрозы отца, который торжественно обѣщаль продержатъ своего сына въ монастырѣ двадцать лѣтъ въ качествѣ служки и не дастъ ему увидѣть Запорожья, пока онъ не окончитъ курса въ академіи. Эта угроза имѣла силу. Остапъ взялся за книгу, прилежно изучалъ логику и богословіе, хотя нерѣдко все-таки подвергался тѣлесному наказанію, что ожесточило его характеръ и сообщило ему твердость. Не желая быть предводителемъ въ дерзкихъ предпріятіяхъ, Остапъ зато всегда присоединялся къ такого рода затѣямъ, и никакія жестокія наказанія не могли принудить его выдавать своихъ товарищей. Совѣмъ другимъ былъ Андрій, который учился охотнѣе, былъ изобрѣтательнѣе своего брата, являлся нерѣдко вожакomъ опаснаго предпріятія и умѣлъ увертываться отъ ожидавшаго его наказанія. Въ то же время Андрій былъ доступенъ и чувствамъ любви, чего въ то время долженъ былъ стыдиться казакъ, не отвѣдавшій битвы. За послѣдній

годъ Андрій часто гулялъ въ уединенныхъ закоулкахъ Кіева, гдѣ жили дворяне. Однажды Андрій зазѣвался, и на него наѣхала колымага польскаго пана, возница котораго ударилъ Андрія бичомъ. Схвативъ сильною рукою за заднее колесо, Андрій остановилъ колымагу, но кучеръ ударилъ по лошадамъ, которыя такъ быстро помчались, что Андрій упалъ лицомъ въ грязь. Стоявшая у окна красавица полячка при этомъ громко засмѣялась, но ея красота прельстила молодого бурсака. Желая узнать, кто эта красавица, Андрій спросилъ у дворни, но послѣдняя не обратила на него вниманія. Узнавъ, что это была дочь ковенскаго воеводы, Андрій пробрался черезъ частоколъ въ садъ, взлѣзъ на дерево, оттуда на крышу и черезъ трубу камина очутился въ комнатѣ полячки, которая разсматривала свои драгоценности. Благодаря горничной плѣнной татаркѣ, Андрій по приказанію полячки осторожно попалъ въ садъ, но тутъ сторожъ и дворня поколотили его. Послѣ этого онъ еще два раза видѣлъ ее: разъ въ костелѣ (католической церкви), а вторично—вскользь. Объ этихъ-то минувшихъ событіяхъ думали молодые казаки, когда вѣхали въ степь, которая представляла собою необозримое пространство, покрытое пышною растительностью. Путники остановились на нѣсколько минутъ для обѣда, а затѣмъ продолжали путь до вечера и ночевали подъ открытымъ небомъ. Все время они ѣхали безъ всякихъ приключеній. Только одинъ разъ Тарасъ указалъ сыновьямъ на чернѣвшую въ дальней травѣ точку, сказавъ, что это ѣдетъ татаринъ, и убѣждалъ ихъ, что его трудно догнать. Однако Тарасъ принялъ мѣры предосторожности изъ опасенія, не скрывается ли гдѣ-нибудь засада. Приблизившись къ рѣчкѣ Татаркѣ, впадающей въ Днѣпръ, путники кинулись въ воду иплыли по ней, чтобы скрыть свой слѣдъ, а затѣмъ, выйдя на берегъ, продолжали путь. Черезъ три дня они прибыли къ тому мѣсту Днѣпра, гдѣ онъ былъ спертъ порогами, и, наконецъ, добрались до острова Хортицы, гдѣ въ то время была Сѣчь. Оправивъ коней и прио-санившись, они затѣмъ вмѣстѣ вѣхали въ предмѣстье Сѣчи. Послѣ этого, проѣхавъ нѣсколько разбросанныхъ куреней, они очутились въ самой Сѣчи, гдѣ кучами пестрѣлъ народъ, и откуда разливались воля и казачество на всей Украинѣ. Наконецъ, они вѣхали на обширную площадь,

гдѣ обыкновенно собирався совѣтъ; въ одномъ мѣстѣ на бочкѣ сидѣлъ безъ рубашки запорожець, зашивавшій на ней дыры; въ другомъ мѣстѣ сидѣла толпа музыкантовъ, въ срединѣ которыхъ плясаль до упада казакъ и велѣлъ Ѳомѣ не жалѣть горѣлки. Ѳома мѣрилъ каждому приставшему по огромной кружкѣ горѣлки, послѣ чего къ пляшущему присоединилось еще четверо. Видя эту картину, Тарасъ самъ готовъ былъ пуститься въ пляску, но, по его мнѣнью, конь препятствовалъ ему. Вскорѣ Тарасъ встрѣтилъ тутъ многихъ знакомыхъ и спрашивалъ у нихъ о своихъ товарищахъ, которыхъ онъ не видитъ; но оказалось, что многихъ постигла плохая участь: кого повѣсили, съ кого содрали кожу, голову кого посолили въ бочкѣ и отправили въ Царьградъ. Понурия голову, Тарасъ хвалилъ ихъ, говоря, что они были добрыми казаками.

Глава III-ья. Почти недѣлю Тарасъ съ сыновьями пробыли въ Сѣчи. Оба казака мало занимались военной школой, такъ какъ Сѣчь не любила заниматься военными упражненіями, но молодость развивалась однимъ только опытомъ во время стычекъ, которыя были почти непрерывны. Въ мирное время казаки занимались изученіемъ стрѣльбы въ цѣль, конной скачки, охоты за звѣрями въ степяхъ и лугахъ; все остальное время посвящалось гульбѣ. Сѣчь состояла изъ людей разнаго калибра лицъ, искавшихъ только свободу и бранную жизнь; а поступать въ число казаковъ имѣлъ право каждый, кто только крестнымъ знаменіемъ подтверждалъ передъ кошевымъ, что онъ вѣруетъ въ Христа, Святую Троицу и ходитъ въ церковь. Осталь и Андрій сразу отдали себя всецѣло этой веселой и разгульной жизни и стали на хорошемъ счету у казаковъ; среди другихъ они отличились своею удаleyю и удачливостью; мѣтко стрѣляли въ цѣль, переплывали Днѣпръ противъ теченья, что считалось важнымъ подвигомъ для новичка. Но такая праздная жизнь совсѣмъ была не по душѣ Тарасу, такъ какъ онъ искренно желалъ какого-нибудь военнаго предпріятія, въ которомъ могли бы отличиться его сыновья. Съ этой цѣлью онъ старается побудить кошевого отправиться походомъ противъ Турецины или Татарвы, но кошевой не соглашается, такъ какъ казаки обѣщали миръ султану. За этотъ отказъ Тарасъ рѣшилъ отомстить кошевому. Съ этою цѣлью онъ

сговорился съ нѣкоторыми казаками, устроилъ имъ попойку; нѣкоторые изъ нихъ тотчасъ повалили на площадь, гдѣ стояли литавры, въ которыя били сборъ на раду. Не найдя палокъ, хранившихся всегда у довбиша, они полѣнами начали колотить въ литавры. Прибывшій довбишъ по приказанію толпы ударялъ палками по литаврамъ, и въ одинъ моментъ площадь наполнилась запорожцами, въ числѣ которыхъ послѣ третьяго боя оказались на лицо кошевой, судья и есауль. Собравшаяся толпа рѣшила низвергнуть только кошевого и на его мѣсто избрать новаго атамана. Изъ числа кандидатовъ былъ выбранъ согласно принятому въ Сѣчи обычаю Кирдяга, за котораго агитировалъ Тарасъ. Избраніе новаго кошевого казаки отпраздновали весьма торжественно; всѣ напились до упада, и вся Сѣчь заснула богатырскимъ сномъ.

Глава IV-ая. На слѣдующій день Тарасъ уже совѣщался съ новымъ кошевымъ, какъ поднять запорожцевъ на какое-нибудь дѣло. Кошевой возразилъ, что пусть только народъ соберется по своему желанію, не по личному приказу, и тогда возможно будетъ что-нибудь придумать. Дѣйствительно, вскорѣ ударили въ литавры, и казаки направились на площадь. Тутъ начали раздаваться голоса, что нѣтъ войны, что даромъ пропадетъ казацкая сила и т. п. Между прочимъ, заговорилъ хитро и кошевой, который выразился, что, съ одной стороны, казаки клялись султану поддержать съ нимъ дружественныя отношенія, и, съ другой стороны, безъ войны нельзя жить, такъ какъ есть много молодыхъ казаковъ, не знавшихъ, что такое война. Вотъ казацкій сходъ рѣшаетъ, чтобы молодые казаки, несмотря на миръ съ султаномъ, пошарили берега Анатолиі. Послѣ этого кошевой припоминаетъ въ рѣчи, что султанъ, по всей вѣроятности, не оставитъ безнаказаннымъ удовольствія, которымъ потѣшатся молодцы, а потому, по его мнѣнію, слѣдуетъ подумать о послѣдствіяхъ; съ другой стороны, во время отлучки и татарва можетъ произвести нападеніе на нихъ. Затѣмъ онъ намекаетъ, что у нихъ въ запасѣ нѣтъ достаточного количества челноковъ и пороху. Эти слова кошевого были вполне достаточны, чтобы казаки приготовились на всякій случай. Во время приготовленія къ морскому походу къ берегу началъ причаливать большой паромъ съ толпой казаковъ,

изъ которыхъ одинъ извѣщаетъ о бѣдственномъ положеніи гетманщины отъ поляковъ и жидовъ, а именно: поляки пригнѣняютъ православныхъ, отдають церкви въ аренду жидамъ, гетманъ изжаренъ въ мѣдномъ быкѣ, полковники убиты. Вдругъ поднялась вся Сѣчь, какъ только выслушала эту вѣсть: торговавшіе здѣсь жида были преданы избіенію. Въ это время одинъ изъ мѣстныхъ евреевъ, Янкель, съ позволенія Вульбы, оправдывалъ своихъ собратьевъ, указывая на разницу между евреями на Сѣчи и въ Украинѣ; но тутъ по неосторожности Янкель назвалъ запорожцевъ своими братьями. Услышавъ эти слова, разъяренная толпа бросала евреевъ въ волны. Та же участь постигла бы и Янкеля, но оказалось, что послѣдній зналъ хорошо брата Тараса Дероша, которому Янкель далъ 800 пехиновъ, чтобы выкупиться изъ плѣна у турокъ. Это было вполне достаточно для Янкеля, чтобы спасти ему жизнь. Тарасъ повелъ Янкеля къ своему обозу, гдѣ онъ лежалъ подъ телѣгой, а казакамъ Тарасъ велѣлъ не выпускать его. Послѣ этого Тарасъ поспѣшилъ на площадь, гдѣ собиралась вся толпа; тамъ уже рѣшили морской походъ измѣнить на сухопутный. Передъ походомъ кошевой отдалъ надлежащія распоряженія. Затѣмъ священникъ, отслуживъ молебенъ, окропилъ всѣхъ святою водою; всѣ приложились ко кресту, послѣ чего таборъ потянулся изъ Сѣчи.

Глава V-ая. Скоро по всему польскому югозападу разнеслась страшная вѣсть о казакахъ, которые все предавали огню и мечу, не встрѣчая отпора. Въ этомъ походѣ показали себя молодые казаки, ни въ чемъ не уступая старымъ закаленнымъ въ битвахъ воинамъ. Особенно отличились Остапъ и Андрій, ставшіе одними изъ первыхъ. Видя ихъ отчаянную храбрость, Тарасъ пророчески предсказывалъ блестящую будущность Остапу, который превзойдетъ отца, а объ Андріи высказалъ предположеніе, что онъ будетъ хорошимъ воякой. Вскорѣ казаки осадили городъ Дубно и, предавъ опустошенію его окрестности, рѣшили выморить жителей голодомъ. Сыновьямъ Тараса не нравилась уже такая праздная жизнь, но старикъ убѣждалъ ихъ, что необходимо терпѣнье во всемъ. Между тѣмъ подоспѣлъ полкъ Тараса, приведенный Товкачомъ; съ нимъ было 2 есаула, писаръ и полковые чины; всѣхъ казаковъ набралось болѣе

4000. Наступила ночь; всё заснуло; Андрій также хотѣлъ заснуть, но не могъ. Вотъ онъ узнаетъ отъ татарки-служанки, что въ осажденномъ городѣ умираетъ отъ голода дочь воеводы, съ которой онъ познакомился и которую страстно любилъ еще въ Кіевѣ. Онъ оставляетъ ночью лагерь и въ сопровожденіи татарки пробивается потаеннымъ ходомъ въ осажденный городъ, куда несетъ мѣшки съ хлѣбомъ для дочери воеводы. Когда онъ проходилъ мимо спящаго Тараса, то послѣдній, почувявъ сквозь сонъ, что съ нимъ, повидимому, женщина, пригрозилъ ему, но вскорѣ заснулъ, и Андрій направился быстрыми шагами впередъ.

Глава VI-ая. Слѣдуя за татаркой и таща мѣшки хлѣба, Андрій едва двигался въ темномъ корридорѣ; такъ они дошли до мѣста, гдѣ татарка оставила раньше свой свѣтильникъ, и затѣмъ, продолжая путь, дошли до желѣзной двери. Такъ какъ татарка не имѣла силъ постучаться, то вмѣсто нея Андрій сильно ударилъ въ дверь. Вскорѣ монахъ отворилъ дверь, и, пройдя костѣль, они очутились въ городѣ. Тутъ Андрій былъ пораженъ видомъ тѣхъ несчастныхъ, которые были жертвами голода, при чемъ въ городѣ не осталось даже нечистыхъ животныхъ, мясомъ которыхъ можно было воспользоваться для утоленія голода и поддержанія силъ. На вопросъ Андрія, какъ же послѣ этого жители еще обороняли городъ, татарка возразила, что воевода уже готовъ былъ сдать городъ, но за день передъ тѣмъ полковникъ въ Буджакахъ пустилъ въ городъ ястреба съ запиской не отдавать города, увѣряя, что вмѣстѣ съ другимъ полковникомъ прибудетъ имъ на выручку. Между тѣмъ они вошли въ домъ, гдѣ Андрій снова встрѣчается съ любимой имъ полничкой. Пылкая и мягкая натура Андрія покоряется просьбамъ любимой имъ женщины: онъ забываетъ дѣло своей родины, своего отца и брата и переходитъ на сторону своихъ враговъ. Въ это время въ комнату вбѣжала татарка съ радостнымъ крикомъ, что въ городъ привезли съѣстные припасы и связанныхъ запорожцевъ.

Глава VII-ая. Въ запорожскомъ таборѣ происходилъ переполохъ по случаю того, что въ городъ прошелъ отрядъ польскаго войска на помощь осажденнымъ. Сначала никто не могъ объяснить, какимъ образомъ это случилось, но потомъ дѣло разъяснилось: оказалось, что весь Переяславскій

курень, расположенный передъ боковыми городскими стѣнами, былъ пьянъ. Тогда кошевой, приказавъ всѣмъ казакамъ собраться, отдаетъ куренямъ надлежащія распоряженія на будущее время; казаки окружаютъ городъ со всѣхъ сторонъ, чтобы принудить непріятели къ сдачѣ. Уходя къ своему полку, Тарасъ, какъ ни думаль, не могъ догадаться, гдѣ его сынъ: онъ его всюду искалъ, но нигдѣ не могъ найти. Въ это время около Тараса очутился Янкель, успѣвшій побыть въ городѣ съ цѣлью получить долгъ у хорунжаго Гаяндовича. Послѣдній велѣлъ Янкеля повѣситъ, но несчастный еврей откупился тѣмъ, что обѣщаль Гаяндовичу одолжить еще извѣстную сумму, если онъ поможетъ ему собрать долгъ съ другихъ рыцарей. На вопросъ Тараса, не видалъ ли Янкель въ городѣ запорожцевъ, Янкель возразилъ, что видѣлъ тамъ Андрія, который изъ любви къ красивой дочери польскаго воеводы перешелъ на сторону поляковъ и обѣщаль жениться на паннѣ, какъ только прогонитъ запорожцевъ. Старикъ Тарасъ не вѣритъ своимъ ушамъ. Наконецъ, Тарасъ повелъ свой полкъ въ засаду и скрылся съ нимъ за лѣсомъ, а запорожцы пѣшіе и конные выступили на три дороги къ тремъ воротамъ. Вскорѣ началась вылазка непріятели, которые были одѣты въ дорогія одежды и имѣли блестящее вооруженіе, между тѣмъ какъ у казаковъ одежда и вооруженіе были недорогія. Стоявшій на верху польскій полковникъ грозилъ перевязать всѣхъ казаковъ, какъ онъ поступилъ съ куреннымъ атаманомъ Хлибомъ, при чемъ послѣдняго, скрученнаго веревками, вывели казакамъ на показъ. Но Хлиба утѣшали стоявшіе внизу атаманы: Бородатый, Голопытенко и Поповичъ. Видя, что поляки намѣрены начать битву, кошевой велѣлъ казакамъ отступить. Дѣйствительно, ворота отворились, войска выступили, и вскорѣ началась всеобщая рѣзня, въ которой показали себя казаки. Такъ, Поповичъ закололъ нѣсколькихъ шляхтичей, а затѣмъ, пробившій въ кучу, одного убилъ, а другому накиннулъ арканъ на шею и, привязавъ къ сѣдлу, влекъ его по полю. Кукубенко убилъ шляхтича, нанесяго смертельный ударъ Кобитѣ, и пробрался въ другую кучу. Между тѣмъ уманскій куренной атаманъ Бородатый хотѣлъ воспользоваться „убранствомъ“ и дорогими доспѣхами шляхтича, убитаго Кукубенкомъ, но самъ лишился головы, отрубленной какимъ-то хо-

рунжимъ. Какъ только послѣдній нагнулся, чтобы привязать отрубленную голову къ сѣдлу, тутъ быстро налетѣлъ Остапъ, накинулъ ему на шею арканъ, шнуромъ хорунжаго связалъ его по рукамъ и ногамъ, прицѣпилъ конецъ веревки къ сѣдлу и поволокъ черезъ поле, громко созывая казаковъ уманскаго куреня, чтобы шли отдать послѣднюю честь старому атаману. За этотъ подвигъ Остапъ тутъ же былъ выбранъ въ атаманы на мѣсто убитаго. Вскорѣ поляки грянули картечью въ казацкіе ряды, но пули попали въ быковъ, которые бросились на казацкіе таборы. Тогда изъ засады показался Тарасъ со своимъ полкомъ, и бѣшеное стадо быковъ ринулось на поляковъ, которые были опрокинуты и приведены въ смятеніе. Видя это, поляки ворвались въ ворота, преслѣдуемые казаками, но уманцевъ остановилъ Остапъ, увирая, что неудобно близко подходить къ нимъ. Кошевой благодарилъ Остапа за его тактику, а подѣхавшій Тарасъ, увидѣвъ сына въ лицѣ новаго атамана, благодарилъ уманцевъ за честь, оказанную сыну. Когда рѣзня окончилась, всѣ разошлись. Иные расположились отдохнуть, утомившись отъ боя, и перевязывали свои раны; другіе убирали мертвые тѣла павшихъ товарищей и хоронили ихъ; третьи привязывали тѣла ляховъ къ хвостамъ дикихъ коней и надругались надъ ними. Затѣмъ всѣ курени сѣли за ужинъ, во время котораго говорили о подвигахъ, доставшихся въ удѣлъ каждому. Тарасъ же не могъ долго заснуть, предаваясь размышленію о своемъ сынѣ, наконецъ, и онъ заснулъ.

Глава VIII-ая. Казакъ Максимъ Голодуха извѣщаетъ запорожцевъ, что въ ихъ отсутствіи на Сѣчь напали татары, ограбили казну, все пожгли и всѣхъ оставшихся тамъ казаковъ увели въ плѣнъ. Тогда казаки обратились за совѣтомъ къ кошевому, мнѣніе котораго было — немедленно отправиться въ походъ противъ татаръ, такъ какъ казаки успѣли уже ляхамъ показать, что такое казакъ. Но съ этимъ мнѣніемъ не согласился Тарасъ, напоминая, что въ плѣну у ляховъ остались многіе казаки, освободить которыхъ велитъ имъ священный долгъ товарищества. Присутствующіе казаки не знали, какъ рѣшить дѣло. Тогда выступаетъ старѣйшій годами казакъ Касьянъ Бовдюгъ, занимавшій уже два раза должность кошевого. Бовдюгъ одобряетъ мнѣніе кошевого, который, какъ глава казацкаго войска, обязанъ за-

ботиться о казацкомъ войскѣ и его скарбѣ, и соглашается также съ мнѣніемъ Тараса, что первая честь и первый долгъ казака — это соблюдать товарищество. Поэтому пусть каждый поступитъ по своему желанію: одна половина съ кошевымъ во главѣ пусть отправится за татарами, а другая пусть выберетъ себѣ наказного атамана и останется здѣсь, при чемъ, съ своей стороны, совѣтуетъ выбрать въ наказные атаманы Тараса Бульбу. Такъ казаки и поступили. При этомъ по приказу кошевого отправляющіеся въ походъ выступали направо, а остающіеся на мѣстѣ удалились налѣво; кромѣ того, куренной атаманъ переходилъ туда, куда направлялась большая часть куреня, а меньшая часть должна была присоединиться къ другимъ куренямъ. Пообѣдавъ и отдохнувъ, казаки попрощались и направились въ путь.

Видя, что оставшіеся казаки приуныли, Тарасъ велѣлъ своимъ слугамъ выкатить имѣвшіяся у него въ запасѣ бочки съ виномъ и баклагой и, обращаясь къ казакамъ, сказалъ, что онъ угощаетъ ихъ и предлагаетъ выпить за православную вѣру, за Сѣчь, за ихъ собственную славу и за всѣхъ христіанъ.

Глава IX-ая. Въ городѣ никто не зналъ, что половина казаковъ выступила въ погоню за татарами; только часовые замѣтили, что часть воевъ потянулась за лѣсомъ, и поляки были того мнѣнія, что казаки готовились сдѣлать вылазку. Между тѣмъ въ городѣ, какъ правильно предполагалъ кошевой, оказался недостатокъ въ свѣстныхъ припасахъ. Ляхи пытались дѣлать вылазку, но часть этихъ смѣльчаковъ была перебита казаками, а часть прогнана въ городъ. Этой вылазкой воспользовались бывшіе тамъ евреи, которые узнали все о запорожцахъ и сообщили полякамъ, которые вслѣдствіе этого готовились дать сраженіе. Съ своей стороны Тарасъ отдалъ казакамъ надлежащія распоряженія, принимая самъ дѣятельное участіе въ работѣ. Когда уже все было приготовлено къ предстоящему бою, Бульба сказалъ рѣчь о могуществѣ и силѣ казацкаго товарищества. Между тѣмъ ляхи дѣлали вылазки, и началась кровопролитная битва, въ которой погибла значительная часть казацкихъ воиновъ, ободряемая Тарасомъ. Вдругъ изъ города выѣзжаетъ гусарскій полкъ подъ предводительствомъ Андрія, который ѣхалъ на прекрасномъ аргамакѣ и билъ своихъ направо и налѣво. За-

мѣтивъ это, Тарасъ приказываетъ нѣсколькимъ казакамъ заманить Андрія къ сосѣднему съ городомъ лѣсу. Разогнавшись, Андрій едва не настигнулъ Голопытенка, но вдругъ сильная рука ухватила за поводъ коня Андрія. Послѣдній увидѣлъ передъ собой отца и весь поблѣднѣлъ. Упрекая сына въ измѣнѣ, Тарасъ безъ всякаго сожалѣнія убилъ его. Въ этотъ мигъ подѣхалъ Остапъ. Жалко ему стало брата и умолялъ отца честно предать землѣ Андрія, но Тарасъ и не думалъ. Между тѣмъ къ нимъ подсекали одинъ за другимъ Голопытенко, Вовтузенко, а затѣмъ пѣшкомъ приближалъ Писаренко;— всѣ они передаютъ, что поляки усилились и наносятъ громадный уронъ казакамъ, которые ищутъ своего атамана, не желая умирать въ его отсутствіи. Тарасъ велитъ Остапу немедленно сѣсть на коня и направиться къ казакамъ. Вдругъ Остапъ и Тарасъ были окружены ляхами. Оба они отбивались, махая саблями во всѣ стороны, но это не помогло; Остапъ попалъ въ плѣнъ, а Тарасъ упалъ на землю, и какъ бы туманъ покрылъ его глаза.

Глава X-ая. Вѣрный другъ Товкачъ везъ тяжело раненаго Тараса и, наконецъ, добрался съ почти безчувственнымъ больнымъ до Сѣчи, гдѣ онъ лѣчилъ его. Раны понемногу заживали, и черезъ полтора мѣсяца старый Тарасъ увидѣлъ большую переимѣну: старые товарищи всѣ перемерли. Тарасъ сталъ пасмуренъ и печаленъ; ничто не могло розвеселить его, такъ какъ онъ сильно тосковалъ по Остапѣ. Наконецъ, онъ рѣшилъ узнать, что съ его сыномъ, прибылъ въ Умань и очутился въ домѣ Янкеля, у котораго онъ просилъ оказать ему услугу, напоминая Янкелю, что онъ спасъ его отъ смерти. Тарасъ проситъ Янкеля везти его прямо въ Варшаву и, давъ ему двѣ тысячи червонныхъ, обѣщается ему добавить еще 3,000, когда возвратится. Такъ какъ время было опасное, то Янкель посоветовалъ Тарасу положиться на двѣ воза, нагруженнаго кирпичами. Такимъ образомъ Тарасъ тайкомъ прибылъ въ Варшаву, куда были увезены плѣнные казаки.

Глава XI-ая. Не успѣлъ еще Тарасъ выкарабкаться изъ нагруженнаго кирпичомъ воза, какъ Янкель уже говорилъ съ тремя жидами, по какому поводу онъ прибылъ въ Варшаву. Вскорѣ Янкель передалъ Тарасу, что его сынъ Остапъ сидитъ въ городской темницѣ и всеялъ ему надежду

доставить свиданіе съ сыномъ, несмотря на то, что трудно будетъ уговорить стражу. Въ то время какъ Тарасъ уже находился въ комнатѣ и слышалъ непонятный для него языкъ, онъ умоляетъ ихъ всячески освободить Остапа, за что обѣщаетъ имъ 24,000 червонныхъ и все свое движимое и недвижимое имущество и готовъ заключить съ ними контрактъ на слѣдующихъ условіяхъ: онъ обязывается въ теченіе всей своей жизни отдать имъ половину добычи, которую онъ приобрететъ на войнѣ. Жиды дали отрицательный отвѣтъ, но при этомъ прибавили, что они постараются и посоветуются съ нѣкимъ Мардохаемъ. Тѣмъ временемъ Янкель велитъ Тарасу сидѣть дома, запереться на ключъ и никого не впускать. Цѣлый день просидѣлъ Тарасъ одинъ. Наконецъ, Янкель и Мардохай возвратились и сообщили Тарасу, что объ освобожденіи Остапа не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ сильный отрядъ въ 3,000 человекъ охраняетъ казаковъ, которыхъ подвергнуть смертной казни на слѣдующій день; но, съ другой стороны, передаютъ, что на зарѣ часовые готовы предоставить свиданіе. Тарасъ согласился. Рано утромъ Тарасъ, по предложенію Янкеля, переодѣлся въ костюмъ нѣмецкаго графа и при помощи того же Янкеля пробирается въ городскую тюрьму, чтобы повидаться съ Остапомъ. Но около послѣднихъ дверей тюрьмы уже не было часового Яна, съ которымъ они раньше уговорились, а вмѣсто него стоялъ гайдукъ. Янкель проситъ гайдука пропустить иностраннаго князя, желающаго видѣть казаковъ. Но гайдукъ удивляется любопытству князя и называетъ собаками казаковъ, вѣры которыхъ никто не уважаетъ. Тарасъ не вытерпѣлъ этой обиды и самъ назвалъ гайдука собакой, прибавивъ, что ихъ еретической вѣры никто не уважаетъ. Тогда гайдукъ догадался, кто могъ быть прибывшій князь, и уже хотѣлъ позвать своихъ. Тарасъ понялъ свою неосторожность, но исправить ошибку было уже трудно, и гости должны были дать гайдуку сто червонныхъ, чтобы онъ ихъ не выдалъ. Выйдя изъ тюрьмы, Тарасъ въ сопровожденіи Янкеля направился на площадь и тамъ присутствуетъ при казни сына. Площадь была переполнена любопытными, для которыхъ казнь казаковъ составляла занимательное зрѣлище въ то грубое время. Тамъ можно было встрѣтить людей

разныхъ классовъ. Вдругъ толпа зашумѣла: „Ведутъ! ведутъ!.. казаки!“. Дѣйствительно, казаки шли на казнь; впереди всѣхъ шелъ Остапъ. Приблизившись къ эшафоту, Остапъ только выразилъ желаніе, чтобы присутствующіе еретики не слышали, какъ мучится христіанинъ. Затѣмъ Остапа подвергали пыткамъ, которыя онъ стойко переносилъ. Но когда его подвели къ послѣднимъ смертнымъ мукамъ, силы его начали подаваться, и онъ мысленно обратился къ своему отцу, который въ его глазахъ былъ идеаломъ казацкой доблести, и твердымъ голосомъ воскликнулъ: „Батько! гдѣ ты? Слышишь ли ты все это?“. „Слышу!“ раздался голосъ Тараса. Всадники бросились отыскать Тараса, но его ужь тутъ не было.

Глава XII-ая. Сто двадцать тысячъ казацкаго войска показалось на границахъ Украины съ цѣлью отомстить ляхамъ за ихъ посмѣяніе и враждебное отношеніе къ вольнымъ рыцарямъ-запорожцамъ. Во главѣ казаковъ стоялъ гетманъ Остраница. Самый отборный изъ всѣхъ полковъ былъ полкъ Тараса Бульбы. Даже самимъ казакамъ казалась чрезмѣрною его беспощадная свирѣпость и жестокость къ врагамъ. И самъ польскій коронный гетманъ Николай Потоцкій со своей многочисленной арміей оказался слабымъ противъ непреодолимой силы казаковъ. Грозныя казацкіе полки окружили его въ мѣстечкѣ Полонномъ, гдѣ онъ, приведенный въ крайность, „клятвенно обѣщалъ полное удовлетвореніе во всемъ со стороны короля и государственныхъ членовъ и возвращеніе всѣхъ прежнихъ правъ и преимуществъ“. Сначала казаки не хотѣли согласиться на эти условія, такъ какъ имъ неоднократно пришлось убѣдиться, что значитъ польская клятва. Но Потоцкаго на этотъ разъ спасло православное духовенство этого мѣстечка, которое въ полномъ облаченіи съ иконами и крестомъ вышло навстрѣчу казакамъ. Гетманъ Остраница вмѣстѣ съ полковниками согласился отпустить Потоцкаго, который далъ имъ клятвенную присягу оставить на свободѣ всѣ христіанскія церкви и не наносить обиды казацкому воинству. Однако съ этимъ условіемъ не согласился одинъ Тарасъ, который старался убѣждать казаковъ въ томъ, что поляки уже неоднократно нарушали присягу, и рѣшился со своимъ полкомъ продолжать военныя дѣйствія. Слова Тараса, дѣйствительно, оправ-

дались. Спустя нѣкоторое время, вѣроломные поляки схватили гетмана Острицу и другихъ знатныхъ казаковъ подъ Каневомъ и вздернули на коль ихъ головы. А Тарась со своимъ полкомъ гулялъ по всей Польшѣ, выжегъ восемнадцать мѣстечекъ, около сорока костеловъ и уже доходилъ до Кракова. На пути своемъ Тарась все и всѣхъ подвергалъ огню и мечу, повторяя: „Это вамъ, вражьи ляхи, поминки по Остапѣ!“ Тогда правительство поручило тому же Потоцкому пять полковъ непременно поймать Тараса. Потоцкій преслѣдовалъ Тараса и настигъ его на берегу Днѣстра, гдѣ послѣдній занялъ для отдыха развалившуюся крѣпость. Четыре дня отбивались казаки кирпичами и камнями, а потомъ рѣшили пробиться сквозь непріятельскіе ряды. И пробившись бы, какъ вдругъ среди самага бѣгу Тарась остановился, чтобы поднять люльку, которую онъ передъ тѣмъ уронилъ. Тутъ онъ былъ схваченъ гайдаками. Съ разрѣшенія гетмана присудили сжечь Тараса живымъ въ виду всѣхъ. Враги притянули его желѣзными цѣпями къ деревенному столбу, гвоздемъ прибили ему руки и подъ деревомъ раскладывали костеръ. Но въ данную минуту онъ думалъ не о своей участи, а о томъ, какъ бы спасти своихъ товарищей. Увидя, что у берега рѣки стоятъ челны, онъ кричалъ товарищамъ, чтобы они забрали ихъ и убѣжали отъ непріятелей. За этотъ совѣтъ Тараса ударили обухомъ по головѣ. Послѣдовавъ его совѣту, казаки быстро перелетѣли черезъ пропасть, бултыхнулись въ Днѣстръ и добрались до челноковъ, за исключеніемъ двухъ, которые тутъ же испустили духъ. Преслѣдующіе ихъ ляхи остановились надъ пропастью и не рѣшались сдѣлать то же самое. Только молодой полковникъ, братъ полячки, обворожившей Андрія, бросился за казаками, но тутъ былъ раздавленъ и разможженъ на куски. Очнувшись отъ удара и увидѣвъ, что казаки уже были на челнахъ и гребли веслами, Тарась восплалялъ необыкновенной радостью, крикомъ прощался со своими товарищами, которыхъ пресилъ будущей весной снова притти сюда и хорошенько погулять. Между тѣмъ огонь подымался надъ костромъ и мало-по-малу захватывалъ цѣликомъ Тараса, а плившіе на челнахъ казаки говорили про своего атамана.

Характеристина дѣйствующихъ лицъ.

Типическимъ воплощеніемъ казачества, по понятіямъ Гоголя, является самъ Тарасъ Бульба, центральное лицо всей повѣсти. Въ образѣ Тараса поэтъ изобразилъ личность съ такими свойствами, которыя могли развиваться подъ вліяніемъ извѣстныхъ историческихъ условій и характеризуютъ собою цѣлую общественную среду. Какъ представитель запорожскаго казачества съ его свѣтлыми и темными сторонами, Тарасъ — натура страстная, увлекающаяся, предпріимчивая, тяготящаяся мирнымъ бездѣйствіемъ и не любящая никакого мирнаго дѣла. Отсюда его непосѣдливость, отсюда же и слабая привязанность его къ семьѣ и къ дому. Тарасъ отличается грубой прямою нравомъ: такъ, при свиданіи съ сыновьями, которые только что вернулись изъ кievской бурсы, Тарасъ смѣется надъ ихъ длиннополыми свитками и вмѣсто нѣжныхъ родительскихъ привѣтствій начинаетъ биться на кулакахъ со старшимъ сыномъ Остапомъ. Та же черта видна въ обращеніи его съ женой, на которую онъ смотритъ, какъ на безвольную рабу, не спрашивая ни въ чемъ ея совѣта и согласія: онъ не внимаетъ голосу ея материнскаго сердца и, несмотря на ея мольбы, везетъ сыновей въ Сѣчь на другой же день ихъ пріѣзда на родину. Грубая прямота нрава до такой степени присуща Тарасу, что она обнаруживается даже и въ тотъ моментъ, когда отъ нея ему грозитъ опасность: находясь въ тюрьмѣ, куда онъ является, какъ иностранный князь, съ цѣлью увидѣть сына Остапа, Тарасъ, нисколько не стѣсняясь, называетъ гайдука „чортovýmъ сыномъ“, когда тотъ назвалъ казаковъ собаками и сталъ хулить ихъ вѣру. Одновременно съ прямою нравомъ Тарасъ соединяетъ въ себѣ спокойствіе и настойчивость. Онъ рѣшается ѣхать на Сѣчь вмѣстѣ съ сыновьями; онъ же удерживаетъ разъяренную толпу, когда та бросается на Янкеля, чтобы утопить его. Будучи самъ идеальнымъ казакомъ, Тарасъ Бульба желаетъ видѣть таковыми и своихъ сыновей. „Не слушай, сынку, матери: она—баба, она ничего не знаетъ. Какая вамъ нѣжба? Ваша нѣжба — чистое поле да добрый конь: вотъ ваша нѣжба. А видите вотъ эту саблю? Вотъ

ваша мать! Это все дрянь, чѣмъ набиваютъ головы ваши: и академія, и всѣ тѣ книжки, буквари и философія. А вотъ, лучше, я васъ на той же недѣлѣ отправлю на Запорожье. Вотъ гдѣ наука, такъ наука! Тамъ вамъ школа, тамъ только наберетесь разуму!“—это говорилъ Бульба дѣтямъ въ первыя минуты ихъ прїѣзда. Тарасу прїятеиъ мужественный гнѣвъ Остапа, когда тотъ съ кулаками бросается на него, защищая себя отъ насмѣшекъ отца; напротивъ, Тарасъ подсмѣивается надъ Андріемъ, называетъ его „мазунчикомъ“ за то, что онъ ласковъ съ матерью. Съ Андріемъ Тарасъ Бульба мирится только тогда, когда тотъ показалъ свою казацкую удаль. Вообще успѣхи сыновей въ военныхъ подвигахъ весьма радуютъ Тараса. Онъ любитъ Остапомъ и Андріемъ во время похода на Польшу, такъ какъ оба они выдавались среди товарищей своими воинскими доблестями. Однако предпочтеніе Тарасъ отдаетъ Остапу: онъ искренно радуется, видя его начальникомъ казацкаго отряда и съ неопи- саннымъ удовольствіемъ выражаетъ глубокую благодарность казакамъ за честь, оказанную его сыну. Онъ сильно горюетъ объ Остапѣ, когда послѣдній попадаетъ въ плѣнъ къ непріятелю. „Онъ уходилъ въ луга и степи будто бы за охотою, но зарядъ его оставался невыстрѣленнымъ. И, положивъ ружье, полный тоски, садился онъ на морской берегъ. Долго сидѣлъ онъ тамъ, понуривъ голову и все говоря: „Остапъ! Остапъ мой!“ Передъ нимъ сверкало и разстилалось Черное море; въ дальнемъ тростникѣ кричала чайка; бѣлый усь его серебрился; и слеза капала одна за другою“. Горе его настолько велико, что заставляетъ даже упрямаго Тараса пере- ломить характеръ; онъ соглашается на унижительное путе- шествіе подъ кирпичнымъ грузомъ, послушно исполняетъ всѣ требованія Янкеля, прибѣгаетъ къ передѣванію, чтобы только увидѣться съ Остапомъ. Потрясающее впечатлѣніе производитъ сцена казни Остапа, на которой присутствуетъ и старый Тарасъ. Остапъ мужественно выдерживаетъ не- человекскія мученія пытки; „добре, сынку, добре!“ ободряю- щимъ образомъ говоритъ про себя Бульба, страдая самъ отъ страданій сына. Когда же, во время казни Остапъ, какъ исполинъ, выносившій страшныя истязанія, восклицаетъ, чтобы воодушевить себя: „Батько! гдѣ ты? слышишь ли ты все?“, Бульба, у котораго сердце надорвалось отъ душевной

боли, среди тишины восклицаетъ: „Слышу!“ . Своимъ роковымъ „слышу!“, отъ котораго вздрогнулъ весь народъ, Бульба выразилъ то, что онъ оцѣнилъ по заслугамъ исполинскую мощь, посрамившую въ своей гибели еретиковъ, и рѣшилъ, что Польша дорогой цѣной должна уплатить за гибель его сына, какъ одного изъ лучшихъ представителей казацкой чести. И дѣйствительно, послѣ геройской смерти Остапа, Тарасъ справляетъ по немъ поминки, хорошо обрисовавшія жестокость и грубость той эпохи: онъ гуляетъ по Польшѣ со своимъ полкомъ, сжигаетъ деревни и костелы, все предаетъ пламени, не оказывая пощады ни женщинамъ, ни старцамъ, ни дѣтямъ. Вотъ что объ этихъ поминкахъ говорится въ повѣсти: „Много избилъ онъ всякой шляхты, разграбилъ богатѣйшіе и лучшіе замки; распечатали и поразливали по землѣ казаки вѣковые меды и вина, сохранно сберегавшіеся въ панскихъ погребахъ; изрубили и пережгли дорогія сукна, одежды и утвари, находимыя въ кладовыхъ. „Ничего не жалѣйте!“ повторилъ только Тарасъ. Не уважили казаки чернобровыхъ панянокъ, свѣтлоликихъ дѣвицъ; у самыхъ алтарей не могли спастись онѣ: зажигалъ ихъ Тарасъ вмѣстѣ съ алтарями. Не однѣ бѣлоснѣжныя руки подымались изъ огнистаго пламени къ небесамъ, сопровождаемыя жалкими криками, отъ которыхъ подвинулась бы самая сырая земля, и степовая трава поникла бы отъ жалости долу. Но не внимали ничему жестокіе казаки и, поднимая копыями съ улицъ младенцевъ ихъ, кидали къ нимъ же въ пламя. „Это вамъ, вражьи ляхи, поминки по Остапѣ“, приговаривалъ только Тарасъ“.

Весьма важная характерная черта Тараса, какъ представителя казацкаго „лицарства“, это глубокое чувство товарищества, воодушевляющее его, этимъ чувствомъ проникнута его рѣчь къ войску передъ битвой, и ему остается онъ вѣренъ до конца, когда, умирая въ мученіяхъ, заботится еще о судьбѣ товарищей и указываетъ имъ путь къ бѣгству. „Нѣтъ узъ святѣ товарищества“, говоритъ онъ. Когда кошевой даетъ совѣтъ казакамъ оставить ляховъ и итти на татаръ, чтобы отобрать разграбленный ими казацкій скарбъ, Тарасъ не одобряетъ такого предложенія. „Нѣтъ, не правъ совѣтъ твой, кошевой!“ — говоритъ онъ. „Ты не такъ говоришь: ты позабылъ, видно, что въ плѣну остаются наши,

захваченные ляхами? Ты хочешь, видно, чтобы мы не уважали первого святого закона товарищества, оставили бы собратьевъ своихъ на то, чтобы съ нихъ съ живыхъ содрали кожу? Что-жъ мы такое? спрашиваю я всѣхъ васъ? Что-жъ за казакъ тотъ, который кинулъ въ бѣдѣ товарища, кинулъ его, какъ собаку, въ пропасть на чужбинѣ?“ Ради товарищества Бульба возобновляетъ свою бранную жизнь и ѣдетъ въ Сѣчь вмѣстѣ съ сыновьями; на пути туда Тарасъ думаетъ о товарищахъ, и при воспоминаніи о нихъ у него навертываются слезы. Запорожскій казакъ въ глазахъ Тараса это высшее существо въ мірѣ. Нѣкоторыя стороны его характера Бульба возводитъ даже въ идеаль: „Эхъ, какъ важно развернулся! Фу ты, какая пышная фигура!“ съ восторгомъ говорить Тарасъ про запорожца, который спалъ на серединѣ улицы съ раскинутыми руками и ногами. Любовь къ родинѣ и товариществу овладѣваетъ всѣмъ существомъ Тараса и не покидаетъ его даже въ послѣднія минуты жизни. Когда враги привязали его къ бревну, подъ которымъ зажгли костеръ, онъ нисколько не заботится о себѣ, а думаетъ только о томъ, какъ бы спасти своихъ товарищей. Онъ приходилъ въ бѣшенство, когда они не слышали его словъ; но глаза его сверкаютъ радостью, когда онъ увидѣлъ средство для спасенія своихъ товарищей и, нисколько не думая о предстоящей ему казни, своимъ крикомъ указалъ имъ это средство. Враги оглушили его ударомъ по головѣ. Очнувшись, онъ увидѣлъ, что товарищи его спасены; глаза его сверкнули радостью. Въ послѣднихъ словахъ, обращенныхъ къ своимъ товарищамъ, Тарасъ просилъ ихъ вспомнить о себѣ, не заботиться объ его страшной участи, къ которой онъ былъ совершенно равнодушенъ, и приглашалъ ихъ на слѣдующее лѣто прибыть сюда и „погулять хорошенько“, но ударъ обухомъ по головѣ прекращаетъ его рѣчи. Такъ до конца своей жизни оставался вѣренъ Тарасъ своему долгу, своей казацкой чести и ненависти къ врагамъ. Бульба не считаетъ казаками тѣхъ, которые нарушаютъ святой законъ товарищества, они его враги. Онъ ссорится съ тѣми изъ своихъ товарищей, которые наклонены были къ варшавской сторонѣ, принимали польскіе обычаи, называетъ ихъ холопьями польскихъ пановъ. То же чувство товарищества и связанная съ нимъ вѣра въ святость казацкаго долга возбуждаетъ

въ душѣ Тараса непримиримую ненависть къ родному сыну Андрію, измѣнившему родинѣ, и опъ убиваетъ его собственными руками. Тарасъ жалѣетъ сына: послѣ убійства онъ долго съ грустью глядитъ на его бездыханный трупъ; но груститъ оттого, что со смертью Андрія погибъ казакъ. „Чѣмъ бы не казакъ былъ?“ говоритъ Тарасъ: „и станомъ высокъ, и чернобровый, и лицо какъ у дворянина, и рука была крѣпка въ бою! Пропаль! пропаль безславно, какъ подлая собака!“ Когда Остапъ проситъ отца предать землѣ трупъ брата, Тарасъ холодно говоритъ: „Погребутъ его и безъ насъ! будутъ у него плакальщицы и утѣшницы!“ Такъ обрисованъ въ повѣсти характеръ главнаго ея героя; это человѣкъ идеи, которою онъ жилъ, въ жертву которой онъ принесть свою жизнь.

Также рельефно и типично обрисованы въ повѣсти Гоголемъ сыновья Тараса и его жена. Хотя Остапъ и Андрій получили одинаковое воспитаніе, но въ ихъ характерахъ много противоположнаго. Остапъ во многомъ напоминаетъ своего отца: та же воинственность, отвага, презрѣніе къ мирной жизни, суровость въ обращеніи, энергія и предпріимчивость въ военномъ дѣлѣ. Какъ и отецъ, Остапъ глубоко преданъ родинѣ, вѣрѣ и товариществу. Остапъ обладаетъ желѣзнымъ терпѣніемъ, которое онъ особенно рѣзко проявляетъ въ минуту казни. Слѣдуетъ замѣтить, что Остапъ стойко переноситъ всѣ пытки, которымъ его подвергали, и нисколько не страшится самой казни: „Ничто, похожее на стонъ, не вырвалось изъ его устъ, не дрогнуло его лицо“. Въ характерѣ Андрія много противоположнаго тому, что мы видимъ въ Остапѣ. Андрій отличается большею мягкостью и впечатлительностью; въ немъ нѣтъ отцовской твердости характера. Къ военному дѣлу оба брата относятся различно. По словамъ Гоголя, Остапъ не растеривается, не смущается ни отъ какого случая; онъ хладнокровенъ и въ одинъ мигъ можетъ вымѣрять всю опасность и все положеніе дѣла. Андрій, напротивъ, не знаетъ, что такое значить обдумывать или рассчитывать; онъ увлекается очаровательной музыкой пуль и мечей и видитъ въ битвѣ бѣшеную нѣгу и упоеніе. Андрій отличается нѣжностью чувства: такъ, онъ больше Остапа привязанъ къ матери, онъ способенъ увлекаться не одною только жаждою подвига, но

и чувствомъ любви къ женщинѣ. Пылкій и чувствительный, Андрій влюбляется въ полячку, поражающую его своей красотой; эта любовь ставитъ его въ положеніе драматическое. Андрій очень хорошо знаетъ, что долгъ казака требуетъ быть вѣрнымъ своимъ соотечественникамъ и еднородцамъ, но въ то же время имъ овладѣваетъ чувство любви къ женщинѣ той національности, которая, по тогдашнимъ понятіямъ и условіямъ жизни, должна быть ненавистна для истиннаго казака. Андрій отвергаетъ долгъ казака и отдается влеченію сердца. Когда полячка говоритъ, что Андрію нельзя любить ее, что его зовутъ: отецъ, товарищи, отчизна, Андрій, нисколько не задумываясь, отвѣчаетъ слѣдующее: „А что мнѣ отецъ, товарищи, отчизна? Такъ, если ужъ такъ, такъ вотъ что: нѣтъ у меня никого! Кто сказалъ, что моя отчизна Украина! Отчизна есть то, чего ищетъ душа наша, что милѣе для него всего. Отчизна моя — ты! Вотъ моя отчизна! И понесу я отчизну эту въ сердце моемъ, понесу ее, пока станетъ моего вѣку, и посмотрю, пусть кто-нибудь изъ казаковъ вырветъ ее оттуда! И все, что ни есть, продамъ, отдамъ, погублю за такую отчизну!“ За свою любовь Андрій поплатился жестоко: смертью отъ руки родного отца, олицетворяющаго собою казацкій долгъ, нарушенный сыномъ. Жена Тараса, или, какъ онъ называетъ ее, стара, т. е., старуха, изображена въ повѣсти тѣми чертами, какія соответствуютъ тому времени и тѣмъ правамъ. Эта женщина безответная, загнанная, обреченная на вѣчное одиночество въ своей собственной семьѣ, безъ ласки и любви, даже безъ права „хоть недѣльку“ поглядѣть на своихъ дѣтей послѣ многолѣтней разлуки. Вообще „женщина была какое-то странное существо въ этомъ сборищѣ безженныхъ рыцарей, на которыхъ разгульное Запорожье набрасывало суровый колоритъ свой“. При всемъ томъ, образъ жены Тараса нарисованъ поэтомъ съ художественною правдою и сердечною теплотою. Она почти ничего не говоритъ, но читатель видитъ и понимаетъ все, что у нея на душѣ, и съ благоговѣніемъ вспоминаетъ ея безвыходную тоску, ея материнскія слезы, ея сиротство въ собственной семьѣ.

Типы Запорожской сѣчи.

Въ своей повѣсти Гоголь широко захватилъ жизнь казаковъ, ярко говоритъ объ благородныхъ идеалахъ, которыми были воплощены эти отважные южно-русскіе рыцари, питавшіе безграничную любовь къ своей родинѣ, вѣрѣ, товариществу и готовые во всякую минуту пожертвовать своею жизнью для осуществленія своихъ идеаловъ. Но рисуя казаковъ вообще, авторъ въ то же время останавливается на нѣкоторые типы, которые рѣзче и нагляднѣе выступаютъ на общемъ фонѣ и своими фигурами дополняютъ величественную картину Запорожской сѣчи. На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить Касьяна Бовдюга. Во время событія, описаннаго въ повѣсти, онъ является старѣйшимъ во всемъ запорожскомъ войскѣ и пользовался особеннымъ уваженіемъ со стороны казаковъ. Да и неудивительно: Касьянъ Бовдюгъ два раза былъ избираемъ казаками въ кошевые и въ войнахъ нерѣдко оказывалъ чудеса храбрости. Опытность и личные заслуги дали ему возможность скорѣе ориентироваться въ критическую минуту, чѣмъ какому-либо другому казаку. Какъ казакъ въ преклонныхъ лѣтахъ, онъ уже не принималъ участія въ походахъ, но, какъ старый вояка, лежалъ на боку у казацкихъ круговъ и слушалъ рассказы про походы своихъ молодыхъ товарищей. Когда же запорожцы выступили въ походъ, благодаря энергичнымъ дѣйствіямъ Тараса, желавшаго показать своимъ сыновьямъ настоящую бранную жизнь казаковъ, Касьянъ Бовдюгъ рѣшился на старости лѣтъ также принимать участіе въ походѣ, высказывая надежду оказать какую-либо услугу казачеству. Слова его, дѣйствительно, оправдались. Когда пришла вѣсть, что татары разграбили казну и увели казаковъ въ плѣнъ, бывшіе въ походѣ казаки не могли рѣшить, какъ поступать въ данномъ случаѣ. Кошевой высказываетъ мнѣніе, что слѣдуетъ гнаться за татарининомъ, такъ какъ казаки уже подъ Дубномъ погуляли, и „ляхи знаютъ, что такое казаки; за вѣру, сколько было по силамъ, отметили; корысти же съ голоднаго города немного. И такъ, мой совѣтъ—итти.“ Съ этимъ совѣтомъ не согласился Тарасъ, который

указаль присутствующимъ на неправильный взглядъ кошевого, такъ какъ придется покинуть на произволъ судьбы взятыхъ поляками въ плѣнъ товарищей казаковъ, а долгъ истинныхъ казаковъ заботиться объ участи своихъ товарищей. Мнѣнія обоихъ были весьма важны, и вотъ въ критическую минуту выступаетъ старый опытный Касьянъ Бовдюгъ. Послѣдній одобряетъ совѣты кошевого и Тараса, но его личный совѣтъ принимается охотно казаками, а именно: казацкое войско дѣлится на двѣ части, изъ коворыхъ одна со своимъ кошевымъ во главѣ отправляется въ погоню за татарами, другая остается на выручку товарищамъ и выбираетъ себѣ Тараса въ наказные атаманы. Старый Бовдюгъ остается въ числѣ прочихъ, выразившихъ желаніе отомстить ляхамъ за вѣрныхъ товарищей и Христову вѣру. Онъ давно молилъ Бога дать ему возможность умереть на войнѣ за святое и христіанское дѣло, такъ какъ „славнѣйшей кончины уже не будетъ въ другомъ мѣстѣ для стараго казака.“ И дѣйствительно, Господь услышалъ его молитву: пуля пришла къ нему подъ самое сердце. Собравшись съ силами, Бовдюгъ, испуская духъ, произноситъ: „Не жаль разстаться съ свѣтомъ. Дай Богъ и всякому такой кончины. Пусть же славится до конца вѣка Русская земля!“

Слѣдующимъ замѣчательнымъ типомъ Запорожской Сѣчи можно считать хитраго и умнаго казака Кирдягу, выбранныя въ кошевые атаманы, благодаря энергичному вмѣшательству и вліянію Тараса. Услышавъ, что казаки выставляютъ его въ кандидаты на должность кошевого, Кирдяга въ числѣ прочихъ кандидатовъ быстро удалился, чтобы не подать поводу думать, что онъ помогаетъ личнымъ участіемъ своимъ въ избраніи. Когда же прибывшіе къ нему казаки сообщили, что его выбрали въ кошевые, Кирдяга хитро возражаетъ: „Помилосердствуйте, панове, гдѣ мнѣ быть достойну такой чести! Гдѣ мнѣ быть кошевымъ! Да у меня и разума не хватитъ къ отправленію такой должности. Будто уже никого лучшаго не нашлось въ цѣломъ войскѣ.“ Кирдяга насквозь зналъ запорожцевъ и, выбранный въ кошевые, готовъ взаимно отблагодарить Тараса. Хотя Кирдяга зналъ, что казаки не имѣютъ права нарушить договоръ съ султаномъ, но выражаетъ готовность что-нибудь придумать, чтобы удовлетворить Тараса. Съ этой цѣлью онъ

даетъ слѣдующій совѣтъ: народъ пусть самъ соберется по своему желанію, а не по приказанію кошевого, а ужъ казаки знаютъ, какъ слѣдуетъ поступить въ данномъ случаѣ. Тогда кошевой придетъ на площадь со старшинами, какъ будто ничего не зная, о чемъ идетъ дѣло. Когда же казаки такъ поступили, и среди толпы раздавались голоса: „Вотъ пропадаетъ даромъ казакская сила: нѣтъ войны... Вотъ старшіе забайбачились наповалъ, позаплыли жиромъ очи!“ Въ такомъ случаѣ Кирдяга, какъ кошевой, долженъ былъ что-нибудь высказать. Его рѣчь была двусмысленная: съ одной стороны, нельзя нарушить миръ, а съ другой стороны, „безъ войны не можно пробыть“. „Да, такъ видите, панове, что войны не можно начать: рыцарская честь не велить. А по своему бѣдному разуму вотъ что я думаю: пустить съ челнами однихъ молодыхъ, пусть немного пошарпають берега Натоліи“. Услышавъ, что все Запорожье готово подняться, кошевой добавляетъ: „Да ужъ если пошло на то, чтобы говорить правду, у насъ и челновъ нѣтъ столько въ запасъ, да и пороху не намолото въ такомъ количествѣ, чтобы можно было всѣмъ отправиться. А я, пожалуй, я радъ: я—слуга вашей воли“.

Къ замѣчательнымъ типамъ, какъ представителямъ Запорожья, слѣдуетъ отнести куренного атамана Балабана, принимавшаго дѣятельное участіе въ стычкахъ подъ Дубномъ. Балабанъ считался однимъ изъ доблестнѣйшихъ казаковъ; неразъ былъ онъ атаманомъ казаковъ въ морскихъ походахъ. Но болѣе всего онъ прославился въ походѣ, предпринятомъ казаками къ анатолійскимъ берегамъ. Захвативъ большую добычу, казаки на обратномъ пути попались подъ турецкія ядра. „Какъ хватило ихъ съ корабля, — половина челновъ закружилась и перевернулась, потопивши не одного въ водѣ, но привязанные къ бокамъ камыши спасли челны отъ потопленія. Балабанъ отплылъ на всѣхъ веслахъ, сталъ прямо къ солнцу и черезъ то сдѣлался невиденъ турецкому кораблю. Всю ночь потомъ черпаками и шапками выбирали они воду, чиня пробитыя мѣста; изъ казакскихъ штановъ нарѣзали парусовъ, понесли и убѣжали отъ быстрѣйшаго турецкаго корабля. И мало того, что прибыли безбѣдно на Сѣчь, привезли еще златошвейную ризу архимандриту Межигорскаго кievскаго монастыря и на Покровъ, что на Запо-

рожь, окладъ изъ чистаго серебра. И славили долго потомъ бандуристы удачливость казаковъ“. Но подъ Дубномъ судьба судила Балабану иное: тутъ онъ получилъ три смертельныя раны и, почувявъ предсмертныя муки, произнесъ: „Сдается мнѣ, паны братья, умираю хорошею смертью: семерыхъ изрубилъ, девятерыхъ копьемъ искололъ. Истопталъ конемъ вдоволь, а ужъ не припомню, сколькихъ досталъ пулею. Пусть же цвѣтетъ вѣчно Русская земля!“

Такимъ же благороднымъ рыцаремъ запорожцевъ можно смѣло назвать безкорыстнаго Незамайковскаго куреннаго атамана Кукубенка. Видя, что половина казаковъ его куреня уше пала, Кукубенко съ оставшимися въ живыхъ ринулся въ самый центръ битвы, оказалъ чудеса храбрости и, изрубивъ и истоптавъ многихъ враговъ, отбилъ одну пушку, а затѣмъ со своими направился въ другое мѣсто, гдѣ непріатели имѣли перевѣсъ. Но тутъ враги окружили Кукубенка, и, хотя самъ Тарасъ успѣшилъ къ нему на выручку, но уже было поздно: непріятельское копье углубилось ему подъ сердце, и тяжело раненаго схватили казаки. Испуская духъ, Кукубенко успѣлъ произнести слѣдующія слова: „Благодарю Бога, что довелось мнѣ умереть при глазахъ вашихъ, товарищи! Пусть же послѣ насъ живутъ еще лучшіе, чѣмъ мы, и красуется вѣчно любимая Христомъ Русская земля!“

Чтобы рельефнѣе очертить разные типы запорожцевъ, упомянемъ еще о Мосіи Шилѣ. Послѣдній былъ весьма сильный казакъ и нерѣдко былъ казацкимъ атаманомъ въ морскихъ походахъ. Однажды въ стычкѣ при Трапезунтѣ онъ со своимъ отрядомъ попался въ плѣнъ къ туркамъ. Послѣдніе заковали плѣнныхъ казаковъ въ желѣзныя цѣпи, морили ихъ голодомъ и поили морской водой. Стойко перенесли всѣ лишенія невольники, готовые умереть за православную вѣру. Но атаманъ Мосій Шило прибѣгнулъ къ хитрости. Онъ принялъ магометанство, „вошелъ въ довѣренность къ папѣ, сталъ ключникомъ на кораблѣ и старшимъ надъ всѣми невольниками“. Казаки были того мнѣнія, что подъ надзоромъ отщепенца имъ будетъ хуже, чѣмъ подъ властью магометанина. Чтобы снискать большее расположеніе паши, Мосій Шило „посадилъ всѣхъ въ новыя цѣпи по три въ рядъ, прикрутилъ имъ до самыхъ бѣлыхъ

костей жесткія веревки; всѣхъ перебилъ по шеямъ, убогая подзатыльниками“. Турки уже были вполне довольны, что въ лицѣ Мосія Шила приобрѣли себѣ вѣрнаго слугу и отъ радости, забывъ законъ свой, всѣ перепились. Улучивъ удобный моментъ, Мосій Шило „принесъ всѣ шестьдесятъ четыре ключа и роздалъ невольникамъ, чтобы отмыкали себя, бросали бы цѣпи и кандалы въ море, а брали бы на мѣсто того сабли да рубили турковъ. Много тогда набрали казаки добычи и воротились со славою въ отчизну, и долго бандуристы прославляли Мосія Шила“. Еслибы онъ не былъ чудакомъ, то его, по всей вѣроятности, выбрали бы въ кошевые. Но что онъ пользовался извѣстной славой за свои подвиги, объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ: пропивъ и промотавъ все, что имѣлъ, изъ чужого куреня ночью утащилъ всю казацкую сбрую и заложилъ шинкарю. За такое позорное и безстыдное для казака преступленіе, Мосія Шила привязали къ столбу, гдѣ возлѣ него положили дубину, которой каждый долженъ былъ ему отвѣсить по удару. Однако никто изъ запорожцевъ не рѣшался поднять дубину, такъ какъ высоко цѣнили прежнія заслуги Мосія Шила. Этотъ сильный казакъ также очутился подъ Дубномъ, гдѣ онъ своей жилистой рукой оглушилъ по головѣ ляха, но одинъ изъ слугъ убитаго пронзилъ шею Шила ножомъ. Упавъ, Мосій Шило сказалъ своимъ товарищамъ: „Прощайте, паны братья товарищи! Пусть же стоитъ на вѣчныя времена православная Русская земля, и будетъ ей вѣчная честь!“

Устройство и бытъ Запорожской Сѣчи.

Изъ повѣсти видно, что въ то время Сѣчь находилась на Хортицѣ, одномъ изъ острововъ Днѣпра. Слѣдуетъ замѣтить, что Сѣчь нерѣдко мѣняла свое жилище. Сѣчь состояла изъ предмѣстья и самой Сѣчи, находившіяся другъ отъ друга на разстояніи полуверсты. Предмѣстье было населено мастеровыми, ремесленниками и торговцами и представляло тѣсную улицу, съ низенькими домиками съ навѣсами, наполненную людьми всѣхъ націй. Предмѣстье было необходимо, такъ какъ оно „одѣвало и кормило Сѣчь,

умѣвшую только гулять да палить изъ ружей“. Собственно Сѣчь была окружена небольшимъ валомъ и по свойственной казакамъ безпечности и лѣни въ мирное время никѣмъ не охранялась. Въ Сѣчи находилась обширная площадь, гдѣ обыкновенно совѣщались казаки. Сѣчь состояла изъ „шестидесяти слишкомъ куреней“, покрытыхъ дерномъ, изъ которыхъ иные были уставлены пушками. Курени „походили на отдѣльныя, независимыя республики, а еще болѣе на школу и бурсу дѣтей, живущихъ на всемъ готовомъ“. Во главѣ каждаго куреня стоялъ куренной атаманъ, завѣдывавшій всѣмъ. Казаки обыкновенно ничего не держали у себя, но все ихъ имущество находилось у куренного атамана, носившаго названіе батьки. Казаки имѣли общій столъ, а наиболѣе износившіеся и прокутившіеся пополняли свой гардеробъ изъ общаго запаса. Составъ казаковъ былъ весьма разнообразенъ: тутъ были воспитанники разныхъ учебныхъ заведеній, выходцы изъ Западной Европы, молодые люди, убѣжавшіе изъ родительскихъ домовъ, люди, осужденные на смерть, люди, жаждавшіе только брани и славы и т. п. „Одни обожатели женщинъ не могли найти здѣсь ничего, потому что въ предмѣстьѣ Сѣчи не смѣла показываться ни одна женщина“. Вступить въ Сѣчь могъ всякій. Прибывшій являлся только къ кошевому, т. е., главному начальнику запорожскаго войска, который задавалъ обыкновенно новичку три вопроса, вѣритъ ли онъ въ Христа, Святую Троицу и ходитъ ли въ церковь. Если прибывшій давалъ утвердительный отвѣтъ и осѣнялъ себя при этомъ крестнымъ знаменіемъ, то кошевой приказывалъ ему итти въ какой угодно курень, чѣмъ оканчивалась вся церемонія. Въ Сѣчи была одна церковь, въ которой молились казаки и которую готовы были защищать до послѣдней капли крови, но о постѣ и воздержаніи Сѣчь и слышать не хотѣла. Кошевой и остальные войсковые старшины—судья, писарь и есаулъ—выбирались; выборы эти происходили самымъ примитивнымъ образомъ. На площади стояли привязанныя къ столбу литавры, въ которыя обыкновенно били сборъ на раду; специально назначенныя для этого палки хранились у довиша. Когда послѣдній ударялъ палками въ литавры, при чемъ на площадь уже сбѣгались казаки, то послѣ третьяго боя обыкновенно показывались старшины: кошевой

съ палицей въ рукѣ, знакомъ своего достоинства, судья съ войсковою печатью, писарь съ чернильницею и есауль съ жезломъ. Кошевой и старшины снимали шапки и раскланивались на всѣ стороны казакамъ. Казаки тутъ же, на площади раздѣлялись на нѣсколько группъ, каждая крикомъ намѣчала своего кандидата, начиналась драка, и кандидатъ побѣдившей партіи оказывался выбраннымъ. Тогда одинъ изъ старшинъ бралъ палицу и подносилъ ее новоизбранному кошевому, если требовалось выбрать такового. По обыкновенію ново-выбранный кошевой два раза отказывался отъ этой почетной должности, а въ третій разъ бралъ палицу, и одобрительный крикъ раздавался по всей толпѣ. Послѣ этого изъ середины толпы выступало четверо самыхъ старыхъ казаковъ и, бравъ въ руки землю, клали ее на голову новому кошевому, который благодарилъ казаковъ за оказанную честь. Такимъ образомъ оканчивалось избраніе новаго кошевого, послѣ чего начиналась веселая попойка и гульба. Слѣдуетъ замѣтить, что поводомъ къ смѣщенію старыхъ властей нерѣдко бывали самыя ничтожныя обстоятельства, даже минутное возбужденіе. Власть старшинъ въ мирное время была ничтожна; всѣ важнѣйшіе вопросы рѣшались , радой" — совѣтомъ всѣхъ казаковъ, собиравшихся на площади.

Въ соотвѣтствіе съ необходимостью поддерживать чувство товарищества, которымъ и была сильна Сѣчь, и съ грубыми нравами того времени, постановленія обычнаго кодекса наказаній были весьма суровы: разбить шинокъ еврея, взять у него все даромъ считалось удалствомъ, а ничтожная кража у товарища считалась уже поношеніемъ всему казачеству и наказывалась немедленной смертю: виновнаго привязывали къ позорному столбу, и каждый проходившій мимо обязанъ былъ нанести ему ударъ, пока несчастный не погибалъ. Неоплатнаго должника приковывали цѣпью къ пушкѣ и оставляли въ такомъ положеніи, пока кто-нибудь изъ товарищей не уплатилъ за него долга. Но наиболѣе жестокое и суровое наказаніе постигало убійцу: послѣдняго закапывали въ землю вмѣстѣ съ гробомъ убитаго.

Сѣчь не знала почти никакихъ воинскихъ упражненій, кромѣ стрѣльбы въ цѣль и джигитовки, исполнявшихся, впрочемъ, опять-таки добровольно. Обученіе строю и искус-

ству сраженія было противно лѣнивому и разгульному казачеству, его замѣняли набѣги на татарь: въ этой школѣ или погибали или выходили съ дѣйствительнымъ опытомъ, далеко превышавшимъ всякія теоретическія указанія. Въ мирное время казаки стрѣляли дичь, ловили рыбу, сѣяли хлѣбъ, занимались пчеловодствомъ и т. п. Все добытое составляло общую собственность куреня и поступало въ вѣдѣніе куренного атамана. Иные были мастерами, ремесленниками, торговцами, но большинство не дѣлало ровно ничего, предаваясь самому бѣшеному, самому беззавѣтному разгулу, пока звенѣла въ карманѣ хоть копейка. Многіе пропивали съ себя положительно все. Но говоря объ этомъ, Гоголь отмѣчаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и особенность этихъ веселыхъ пировъ: это не было пьянство съ горя, когда чело-вѣкъ стремится виномъ залить душевную тоску; это—была какая-то поэзія веселья, проявленіе широкой души, не терпѣвшей скопидомства и бездѣлья. Вотъ — цѣль и образъ жизни запорожцевъ въ мирное время. Но этимъ цѣль не исчерпывалась: въ настоящемъ видѣ, не въ примѣненіи къ мирной обстановкѣ, она была гораздо возвышеннѣе и сложнѣе.

Запорожье было передовымъ постомъ Малороссіи, оберегавшимъ ее отъ набѣговъ татарь, отбивавшимъ своими набѣгами у нихъ охоту къ дальнѣйшимъ нападеніямъ; запорожцы платили татарамъ ихъ же монетой. Позднѣе Запорожье вырастаетъ еще выше: оно — охранитель православія въ юго-западной Руси, защитникъ угнетеннаго, несчастнаго народа отъ дикаго произвола польскихъ пановъ. Жестоко расправлялись поляки съ попадавшими въ плѣнъ мятежниками. Дѣло въ томъ, что польскіе короли считали запорожцевъ своими подданными, хотя на самомъ дѣлѣ они таковыми никогда не были. Съ другой стороны, запорожцы также мстили имъ и за безчеловѣчность платили безчеловѣчностью. Какъ разнообразны по характеру были войны Запорожской Сѣчи, такъ разнообразны были и поводы начатія военныхъ дѣйствій. Местъ за поруганную православную вѣру, за попранное достоинство и права украинскихъ родичей запорожцы считали своимъ священнымъ долгомъ; но безъ повода со стороны поляковъ они не начинали съ ними войны, какъ съ христіанами. Зато относительно татарь и турокъ, какъ

„невѣрныхъ“, они считали возможнымъ нарушить всякіе договоры; поэтому нерѣдко набѣгъ на Крымъ или на берега Малой Азіи вызывался просто желаніемъ поучить молодыхъ и набрать добычи; да и скучно, наконецъ, было этимъ профессиональнымъ войнамъ безъ войны.

Когда собирались въ походъ, то одни отправлялись на противоположный берегъ Днѣпра въ свою скарбницу, гдѣ въ неприсутственныхъ тайныхъ мѣстахъ скрывалась войсковая казна и добытое у непріятели оружіе; другіе осматривали челны, которые старые казаки стягивали крѣпкимъ канатомъ съ берега. „Другіе таскали готовые, сухія бревна и всякія деревья. Тамъ обшивали досками челны; тамъ, переверотивши его вверхъ дномъ, конопатили и смолили; тамъ привязывали къ бокамъ другихъ челновъ, по казацкому обычаю, связки длинныхъ камышей, чтобы не затопило челновъ морскою волною; тамъ, дальше, по всему побережью разложили костры и кипятили въ мѣдныхъ казанахъ смолу на заливанье судовъ. Бывалые и старые поучали молодыхъ. Стукъ и рабочій крикъ подымался по всей округности; весь колебался и двигался живой берегъ“.

Если же предстоялъ сухопутный походъ, то казаки „исправляли ободья колесъ и перемѣняли оси въ телѣгахъ: тѣ сносили на возы мѣшки съ провіантомъ, на другіе валили оружіе; тѣ пригоняли коней и воловъ. Со всѣхъ сторонъ раздавались топотъ коней, пробная стрѣльба изъ ружей, бряканье сабель, мычанье быковъ, скрипъ поворачиваемыхъ возовъ, говоръ и яркій крикъ и понуканье“. Такимъ образомъ вытягивался казачій таборъ по полю. Предъ отправленіемъ въ какой-либо походъ казаки цѣловали крестъ. Когда таборъ выступалъ изъ Сѣчи, запорожцы обращали головы назадъ и почти въ одно слово произносили: „Прощай наша мать! Пусть же тебя хранитъ Богъ отъ всякаго несчастья!“

Нападенія ихъ всегда были неожиданны, на подобіе татарскихъ. Они держали въ страхѣ своихъ сѣверныхъ и южныхъ сосѣдей, заставляли даже заискивать въ нихъ, но ничто не могло смягчить ихъ суровой непреклонности въ дѣлахъ вѣры и родной народности; только къ православному духовенству они относились съ уваженіемъ. Въ битвахъ

они побъждали не стройностью, не качествомъ оружія, а стремительностью нападений и отчаянною храбростью. Однако храбрость ихъ не была лишь минутной вспышкой, но это была храбрость мужественная, смотрѣвшая вдаль: на это указываетъ рѣшимость запорожцевъ переплывать, въ своихъ утлыхъ челнахъ бурное Черное море и подступать къ берегамъ самого Константинополя. Иногда запорожцы уставляли въ три табора курени, обносили ихъ возами въ видѣ крѣпостей, родъ битвы, въ которой они бывали ненобѣдимы; иные курени забирались въ засаду убивали часть поля острыми кольями, изломаннымъ оружіемъ, обломками копій, чтобы при случаѣ загнать туда непріятельскую конницу.

Насколько слаба и бессильна была власть кошевого въ мирное время въ Сѣчи, настолько выросла она въ военное время: „Это уже не былъ тотъ робкій исполнитель вѣтренныхъ желаній вольнаго народа, это былъ неограниченный поведитель, это былъ деспотъ, умѣвшій только повелѣвать. Всѣ своевольные и гульбивые рыцари стройно стояли въ рядахъ, почтительно опустивъ головы, не смѣя поднять глазъ, когда кошевой раздавалъ повелѣнія“. Всякое неповиновеніе сурово каралось, послушаніе старшихъ вообще выступало на первый планъ. Кошевой давалъ совѣты и казакамъ на случай, если они получаютъ какую-нибудь рану: „Да вотъ вамъ, панове, впередъ говорю: если кто въ походѣ напьется, то никакого нѣтъ на него суда: какъ собаку, повелю его приемыкнуть до обозу, кто бы онъ ни былъ, хоть бы наидоблестнѣйшій казакъ изъ всего войска; какъ собака, будетъ онъ застрѣленъ на мѣстѣ и кинутъ безъ всякаго погребенья на поклювъ птицамъ, потому что пьяница въ походѣ недостойнъ христіанскаго погребенья. Молодые, слушайте во всемъ старыхъ! Если цапнетъ пуля, или царапнетъ саблей по головѣ или по чему-нибудь иному, не дайте большого уваженія такому дѣлу: размѣшайте зарядъ пороху въ чаркѣ сивухи, духомъ выпейте, и все пройдетъ— не будетъ и лихорадки; а на рану, если она не слишкомъ велика, приложите просто земли, замѣсивши ее прежде слюною на ладони, то и просохнетъ рана“. Кромѣ того, казаки какъ бы оставляли въ Сѣчи лѣнь, безпечность и разгуль

и становились въ случаяхъ дѣйствительной опасности дѣятельными и трезвыми; но стоило опасности ослабнуть, и привычныя качества снова вступали въ свои права даже и въ военномъ лагерѣ.

Историческая и художественная сторона повѣсти.

Хотя Гоголь не приурочиваетъ дѣйствія своей повѣсти къ опредѣленному историческому моменту и не выводитъ дѣйствительныхъ историческихъ личностей, тѣмъ не менѣе „Тарасъ Бульба“ съ полнымъ правомъ можетъ быть названъ историческою повѣстью, такъ какъ это произведеніе возсоздаетъ въ цѣломъ рядъ живыхъ картинъ многія явленія изъ бытовой и политической исторіи Малороссіи XVI вѣка. Въ этомъ произведеніи авторъ подробно описалъ население Украины той эпохи, ея политическое устройство, положеніе евреевъ, бытъ, нравы и военное искусство казаковъ, ихъ отношенія къ полякамъ и другимъ враждебнымъ народамъ, Запорожскую Сѣчь съ ея обычаями и суровыми законами—однимъ словомъ, рѣшительно все, что такъ или иначе характеризуетъ Украину и ея обитателей. Не только общія черты эпохи, рельефно представленныя въ повѣсти, изображены вѣрно исторически, но и въ подробностяхъ Гоголь рѣдко отступаетъ отъ исторіи. Въ данной повѣсти можно указать много мѣстъ, подобныхъ картинѣ избранія новаго кошевого, описанной на основаніи историческихъ свидѣтельствъ, которыя были взяты Гоголемъ изъ сочиненія кн. Мышецкаго „Исторія о казакахъ запорожскихъ.“ Кромѣ этого, при созданіи своей повѣсти Гоголь пользовался разнообразнымъ матеріаломъ: „Описаніемъ Украины“ Боплана, „Исторіею Руссовъ“ Конисскаго, „Исторія Малой Россіи“ Вантыша-Каменскаго, лѣтописями и записками современниковъ. Но самымъ богатымъ и благодарнымъ матеріаломъ для изображенія быта и подвиговъ запорожцевъ послужили Гоголю малороссійскія народныя пѣсни и думы, которымъ онъ отводилъ первое мѣсто между всѣми другими источниками для исторіи эпохи, изображенной въ „Тарасѣ Бульбѣ.“ Въ этихъ произведеніяхъ Гоголь видѣлъ живое отраженіе прошлой жизни народа, его взглядовъ, симпатій, стремленій и идеа-

ловъ, черезъ нихъ онъ думалъ постигнуть самый духъ той далекой эпохи. Въ своей статьѣ „О малороссійскихъ пѣсняхъ“ Гоголь, между прочимъ, говоритъ слѣдующее: „Малороссійскія народныя пѣсни — это народная исторія, живая, яркая, исполненная красокъ, истины, обнажающая всю жизнь народа... Онъ надгробный памятникъ былого, болѣе нежели надгробный памятникъ: камень съ краснорѣчивымъ рельефомъ, съ историческою надписью ничто противъ этой живої, говорящей, звучащей о прошедшемъ лѣтописи. Въ этомъ отношеніи пѣсни для Малороссіи все: и поэзія, и исторія, и отцовская могила. Кто не проникнулъ въ нихъ глубоко, тотъ ничего не узнаетъ о прошедшемъ бытѣ этой цвѣтущей части Россіи. Историкъ не долженъ искать въ нихъ показанія дня и числа битвы или точнаго объясненія мѣста, вѣрной реляцій; въ этомъ отношеніи немногія пѣсни помогутъ ему. Но когда онъ захочетъ узнать вѣрный бытъ, стихіи характера, всѣ изгибы и оттѣнки чувствъ, волненій, страданій, веселій изображаемаго народа, когда захочетъ выпытать духъ минувшаго вѣка, общій характеръ всего цѣлаго и порознь каждаго частнаго, тогда онъ будетъ удовлетворенъ вполне: исторія народа разоблачится передъ нимъ въ ясномъ величіи.“ Такое важное историческое значеніе придавалъ Гоголь народнымъ малороссійскимъ пѣснямъ. Вліяніе послѣднихъ на повѣсть „Тарасъ Бульба“ замѣтно во многихъ ея мѣстахъ: широкая воля казацкой жизни, разгульныя ширшества казаковъ, ихъ пренебреженіе къ опасностямъ битвъ, жалкое положеніе женщины среди этихъ рыцарей степей — всѣ эти мотивы, входящіе въ содержаніе народныхъ южно-русскихъ пѣсенъ, являются и въ повѣсти, само собой разумѣется, уже въ болѣе обработанномъ видѣ.

Изображая въ повѣсти историческую славу своей родины, Гоголь обнаруживаетъ въ то же время близкое знакомство съ бытомъ и нравами Украйны, а равно и историческое безпристрастіе. Такъ, авторъ нисколько не скрываетъ грубости и дикости нравовъ, господствовавшихъ среди казаковъ. Описывая набѣги казаковъ, Гоголь говоритъ: „Часто въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ менѣе всего могли ожидать ихъ, они появлялись вдругъ — и все тогда прощалось съ жизнью: пожары обхватывали деревни; скотъ и лошади, которые не угонялись за войскомъ, были избиваемы тутъ же на мѣстѣ.“

Казалось, больше пировали они, чѣмъ совершали походъ свой. Дыбомъ стоялъ бы нынѣ волосъ отъ тѣхъ страшныхъ знаковъ свирѣпства полудикаго вѣка, которые приносили вездѣ запорожцы.“

Еще болѣе замѣчательны литературныя достоинства данной повѣсти. Прежде всего тутъ оказывается замѣтнымъ влияніе народной поэзіи, которое отразилось какъ на формѣ повѣсти, такъ и на ея содержаніи. Съ формальной стороны это влияніе сказывается въ повышенномъ тонѣ повѣствованія, въ тѣхъ частяхъ, которыя посвящены изображенію казаковъ и казачества, въ общемъ лирическомъ теченіи, въ употребленіи приемовъ и оборотовъ, свойственныхъ народной поэзіи, въ яркой образности языка. Такъ, напримѣръ, Гоголь въ „Тарасъ Бульбѣ“ часто прибѣгаетъ къ картиннымъ сравненіямъ, изъ которыхъ многія прямо заимствованы изъ народныхъ мотивовъ, какъ то: сравненіе битвы съ пиромъ, казаковъ съ орлами; у Гоголя въ повѣсти встрѣчаются также повторенія однихъ и тѣхъ же выраженій — излюбленный приемъ народнаго эпоха: напримѣръ, въ описаніи битвы съ поляками повторяются нѣсколько разъ слова Тараса: „А что, паны, есть еще порохъ въ пороховницахъ?“ описаніе единоборства отдѣльныхъ казаковъ, выдержано въ строго-эпическомъ стилѣ; наконецъ, во многихъ мѣстахъ самый языкъ повѣсти принимаетъ пѣсенный складъ, проза получаетъ видъ размѣренной рѣчи. Со стороны содержанія влияніе народной поэзіи ясно сказалось въ общей характеристикѣ казачества, въ пониманіи самаго духа эпохи, ея идеаловъ и стремленій, въ сочувственномъ воспроизведеніи поэзіи битвъ и широкаго разгула молодецкихъ силъ.

Не менѣе замѣчательны литературныя достоинства данной повѣсти. Характеръ главнаго героя Тараса выдержанъ превосходно отъ начала до конца: ни одна черта его не противорѣчитъ той общей идеѣ, которую авторъ хотѣлъ выразить въ образѣ своего героя. Тарасъ Бульба—это не простое олицетвореніе общихъ свойствъ украинскаго казачества, это живой типъ, въ которомъ соединяются разнообразныя черты общечеловѣческія, національныя и личныя. Съ большимъ искусствомъ Гоголь воспроизводитъ даже самую рѣчь своего героя: слова и фразы Тараса Бульбы то выражаютъ грубость его нрава, то проникнуты живымъ и неподдѣльнымъ

юморомъ, свойственнымъ малороссу, то становится восторженными, когда герой говоритъ о силѣ и святости товарищества или призываетъ казаковъ на подвигъ борьбы съ врагами. Съ такимъ же искусствомъ изображаются и другіе характеры повѣсти, особенно характеръ жены Тараса, обрисованный немногими, но выразительными чертами.

Помимо изображенія характеровъ достоинства повѣсти заключаются въ самомъ разказѣ, а также въ художественности отдѣльныхъ описаній картинъ природы и жизни. Представляя цѣлый рядъ сценъ, разказъ ведется съ замѣчательной послѣдовательностью и занимателенъ отъ начала до конца повѣсти. Отдѣльныя описанія исполнены истинно художественнаго творчества. Поэтически описана южно-русская степь: это правдивое и выразительное описаніе проникнуто сердечнымъ чувствомъ. Приводимъ это замѣчательное мѣсто повѣсти: „Степь, чѣмъ далѣе, тѣмъ становилась прекраснѣе. Тогда весь югъ, все то пространство, которое составляетъ нынѣшнюю Новороссію до самаго Чернаго моря, было зеленою дѣвственною пустынею. Никогда плугъ не проходилъ по неизмѣримымъ волнамъ дикихъ растений; одни только кони, скрывавшіеся въ нихъ, какъ въ лѣсу, вытаптывали ихъ. Ничего въ природѣ не могло быть лучше; вся поверхность земли представлялась зелено-золотымъ океаномъ, по которому брызнули миллионы разныхъ цвѣтовъ. Сквозь тонкіе, высокіе стебли травы сквозили голубыя, синія и лиловыя волошки, желтый дрокъ выскакивалъ вверхъ своею пирамидальною верхушкою; бѣлая кашка зонтикообразными шапками пестрѣла на поверхности; занесенный, Богъ знаетъ откуда, колосъ пшеницы наливался въ гущѣ. Подъ тонкими ихъ корнями шныряли куропатки, вытянувъ свои шеи. Воздухъ былъ наполненъ тысячею разныхъ птичьихъ свистовъ. Въ ней неподвижно стояли ястребы, распластавъ свои крылья и неподвижно устремивъ глаза свои въ траву. Крикъ двигавшейся въ сторонѣ тучи дикихъ гусей отдавался Богъ вѣсть въ какомъ дальнемъ озерѣ. Изъ травы подымалась мѣрными взмахами чайка и роскошно купалась въ синихъ волнахъ воздуха. Вонъ она пропала въ вышинѣ и только мелькаетъ одною черною точкою; вонъ она перевернулась крылами и блеснула передъ солнцемъ... Чортъ васъ возьми, степи, какъ вы хороши!..

Вечеромъ вся степь совершенно перемѣнялась: все пестрое пространство ея охватывалось послѣднимъ яркимъ отблескомъ солнца и постепенно темнѣло, такъ что видно было, какъ тѣнь перебѣгала по немъ, и она становилась темно-зеленою; испаренія поднимались гуще; каждый цвѣтокъ, каждая травка испускала амбру, и вся степь курилась благовономіемъ. По небу изголуба — темному какъ будто исполинскою кистью наляпаны были широкія полосы изъ розоваго золота; изрѣдка бѣлѣли клоками легкія и прозрачныя облака, и самый свѣжій, обольстительный, какъ морскія волны, вѣтерокъ едва колыхался по верхушкамъ травы и чуть дотрогивался до щекъ. Вся музыка, звучавшая днемъ, утихала и смѣнялась другою. Пестрые суслики выпалзливали изъ норъ своихъ, становились на заднія лапки и оглашали степь свистомъ. Трещаніе кузнечиковъ становилось слышнѣе. Иногда слышался изъ какого нибудь уединеннаго озера крикъ лебедя и, какъ серебро, отдавался въ воздухѣ. Иногда ночное небо въ разныхъ мѣстахъ освѣщалось дальнимъ заревомъ отъ выжигаемаго по лугамъ и рѣкамъ сухого тростника, и темная вереница лебедей, летѣвшихъ на сѣверъ, вдругъ освѣщалась серебряно-розовымъ свѣтомъ, и тогда казалось, что красные платки летали по темному небу.“

Съ такою же теплотою и правдивостью описано Гоголемъ тревожное душевное состояніе жены Тараса Бульбы въ ту бессонную ночь, которую проводитъ она у изголовья своихъ сыновей накануне ихъ отъѣзда въ Сѣчь; это описаніе поэтъ соединяетъ вмѣстѣ съ характеристикой вообще печальной судьбы женщины на Запорожьѣ въ тотъ суровый воинственный вѣкъ. Вотъ, что говоритъ Гоголь: „Одна бѣдная мать не спала. Она приникла къ изголовью дорогихъ сыновей своихъ, лежащихъ рядомъ; она расчесывала гребнемъ ихъ молодыя, небрежно всклокоченныя кудри и смачивала ихъ слезами: она глядѣла на нихъ вся, глядѣла всѣми чувствами, вся превратилась въ одно зрѣніе и не могла наглядѣться. Она вскормила ихъ собственною грудью; она возростила, взлелѣяла ихъ—и только на одинъ мигъ видитъ ихъ передъ собою. „Сыны мои, сыны мои милые! что будетъ съ вами? что ждетъ васъ?“ — говорила она, и слезы остановились на морщинахъ, измѣнившихъ прекрасное когда-то

лицо ея. Въ самомъ дѣлѣ, она была жалка, какъ всякая женщина того удалаго вѣка. Она лишь только жила любовью, только въ первую горячку страсти, въ первую горячку юности, и уже суровый прельститель ея покидалъ ее для сабли, для товарищей, для бражничества. Она видѣла мужа въ годъ два, три дня и потомъ нѣсколько лѣтъ о немъ не было слуха. Да и когда видѣлась съ нимъ, когда они жили вмѣстѣ, что за жизнь ея была! Она терпѣла оскорбленія, даже побои; она видѣла ласки, оказываемыя только изъ милости: она была какое-то странное существо въ этомъ сборищѣ безженныхъ рыцарей, на которыхъ разгульное Запорожье набрасывало суровый колоритъ свой. Молодость безъ наслажденія мелькнула передъ нею, и ея прекрасныя свѣжія щеки и перси безъ любзаній отцвѣли и покрылись преждевременными морщинами. Вся любовь, всѣ чувства, все, что есть нѣжнаго и страстнаго въ женщинѣ, все обратилось у нея въ одно материнское чувство. Она съ жаромъ, съ страстью, со слезами, какъ степная чайка, вилась надъ дѣтьми своими. Ея сыновей, ея милыхъ сыновей берутъ отъ нея, — берутъ для того, чтобы не увидѣть ихъ никогда! Кто знаетъ! можетъ быть, при первой битвѣ татаринъ срубить имъ головы, и она не будетъ знать, гдѣ лежатъ брошенные тѣла ихъ, которыя расклюетъ хищная подорожная птица, а за каждую каплю крови ихъ она отдала бы себя всю. Рыдая, глядѣла она имъ въ очи, когда всемогущій сонъ начиналъ уже смыкать ихъ и думала: „Авось-либо Бульба, проснувшись, отсрочить денька на два отъѣздъ; можетъ быть, онъ задумалъ оттого такъ скоро ѣхать, что много выпилъ.“ Мѣсяць съ вышины неба давно уже озарялъ весь дворъ, наполненный спящими, густую кучу вербъ и высокій бурьянъ, въ которомъ потонулъ частоколь, окружавшій дворъ. Она все сидѣла въ головахъ милыхъ сыновей своихъ, ни на минуту не сводила съ нихъ глазъ и не думала о снѣ. Уже кони, чья разсвѣтъ, всѣ полегли на траву и перестали ѣсть; верхніе листья вербъ начали лепетать, и мало-по-малу лепечущая струя спустилась по нимъ до самаго низа. Она просидѣла до свѣта, вовсе не утомилась и внутренно желала, чтобы ночь протянулась какъ можно дольше. Со степи понеслось звонкое ржаніе жеребенка; красныя полосы ясно сверкали на небѣ.“

Въ данной повѣсти Гоголь, между прочимъ, изображаетъ любовь Андрія къ полячкѣ и его гибель вслѣдствіе этой страсти. Но чувству любви, являющемуся обыкновенно главнымъ мотивомъ въ романахъ, въ произведеніяхъ Гоголя отведено второстепенное мѣсто, и все вниманіе поэта обращено на такія явленія, которыя обрисовываютъ воинскіе подвиги казаковъ, ихъ общественную и частную жизнь, наконецъ, ихъ славу и могущество. Всѣ эти явленія изображаются съ такою полнотою, какую можно видѣть только у Гомера. „Тарась Бульба,“ говоритъ Бѣлинскій: „это отрывокъ изъ великой эпопеи жизни цѣлаго народа, отражающій все казачество. Такое свойство произведенія Гоголя рѣзко отличаетъ его отъ обычныхъ повѣстей и романовъ и приближаетъ его къ тому виду эпоса, который называется поэмой.“ Произведеніе Гоголя не просто романъ, а романъ—поэма.

Ревизоръ.

Ревизоръ, какъ бытовая комедія и ея особенности.

Сюжетъ „Ревизора,“ какъ свидѣтельствуется самъ Гоголь, былъ данъ ему Пушкинымъ. Въ комедіи „Ревизоръ“ Гоголь изобразилъ бытъ и нравы мелкаго уѣзднаго города и выступилъ обличителемъ злоупотребленій и недостатковъ тогдашняго провинціального чиновничества. Противъ этихъ злоупотребленій—взяточничество, казнокрадство, произволъ—постоянно боролось само правительство, и русская литература уже издавна оказывала ему въ этой борьбѣ посильную помощь, осмѣивая и обличая эти недостатки; сатирическія произведенія Кантемира, Фонвизина, Новикова, Капниста въ этомъ отношеніи являются прямыми предшественниками „Ревизора“ Гоголя. Однако „Ревизоръ“ отличается отъ нихъ замѣчательной художественной силой, которой прежнимъ сатирикамъ обыкновенно недоставало. Въ этомъ отношеніи

комедию Гоголя можно сравнивать съ „Горемъ отъ ума.“ Выведенныя въ „Ревизорѣ“ лица являются не воплощеніемъ какой-либо одной преобладающей страсти или порока: это вполне живыя фигуры, изображенныя съ замѣчательной психологической правдивостью, надѣленныя различными характерными чертами и способностями. Общимъ для всѣхъ выведенныхъ лицъ является ихъ глубокое невѣжество и отсутствіе сознанія своего долга, но у каждаго изъ нихъ эти черты сказываются различнымъ образомъ.

Къ числу особенностей „Ревизора,“ какъ комедіи, принадлежатъ: во-первыхъ отсутствіе положительныхъ типовъ, какими являлись резонеры въ комедіяхъ XVIII-го вѣка, какимъ является Чацкій у Грибоѣдова. Впрочемъ, самъ Гоголь находилъ, что въ его комедіи есть такое положительное, благородное лицо, именно — *смѣхъ*; но подъ этимъ лицомъ скрывается, собственно говоря, самъ авторъ, выставившій на всеобщее посмѣяніе своихъ неприглядныхъ героевъ. Второю особенностью комедіи является отсутствіе въ ней *любовной интриги*, которая считалась раньше почти неизбѣжной принадлежностью всякой пьесы. Вторая особенность стоитъ въ связи съ особымъ характеромъ *звязки всей комедіи*. Самъ Гоголь говоритъ по этому поводу въ „Театральномъ развѣздѣ“: „Комедія должна вязаться сама собой, всей своей массой, въ одинъ большой общій узелъ. *Звязка должна обнимать все* лица, а не одно или два, коснуться того, что волнуетъ болѣе или менѣе всѣхъ дѣйствующихъ. Тутъ всякій герой; теченіе и ходъ пьесы производитъ потрясеніе всей машины.“ Въ этомъ отношеніи завязка комедіи выбрана Гоголемъ чрезвычайно удачно: извѣстіе о ревизорѣ, дѣйствительно, задѣваетъ за живое всѣхъ выведенныхъ лицъ, производитъ всеобщее потрясеніе, заставляетъ каждаго невольно выказать свой характеръ. Уже одно то обстоятельство, что они такъ легко вдалились въ обманъ, достаточно характеризуетъ выведенныхъ лицъ, въ этомъ сказалось неспокойное состояніе ихъ совѣсти, сознаніе своихъ проступковъ, боязнь законной кары, которая какъ бы ослѣпляетъ ихъ и заставляетъ, по словамъ городничаго, „сосульку, тряпку принять за важнаго челоуѣка.“

Содержаніе комедіи.

Дѣйствіе I-ое. Первое дѣйствіе происходитъ въ квартирѣ городничаго уѣзднаго города Сквозника-Дмухановскаго. Городничій пригласилъ къ себѣ чиновниковъ и читаетъ имъ отъ Андрея Ивановича Чмыхова письмо, въ которомъ тотъ сообщаетъ, что въ ихъ городъ ѣдетъ ревизоръ „инкогнито“ съ секретнымъ предписаніемъ обревизовать городъ. Зная за собой много грѣховъ по части управленія уѣздомъ, городничій, повидимому, встревоженъ; хотя онъ, какъ опытный служака, и даетъ надлежащіе совѣты своимъ подчиненнымъ, что каждый изъ нихъ долженъ сдѣлать, чтобы ревизоръ не замѣтилъ беспорядковъ, и даже проситъ вошедшаго почтмейстера Шпекина распечатывать всякое письмо, однако его сильно беспокоитъ проклятое инкогнито, гвоздемъ засѣвшее у него въ головѣ. Какъ городничимъ, такъ и другими чиновниками овладѣваетъ „страхъ ожиданія“. Въ это время впопыхахъ и съ шумомъ вбѣгаютъ городскіе обыватели Бобчинскій и Добчинскій и сообщаютъ, что ревизоръ пріѣхалъ уже двѣ недѣли тому назадъ и проживаетъ въ гостинницѣ. Правда, городничій струсиль, но на первыхъ порахъ думаетъ успокоить себя тою мыслью, что Бобчинскій и Добчинскій ошиблись, принявъ за ревизора кого-нибудь другого. Между тѣмъ Бобчинскій продолжаетъ обстоятельно рассказывать о происшествіи, подтверждая несомнѣнность факта тѣмъ важнымъ для него обстоятельствомъ, что пріѣзжій чиновникъ весьма наблюдательный и заглянулъ даже въ тарелки, чтобы полюбопытствовать, что они съ Петромъ Ивановичемъ ѣли. Несомнѣнно, что ревизоръ пріѣхалъ, тѣмъ болѣе, что городничій въ эту ночь видѣлъ странный сонъ: ему снились двѣ черныя неестественной величины крысы, которыя пришли, понюхали и пошли прочь. Отъ рассказовъ Бобчинскаго городничій приходитъ въ отчаяніе; онъ невольно вспоминаетъ о своихъ недавнихъ дѣянiяхъ: въ послѣднія двѣ недѣли невинно высѣчена унтеръ-офицерская жена, арестантамъ не отпускалась провизія и т. д., и все это заставляетъ застигнутаго врасплохъ городничаго воскликнуть въ порывѣ отчаянія: „Господи, помилуй насъ грѣшныхъ! Батюшки, сватушки,

выносите, святые угодники!“ Спустя нѣкоторое время, городничій нѣсколько овладѣваетъ своимъ тревожнымъ состояніемъ. Узнавъ, что ревизоръ молодой человѣкъ, онъ рѣшается отправиться одинъ или съ Петромъ Ивановичемъ Добчинскимъ такъ для прогулки навѣдаться, не терпятъ ли проѣзжающіе какихъ-нибудь неприятностей. Тутъ же описываются двѣ сцены съ квартальнымъ и частнымъ приставомъ, городничій даетъ имъ приказаніе привести все въ надлежащій порядокъ, мимоходомъ ругаетъ купца Абдулина за то, что тотъ не прислалъ ему новой шпаги, а квартальнаго за то, что тотъ не по чину беретъ, и въ концѣ концовъ даетъ обѣщаніе, когда пройдетъ бѣда, поставитъ такую свѣчу, какой еще никто не ставилъ, и для этого наложить на каждаго бестію купца доставить по три пуда воска. Затѣмъ городничій уѣзжаетъ, сопровождаемый Добчинскимъ, въ полномъ убѣжденіи, что Хлестаковъ и есть тотъ чиновникъ, о которомъ говорилось въ письмѣ. Первое дѣйствіе заканчивается сценой Анны Андреевны, жены городничаго. Послѣдняя подбѣгаетъ къ окну и оттуда кричитъ мужу, чтобы онъ поскорѣ узналъ, съ какими усами ревизоръ, потомъ бранитъ дочь, которая своимъ кокетствомъ помѣшала ей узнать о ревизорѣ и, наконецъ, приказываетъ служанкѣ Авдотѣ бѣжать скорѣе, подсмотрѣть въ щелку и развѣдать, какіе у ревизора глаза, черные или другіе.

Дѣйствіе II-ое. Это дѣйствіе происходитъ въ гостиницѣ и начинается монологомъ Осипа, слуги Хлестакова, въ которомъ онъ описываетъ своего барина и самому себѣ читаетъ для него нравоученія. Изъ его словъ видно, что Хлестаковъ въ безвыходномъ положеніи: онъ проигрался въ карты; ему рѣшительно нечѣмъ расплатиться съ трактирщикомъ, который мало того, что не хочетъ давать обѣда, но вдобавокъ еще грозитъ пожаловаться городничему. Дѣйствительно, черезъ нѣкоторое время является городничій совсѣмъ не съ тою цѣлью, о которой предполагалъ Хлестаковъ. Тутъ происходитъ въ высшей степени комическая сцена, обрисовывающая характеръ и положеніе главныхъ дѣйствующихъ лицъ комедіи. Комизмъ этой сцены заключается въ томъ грандіозномъ недоразумѣніи, въ которомъ находятся оба дѣйствующія лица. Городничій и Хлестаковъ нѣсколько минутъ оба въ страшномъ испугѣ. Хлестаковъ

сначала заикается, но потом, ободрившись, начинает кричать, стучить кулакомъ по столу, бессознательно угрожал жалобой министру. Сосредоточенный на мысли о проклятомъ инкогнито съ секретнымъ предписаніемъ, городничій всѣ слова Хлестакова принимаетъ за тонкія шутки. Въ немъ возбуждается нѣкоторое соревнованіе, что нужно быть по-смѣлѣе. По примѣру Хлестакова городничій и самъ въ свою очередь прибѣгаетъ къ уловкамъ и хитрости; намеками предлагаетъ свои услуги помочь Хлестакову, говоря, что это его обязанность, и когда тотъ проситъ взаймы 200 рублей, даетъ ему вмѣсто двухсотъ 400 и, наконецъ, предлагаетъ Хлестакову свою квартиру. Городничій такимъ образомъ подкупаетъ ревизора, въ полномъ убѣжденіи, что въ этомъ подкупѣ заключается лучшее средство для дальнѣйшей борьбы съ враждебной силой. Онъ нисколько не обнаруживаетъ сомнѣній въ томъ, дѣйствительно-ли Хлестаковъ настоящій ревизоръ.

Дѣйствіе III-ье. Третье дѣйствіе начинается сценой жены городничаго съ дочерью: обѣ стоятъ у окна въ ожиданіи извѣстій о пріѣзжѣмъ ревизорѣ. Въ это время входитъ Добчинскій съ запиской отъ городничаго и на вопросъ жены городничаго, тотъ ли ревизоръ, о которомъ сообщали раньше, говоритъ, что этотъ самый настоящій, и даже съ какою-то гордостью прибавляетъ, что онъ это первый открылъ вмѣстѣ съ Петромъ Ивановичемъ Бобчинскимъ. Затѣмъ Добчинскій съ увлеченіемъ рассказываетъ о свиданіи городничаго съ Хлестаковымъ и убѣгаетъ, чтобы посмотреть, какъ ревизоръ обозрѣваетъ богоугодныя заведенія. Между тѣмъ жена городничаго совѣтуется съ дочерью, какое платье надѣть и той и другой по случаю пріѣзда „столичной штучки“. Въ это время городничій дѣлалъ свое дѣло; онъ завелъ Хлестакова на завтракъ къ попечителю богоугодныхъ заведеній, подпоилъ ревизора, чтобы окончательно склонить и расположить его въ свою пользу. Послѣ небольшой и весьма комической сцены Осипа съ Мишкой, слугой городничаго, квартальные отворяютъ обѣ половинки дверей. Входитъ Хлестаковъ въ сопровожденіи городничаго, зрителя училищъ Луки Лукича Хлопова, попечителя богоугодныхъ заведеній Земляники, Бобчинскаго и Добчинскаго. Хлестаковъ, между прочимъ, выражается, что онъ любитъ общество, а иногда

проводить время въ картахъ, а городничій, съ своей стороны говорить, что онъ всецѣло отдается службѣ. Спустя нѣкоторое время, городничій представляетъ Хлестакову свою супругу и свою дочь. Послѣ этого Хлестаковъ слишкомъ много говоритъ о томъ, какъ онъ занятъ въ Петербургѣ, какой онъ пользуется извѣстностью, какой онъ имѣетъ успѣхъ, какъ литераторъ. Вскорѣ подъ вліяніемъ шампанскаго Хлестаковъ далъ полную волю своему языку. Онъ передаетъ, что въ Петербургѣ онъ ежедневно на балахъ; его общество въ картахъ составляютъ министры; въ передней у него всегда можно встрѣтить много графовъ и князей; одинъ разъ онъ самъ даже управлялъ департаментомъ; наконецъ, его даже боится самъ государственный совѣтъ, и онъ ежедневно ѣдетъ во дворецъ. Въ концѣ своей рѣчи Хлестаковъ едва не сваливается со стула, но городничій почтительно поддерживаетъ его и препровождаетъ его въ комнату для отдыха. Всѣ чиновники въ страхѣ расходятся по домамъ. Послѣ этого между Анной Андреевной и Маріей Антоновой происходитъ нѣкоторое недоразумѣніе. Каждая изъ нихъ старается убѣдить другъ друга, что она одна понравилась ревизору. Городничій и его жена спрашиваютъ лакея Хлестакова, Осипа, накормили ли его хорошо, бывають ли у его барина графы и князья, какой у него чинъ, любить ли его баринъ порядокъ, на что его баринъ обращаетъ больше вниманія и т. д. Сперва городничій даетъ Осипу „пару цѣлковыхъ на чай“, а затѣмъ, когда изъ словъ Осипа городничій узнаетъ, что Хлестаковъ любитъ, чтобы не только его хорошо угостили, но и его слугу, то городничій прибавляетъ Осипу сверхъ того еще на баранки. Наконецъ, городничій велитъ Осипу приготовить все, что нужно для его барина, а квартальнымъ отдаетъ приказаніе, чтобы они гнали всѣхъ, особенно купцовъ, которые явятся къ ревизору съ жалобами или просьбами.

Дѣйствіе IV-ое. Въ началѣ четвертаго дѣйствія изображается совѣщаніе чиновниковъ, собравшихся въ парадныхъ мундирахъ въ квартирѣ городничаго для обсуждения вопроса о подкупѣ ревизора. Каждый высказываетъ свое мнѣніе, но по совѣту попечителя богоугодныхъ заведеній, который отлично зналъ, какъ подобнаго рода дѣла дѣлаются въ благоустроенномъ обществѣ, рѣшаются явиться къ Хлест-

такову поодиночкѣ и тутъ глазъ на глазъ дать взятку. Заслышавъ шаги и откашливаніе Хлестакова, всѣ наперерывъ спѣшатъ къ дверямъ, тискаютъ другъ друга и, наконецъ, исчезаютъ. Входитъ Хлестаковъ съ заспанными глазами. Онъ доволенъ, что его приняли радушно, что угождаютъ ему отъ чистаго сердца, а не изъ интереса. Само собой разумѣется, онъ не понимаетъ, что его принимаютъ за государственнаго человѣка. Первымъ входитъ судья, который представляется ревизору и держитъ деньги въ рукѣ. Послѣ краткаго разговора Хлестаковъ спрашиваетъ судью, что у него въ рукѣ. Судья въ смятеніи и въ это время роняетъ на полъ ассигнаціи. Замѣчая это, Хлестаковъ проситъ у судьи дать ему деньги взаймы, такъ какъ онъ въ дорогѣ издержался. Судья охотно даетъ деньги Хлестакову и спрашиваетъ послѣдняго, не дастъ ли онъ какого-нибудь приказанія увѣздному суду; затѣмъ судья раскланивается и уходитъ. Послѣ этого поочереды являются прочіе чиновники. Они представляются Хлестакову, который принимаетъ ихъ любезно и у каждаго изъ нихъ беретъ взаймы, у кого 200, у кого 300 рублей, при чемъ каждому говоритъ, что онъ въ дорогѣ издержался. Когда входятъ и представляются Добчинскій и Бобчинскій, то Хлестаковъ проситъ у нихъ взаймы 1,000 рублей, а затѣмъ ограничивается 65 рублями. Добчинскій обращается съ просьбой къ Хлестакову, а именно, чтобы его сынъ, рожденный до брака, носилъ его фамилію, и Хлестаковъ немедленно удовлетворяетъ его просьбу. Бобчинскому Хлестаковъ также обѣщаетъ исполнить его просьбу, а именно, въ Петербургѣ Хлестаковъ сообщитъ всѣмъ важнымъ сановникамъ, что въ такомъ-то городѣ живетъ Петръ Ивановичъ Бобчинскій. Хлестаковъ хотя и начинаетъ послѣ того догадываться, за кого его принимаютъ, и собирается писать письмо въ Петербургъ къ знакомому журналисту Тряпичкину, чтобы тотъ обрисовалъ хорошенько всѣхъ чиновниковъ, но, довольный приѣмомъ, желаетъ еще остаться въ городѣ. Входитъ Осипъ. Этотъ дальновидный слуга Хлестакова совѣтуетъ барину увѣзжать, такъ какъ неровенъ часъ, какой-нибудь другой найдетъ. Послѣ нѣкотораго колебанія Хлестаковъ рѣшается послѣдовать благоразумному совѣту Осипа, посылаетъ его отнести письмо на почту, адресованное въ Петербургъ, въ Почтамтскую улицу къ

Тряпичкину, а затѣмъ привести курьерскую тройку. Въ это время купцы желаютъ войти съ жалобой къ Хлестакову, но квартальный не впускаетъ ихъ. Однако Хлестаковъ слышитъ чьи-то голоса и спрашиваетъ у Осипа, что тамъ такое. Осипъ прямо отвѣчаетъ, что какіе-то купцы хотятъ войти, но квартальный не впускаетъ ихъ. Хлестаковъ приказываетъ впустить ихъ. Купцы жалуются Хлестакову на притѣсненія со стороны городничаго и просятъ ревизора перевести городничаго въ какой-нибудь другой городъ. Въ это же время купцы подносятъ Хлестакову вино и сахаръ, но Хлестаковъ возражаетъ, что онъ взятокъ не беретъ, но беретъ у нихъ денегъ займы, обѣщая сослать городничаго въ Сибирь, и по просьбѣ купцовъ принимаетъ и серебряный поднось. Затѣмъ съ жалобой на городничаго является унтеръ-офицерская жена Иванова. Послѣдняя проситъ Хлестакова наложить штрафъ на городничаго за то, что по его приказанію ее подвергли, хотя бы по ошибкѣ, тѣлесному наказанію. Хлестаковъ обѣщаетъ обо всемъ сдѣлать надлежащее распоряженіе. Затѣмъ входитъ Марія Антоновна, которая ищетъ маменьку. Хлестаковъ вдругъ начинаетъ ухаживать за наивной барышней, въ концѣ концовъ становится передъ нею на колѣни и, когда приходитъ Анна Андреевна, проситъ у нея руки ея дочери. Та даетъ согласіе. Въ это время впопыхахъ вбѣгаетъ городничій, который только что узналъ, что на него жаловались купцы и унтеръ-офицерская вдова. Городничій утверждаетъ, что купцы эти—отъявленные мошенники. Но Анна Андреевна перебиваетъ мужа и сообщаетъ ему, что Иванъ Александровичъ проситъ руки ихъ дочери. Растерявшійся городничій сначала не вѣритъ, но потомъ, убѣдившись въ несомнѣнности предложенія, приходитъ въ неописанный восторгъ. Между тѣмъ входитъ Осипъ и говоритъ, что лошади готовы. Городничій съ удивленіемъ спрашиваетъ Хлестакова, почему онъ такъ скоро уѣзжаетъ, но тотъ сообщаетъ, что ѣдетъ на время къ богатому дядѣ, обѣщая скоро вернуться. При отъѣздѣ городничій даетъ Хлестакову еще 400 рублей. Хлестаковъ, принимая деньги, благодаритъ добродушныхъ хозяевъ за радужный пріемъ и любезно прощается со всѣми, при чемъ забираетъ съ собой хорошей персидскій коверъ, который ему предлагаетъ городничій.

Дѣйствіе V-ое. Городничій и его жена обдумывают свое предстоящее блаженство, тѣмъ болѣе, что достигнута цѣль, къ осуществленію которой были направлены всѣ помыслы и стремленія. Тутъ же онъ приказываетъ квартальному немедленно призвать купцовъ и записать всѣхъ „писакъ, которые закручивали имъ просьбы“. Затѣмъ городничій велитъ квартальному объявить городскимъ жителямъ, что онъ выдаетъ свою дочь за весьма важнаго человѣка. Послѣ этого городничій и его жена рисуютъ себѣ въ воображеніи столичную жизнь. Обоихъ плѣняетъ мысль о подобострастіи, которымъ они будутъ окружены въ великомъ свѣтѣ. Мало того, Анна Андреевна мечтаетъ о благовонномъ амбре, а городничій о томъ, какъ бы „влѣзть въ генералы“ и еще о двухъ рыбахъ ряпушкѣ и корюшкѣ, отъ которыхъ только слюнка потечетъ, какъ начнешь ѣсть“. Въ это время входятъ купцы. Городничій принимаетъ ихъ сурово, бранитъ и бранитъ ихъ, припоминая, что самъ помогаль имъ во время постройки моста. Услышавъ такіа слова, купцы извиняются, но городничій открыто заявляетъ имъ, что они теперь извиняются только по той причинѣ, что счастье ему улыбнулось, а въ протівномъ случаѣ они готовы были бы погубить его. Съ другой стороны, городничій смягчается и обязываетъ купцовъ позаботиться о богатомъ приношеніи по случаю бракосочетанія Маріи Антоновны. Затѣмъ появляются одни за другими чиновники со своими женами, поздравляютъ городничаго съ необыкновеннымъ счастьемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вполголоса ругаютъ ихъ зависти. Городничій и его жена величественно принимаютъ эти поздравленія. Въ надеждѣ, что городничій сдѣлается генераломъ, нѣкоторые чиновники уже просятъ его не отказать въ будущемъ, въ случаѣ если они обратятся къ нему за протекціей. Съ своей стороны городничій обѣщаетъ, хотя жена предупреждаетъ его, что у него навѣрно не будетъ времени думать объ этомъ. Между тѣмъ вбѣгаетъ почтмейстеръ съ распечатаннымъ письмомъ, изъ котораго всѣ и узнаютъ, что Хлестаковъ вовсе не ревизоръ. Почтмейстеръ читаетъ письмо, въ которомъ Хлестаковъ смѣшными чертами характеризуетъ уѣздныхъ чиновниковъ, начиная съ городничаго. Всѣ чиновники въ крайнемъ негодованіи, особенно же самъ городничій, который теперь только видитъ,

что онъ обмануть и одураченъ. Однако городничій не раскаивается въ своихъ безнравственныхъ дѣйствіяхъ: ему только досадно, что онъ позволилъ обмануть себя мальчишкѣ, вертопраху. Онъ приходитъ въ бѣшенство, неистовствуетъ; его поражаетъ то, что найдутся, по его мнѣнію, такіе бумагомараки, которые, не щадя ни званія, ни чина, выведутъ его въ комедіи на посмѣшище, и вотъ онъ разражается бранью и ругательствами на писателей, называя ихъ целкоперами, чортовымъ сѣменемъ и т. п. эпитетами. Послѣ этого судья указываетъ на Добчинскаго и Бобчинскаго и сваливаетъ на нихъ всю вину, такъ какъ первые сообщили эту новость. Въ довершеніе всего является жандармъ и докладываетъ, что пріѣхавшій по именному повелѣнію изъ Петербурга чиновникъ требуетъ городничаго немедленно къ себѣ. Произнесенныя жандармомъ слова поражаютъ, какъ громомъ, всѣхъ присутствующихъ. Вся группа, вдругъ перемѣнивши положеніе, остается въ окаменѣніи.

Характеристика дѣйствующихъ лицъ.

Главнымъ лицомъ въ комедіи является городничій Антоңъ Антоновичъ Сквозникъ Дмухановскій. Это человекъ безъ всякаго образованія, но вовсе не глупый отъ природы. Онъ сразу видитъ всю нелѣпость предположенія судьи, что ревизоръ посланъ, чтобы узнать, нѣтъ ли въ городѣ измѣны. При извѣстїи о ревизорѣ онъ не теряетъ головы и немедленно принимаетъ свои мѣры, чтобы по возможности выйти сухимъ изъ воды. Если онъ всетаки обманывается и принимаетъ Хлестакова за ревизора, то въ этомъ виновать, главнымъ образомъ, страхъ преступной совѣсти, лишаящій его возможности спокойно обсудить положеніе, поэтому ошибка городничаго представляется не только психологически вѣрной, но даже неизбѣжной: зная отлично, что ревизоры болѣе всего обращаютъ вниманія на наружныя стороны, городничій дѣлаетъ такія распоряженія, которыя прямо говорятъ о его служебной сообразительности и опытности: онъ приказываетъ взять десятскихъ и вымести улицу, идущую къ трактиру, поставить для благоустройства на

мосту квартального поручика высокаго роста, разметать наскоро старый заборъ и поставить соломенную вѣху, чтобы было похоже на планировку. На службу городничій смотреть, какъ на источникъ личнаго обогащенія, такъ какъ общественные интересы для него совершенно чужды; между тѣмъ въ глазахъ ревизора городничій старается показать себя ревностнымъ исполнителемъ служебной обязанности, цѣль жизни котораго будто бы въ устройствѣ дѣлъ, въ заботахъ объ общественной пользѣ, а не въ мечтахъ и надеждахъ на награду и вниманіе начальства. Вотъ что онъ говоритъ по этому поводу: „Ужъ на что головоломна обязанность градоначальника! Сколько лежитъ всякихъ дѣлъ относительно одной чистоты, починки, поправки: словомъ, наумнѣйшій человѣкъ пришелъ бы въ затрудненіе, но благодареніе Богу, все идетъ благополучно. Иной городничій, конечно, радѣлъ бы о своихъ выгодахъ; но вѣрите ли, что даже когда ложишься спать, все думаешь: „Господи, Боже, ты мой! какъ бы такъ устроить, чтобы начальство увидѣло мою ревность и было довольно... Наградить ли оно, или нѣтъ, конечно, въ его волѣ, по крайней мѣрѣ, я буду спокоенъ въ сердцѣ. Когда въ городѣ во всемъ порядокъ, улицы выметены, арестанты хорошо содержатся, пьяницъ мало, то чего же мнѣ больше? Ей-ей, и почестей никакихъ не хочу. Оно, конечно, заманчиво, но предъ добродѣтелью все прахъ и суета“. Но умъ городничаго преимущественно практическаго характера и проявляется, главнымъ образомъ, въ его хитрости, въ умѣньѣ обдѣлывать свои дѣла, въ практической сноровкѣ. Городничій самъ хвастается: „Ни одинъ купецъ, ни подрядчикъ не могъ меня провести; мошенниковъ надъ мошенниками обманывалъ, пройдохъ и плутовъ такихъ, что весь свѣтъ готовы обворовать, поддѣвать на уду!“ Отсутствие образованія сказывается у городничаго въ его грубости, напримѣръ, онъ вѣритъ снамъ, въ отсутствіи какихъ-либо духовныхъ интересовъ и потребностей. Онъ самъ считаетъ себя религіознымъ человѣкомъ, говоритъ, что онъ „въ вѣрѣ твердъ“, но религіозность его чисто внѣшняя, выражающаяся только въ соблюденіи обрядовъ. вмѣсто раскаянія въ своихъ поступкахъ онъ даетъ лишь обѣщаніе: „поставлю ужъ такую свѣчку, какой еще никто не ставилъ: на каждую бестію купца наложу доставить по три пуда

воска.“ Впрочемъ, онъ самъ сознаеть, что поступаетъ дурно, но утѣшаетъ себя мыслью, что „нѣтъ человѣка, который бы за собою не имѣлъ какихъ-либо грѣховъ“. Это уже такъ самимъ Богомъ устроено, и волтеріанцы напрасно противъ этого говорятъ.“ При всемъ томъ городничій вовсе не какой-либо злодѣй, онъ только не хочетъ упускать того, что плыветъ ему въ руки, не можетъ удержаться отъ искушенія воспользоваться своею властью для личныхъ выгодъ. Онъ только не отдаетъ себѣ яснаго отчета, какъ тяжело отражаются его приемы на подчиненныхъ, и съ большою наивностью говоритъ: „Если что я взялъ, то ужъ безъ всякой злобы.“ А между тѣмъ купцы жалуются на него Хлестакову: „Такого городничаго никогда еще, государь, не было. Такія обиды чинить, что описать нельзя. Еслибы, то есть, чѣмъ-нибудь не уважили его, а то мы ужъ порядокъ всегда исполняемъ: что слѣдуетъ на платяя супружницѣ его и дочкѣ, — мы противъ этого не стоимъ. Нѣтъ, вишь ты, ему все мало!—ей, ей!“ Желая взять больше, городничій, по словамъ купцовъ, даже именины свои справляетъ дважды въ годъ, на Антона и на Онуфрія. Но злоупотребленія его не ограничиваются однѣми взятками съ обывателей: онъ старается при случаѣ нажитья и на счетъ казны: вступаетъ въ стачку съ купцами при подрядахъ, присваиваетъ себѣ деньги, которыя были ассигнованы на постройку церкви при богоугодномъ заведеніи. Властью своею онъ пользуется часто по личному произволу, противно законамъ; такъ, на примѣръ, онъ приказалъ высѣчь унтеръ-офицершу, отдалъ въ солдаты не въ очередь мужа слесарши и т. п. Вотъ почему, когда по городу пронеслась молва о пріѣздѣ ревизора, къ Хлестакову нагрянула цѣлая толпа просителей съ жалобами на городничаго: такъ солоно достался онъ обывателямъ. Грубость натуры городничаго особенно ярко оказывается въ минуты торжества, когда онъ съ ругательствами набрасывается на купцовъ, или когда онъ начинаетъ мечтать о томъ, что будетъ генераломъ, и всѣ низшіе будутъ трепетать передъ нимъ и вытягиваться въ струнку. Въмѣстѣ съ тѣмъ однако городничій не лишенъ и нѣкотораго добродушія; на примѣръ, онъ обѣщаетъ похлопотать въ послѣдствіи за своихъ сослуживцевъ, между тѣмъ какъ жена его съ пренебреженіемъ

заявляетъ, что „не всякой же мелюзгѣ оказывать покровительство.“

Изъ другихъ городскихъ чиновниковъ Гоголь изобразилъ судью, почтмейстера, попечителя богоугодныхъ заведеній и смотрителя училищъ. Судья Ляпкинь-Тяпкинь — человѣкъ очень наивный. Всю свою жизнь онъ прочелъ нѣсколько книгъ и потому считаетъ себя человѣкомъ образованнымъ и любитъ авторитетнымъ тономъ говорить о важныхъ предметахъ. Среди чиновниковъ онъ даже слышетъ вольнодумцемъ; онъ позволяетъ себѣ безбожничать и доходить до такихъ либеральныхъ мыслей и разговоровъ, отъ которыхъ, по выраженію городничаго, волосы дыбомъ становятся. При случаѣ онъ беретъ взятки борзыми щенками, такъ какъ онъ страстный охотникъ. Дѣломъ своимъ онъ не занимается и самъ откровенно заявляетъ: „Я вотъ уже пятнадцать лѣтъ сижу въ судейскомъ стулѣ, а какъ загляну въ докладную записку — а! только рукой махну. Самъ Соломонъ не разрѣшитъ, что въ ней правда и что неправда.“

Почтмейстеръ Шпекинъ—человѣкъ до крайности наивный и любопытный. У него пренебреженіе къ служебному долгу выражается въ болѣе безобидной формѣ, чѣмъ у его товарищей: удовлетворяя своему простодушному любопытству, онъ задерживаетъ и распечатываетъ на почтѣ письма, чтеніе которыхъ доставляетъ ему большое удовольствіе.

Попечитель богоугодныхъ заведеній Земляника — большой руки плутъ. Онъ наживается отъ своей службы. Чтобы больше было дохода, онъ не употребляетъ въ больницы дорогихъ лѣкарствъ на томъ основаніи, что „человѣкъ простой: если умереть, то и такъ умереть; если выздоровѣетъ, то и такъ выздоровѣетъ.“ Естественно, что при подобныхъ порядкахъ больные „всѣ какъ мухи выздоравливаютъ, и не столько медикаментами, сколько честностью и порядкомъ.“ Въ нравственномъ отношеніи Земляника стоитъ еще ниже городничаго; въ немъ нѣтъ и тѣни добродушія, присущаго послѣднему; онъ завистливъ, двуличенъ и склоненъ къ интригѣ; при разговорѣ съ Хлестаковымъ онъ, думая поддѣлаться къ нему, раскрываетъ проступки своихъ сослуживцевъ и даже вызывается написать на нихъ письменный докладъ.

Смотритель училищъ Хлоповъ, по словамъ Гоголя, просто „напуганный челоѡкъ,“ совершенно теряющійся въ присутствіи мнимаго ревизора.

Изъ лицъ провинціального общества, не принадлежащихъ къ числу чиновниковъ, въ комедіи выведены два обывателя: Бобчинскій и Добчинскій. На нихъ яснѣ всего видна пустота и безсодержательность провинціальной жизни. За отсутствіемъ какихъ-либо высшихъ интересовъ, общество занимается лишь сплетнями и пересудами, и главную роль въ этомъ отношеніи играютъ именно оба пріятели. Они — первые вѣстовщики города; узнавши какую-нибудь новость, они спѣшатъ съ нею изъ дома въ домъ; для нихъ нѣтъ высшаго удовольствія, какъ рассказать о чемъ-либо новомъ и сосредоточить на себѣ всеобщее вниманіе: въ эти минуты они чувствуютъ себя настоящими героями, тѣмъ болѣе, что въ остальное время къ нимъ вообще относятся съ пренебреженіемъ, къ чему, впрочемъ, они вполне привыкли, а городничій даже употребляетъ ихъ на побѣгушки. Вотъ что о нихъ говоритъ нашъ знаменитый критикъ Бѣлинскій: „Бобчинскій и Добчинскій—это городскіе шуты, уѣздные сплетники; ихъ всѣ знаютъ, какъ дураковъ, и обходятся съ ними или съ видомъ презрѣнія или съ видомъ покровительства. Они бессознательно это чувствуютъ и потому изо всей мочи передъ всѣми подличаютъ и, чтобы ихъ терпѣли, какъ собакъ и кошекъ въ комнатѣ, всѣмъ подслуживаются новостями и сплетнями, составляющими субъективную, объективную и абсолютную жизнь уѣздныхъ городковъ. Вообще съ ними обращаются безъ чиновъ, какъ съ собаками и кошками: надоѣдятъ—выгоняютъ. Ихъ дни проходятъ въ шатаньѣ и собираніи новостей и сплетенъ. Обогащаются подобной находкой, они вдругъ вырастаютъ сознаниемъ своей важности и уже бѣгутъ къ знакомымъ смѣло въ увѣренности хорошаго пріема.“

Анна Андреевна, жена городничаго, представляетъ собою типъ презрѣлой кокетки. Несмотря на почтенные уже годы, она болѣе всего думаетъ о нарядахъ, а при извѣстіи о ревизорѣ, главнымъ образомъ, интересуется его возрастомъ и цвѣтомъ глазъ и волосъ. По выраженію мужа, она „немного съ придурью,“ что не мѣшаетъ ей выказывать претензію на свѣтскость и тонкое знаніе приличій. Несмотря на то, что она, по собственному вараженію, „въ нѣкоторомъ

родѣ замужемъ," ей очень нравится ухаживаніе Хлестакова, и она даже ревнуетъ его къ собственной дочери. Марья Антоновна во многомъ напоминаетъ свою мать, то же кокетство и жеманство, та же забота о нарядахъ, та же пустота и любопытство.

Въ лицѣ Хлестакова Гоголь изобразилъ человѣка изъ совершенно другой среды и обстановки. Черты, представленныя въ Хлестаковѣ, можно встрѣтить и теперь: отдѣльныя его качества попадаются у людей разныхъ положеній и званій. Хлестаковъ—столичный франтъ и щеголь, пустѣйшій человѣкъ изъ самыхъ безтолковыхъ. Чѣмъ пустѣе и комичнѣе это лицо, тѣмъ обиднѣе для городничаго тотъ самообманъ, въ который онъ впалъ, когда, ослѣпленный страхомъ суда и наказанія, принялъ „сосульку за важнаго человѣка.“ Въ самомъ дѣлѣ, Хлестаковъ — воплощенная ничтожность и пошлость; по своей внутренней пустотѣ онъ даже стоитъ гораздо ниже не только городничаго и другихъ выведенныхъ чиновниковъ, но и своего лакея Осипа. Чтобы занять свою пустоту и удовлетворить чувству мелкаго тщеславія, Хлестаковъ мотаетъ деньги, которыя ему присылаетъ отецъ, и зачастую доходитъ до того, что пускаетъ въ оборотъ платье, за безцѣнокъ продаетъ его на рынкѣ. Эта черта Хлестакова высказывается его лакеемъ Осипомъ въ комедіи слѣдующимъ образомъ: „Батюшка пришлетъ денежки, чѣмъ бы ихъ попридержать—и куды!... пошелъ кутить; ѣздить на извозчикѣ, каждый день ты доставай въ каятръ билетъ, а тамъ черезъ недѣлю, глядь, и посылаетъ на толкучій продавать новый фракъ. Иной разъ все до послѣдней рубашки спустить, такъ что на немъ всего останется курточка да шинелишка, ей Богу правда! И сукно такое важное, аглицкое! рублевъ полтора ста ему одинъ фракъ останется, а на рынкѣ спустить рублей за двадцать; а о брюкахъ и говорить нечего—ни по чемъ иду.“ Большой любитель картежной игры, Хлестаковъ благоговѣетъ передъ обыгравшимъ его пензенскимъ капитаномъ, по своей глупости видя великое достоинство послѣдняго въ томъ, что онъ удивительно штосы срѣзываетъ. Къ сколько-нибудь связному мышленію онъ совершенно неспособенъ; у него, по собственному выраженію, „замѣчательная легкость въ мысляхъ!“ Мысль его безпрестанно перелетаетъ съ предмета на пред-

метъ, такъ что онъ самъ забываетъ, о чемъ передъ тѣмъ говорилъ. Высшее наслажденіе его заключается въ томъ, чтобы не щеголять на гуляньѣ въ модномъ костюмѣ, порисоваться, особенно передъ дамами. Мелкое тщеславіе, желаніе пустить пыль въ глаза, вотъ что руководитъ всѣми его поступками. Ради удовлетворенія этой страсти Хлестаковъ прибѣгаетъ къ самой беззащитнчивой лжи, особенно, когда видитъ, что его слушаютъ, что за нимъ ухаживаютъ: онъ и департаментомъ управляетъ, и во дворецъ ѣздитъ, и съ посланниками въ карты играетъ. Наконецъ, онъ такъ завирается, что даже перепуганный городничій замѣчаетъ это, хотя и объясняетъ по своему: „да еще наговорилъ больше, чѣмъ нужно; видно, что человекъ молодой.“ Однако Хлестаковъ вовсе не сознательный обманщикъ и не самозванецъ. Онъ лжетъ безъ всякой цѣли, не изъ какихъ-либо личныхъ, корыстныхъ побужденій, а изъ простаго легкомыслія. Въ минуты, когда онъ лжетъ, онъ даже вѣритъ собственнымъ словамъ, хотя тотчасъ же забываетъ о нихъ и иногда сбивается съ тона и вспоминаетъ о своей комнаткѣ въ четвертомъ этажѣ. Какъ мало связи въ его мысляхъ, такъ же мало связи и въ его поступкахъ. Онъ вовсе не отдаетъ себѣ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, не думаетъ о результатѣ. Мысль, мелькнувшая въ его головѣ, немедленно превращается въ слово или въ дѣло: въ этомъ смыслѣ Хлестаковъ—натура чисто импульсивная. Эта черта его особенно ярко проявляется въ четвертомъ дѣйствіи, когда Хлестаковъ то принимаетъ чиновниковъ и беретъ у нихъ денегъ взаймы—вѣдь онъ слыхалъ въ Петербургѣ, что братъ взятки неблагородно, — то общается купцамъ „убрать“ городничаго, то объясняется въ любви одновременно его женѣ и дочери, то, наконецъ, неожиданно уѣзжаетъ, соблазнившись перспективой прокатиться съ шикомъ на лихой тройкѣ и, такимъ образомъ слѣдуя благоразумному совѣту Осипа, избавляется отъ ожидавшихъ его неприятностей при приѣздѣ настоящаго ревизора. Хлестаковъ не просто мелкій петербургскій фатъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ представитель очень распространеннаго типа. Отсюда вытекаетъ, что образъ его, кромѣ частнаго, имѣетъ еще и общее значеніе. Очень многіе люди стремятся въ жизни казаться не тѣмъ, что они представляютъ собою на самомъ дѣлѣ, и въ этомъ противорѣчій между бытій

и *казаться* именно и заключается корень всякой „хлестаковщины“, съ тою только разницей, что не всегда она проявляется такъ ярко и наглядно, какъ въ лицѣ Хлестакова. Эту мысль Гоголь самъ выразилъ въ „Письмѣ къ одному литератору“, написанномъ послѣ перваго представленія „Ревизора:“ „Всякій на минуту, если не на нѣсколько минутъ, дѣлался или дѣлается Хлестаковымъ, но, натурально, въ этомъ не хочетъ только признаться; онъ любитъ даже и посмѣяться надъ этимъ фактомъ, но только, конечно, въ кожѣ другого, а не въ собственной. И ловкій гвардейскій офицеръ окажется иногда Хлестаковымъ, и государственный мужъ окажется иногда Хлестаковымъ, и нашъ братъ, грѣшный литераторъ, окажется подчасъ Хлестаковымъ. Словомъ, рѣдко, кто имъ не будетъ хоть разъ въ жизни, — дѣло только въ томъ, что вслѣдъ затѣмъ очень легко повернется, и какъ будто бы и не онъ.“

Отличительныя черты комедіи вообще и значеніе данной въ русской литературѣ.

Въ литературѣ существуетъ особый родъ поэтическихъ произведеній, изображающихъ какое-нибудь вымышленное или же взятое изъ дѣйствительной жизни событіе не въ разсказѣ, а въ самомъ дѣйствиіи участвующихъ въ немъ лицъ. Такія произведенія называются драматическими и могутъ быть трехъ родовъ: трагедія, драма въ узкомъ смыслѣ слова и комедія. Въ настоящемъ случаѣ мы ставимъ своей задачей выясненіе характерныхъ чертъ комедіи. Для болѣе полнаго достиженія поставленной цѣли, надо полагать, удобнѣе всего воспользоваться указаніемъ различія, существующаго между трагедіей и комедіей. Трагедія и комедія являются крайними пунктами драматической поэзіи, тогда какъ собственно драма занимаетъ среднее мѣсто. Въ пьесѣ отчетливо вырисовывается внутренній міръ дѣйствующихъ лицъ, въ томъ числѣ и героевъ, мотивы, побуждающіе ихъ дѣятельности и тѣ цѣли, которыя они себѣ намѣчаютъ. Герои трагедіи—это недюжинныя личности, обладающія тонкой психикой, непреклонной волей, сильными страстями

и т. п. Такие люди задыхаются въ атмосферѣ рутинной посредственности и всѣми силами стараются изъ нея освободиться. Но это имъ, несмотря на ихъ духовную мощь, не удается, и эти сильныя натуры гибнутъ безвременной смертью въ тискахъ мертвящей рутины. Гибель героя и есть естественная развязка всякой трагедіи и вмѣстѣ съ тѣмъ—ея отличительный признакъ. Ничего подобнаго нѣтъ въ комедіи. Здѣсь герой не подвергается такой печальной участи, какая постигаетъ, напримѣръ, честолюбиваго Макбета. Да это и вполне понятно: вѣдь героемъ комедіи является самая мелочная посредственность съ ея узкимъ эгоизмомъ, традиціоннымъ хламомъ и жалкими страстишками. Зачастую тѣ препятствія, съ которыми борется герой комедіи, — только кажущіяся, являющіяся результатомъ непониманія героемъ окружающей обстановки. Фикція, принятая такимъ образомъ за дѣйствительный фактъ, приводитъ героя въ сильное возбужденіе: онъ напрягаетъ всѣ свои душевныя способности и пускается на всевозможныя ухищренія, лишь бы только скрыть всю пошлость своей натуры подъ покровомъ рутинной добродѣтели. Таковъ городничій, главное дѣйствующее лицо комедіи „Ревизоръ“ со всѣмъ своимъ штатомъ администраторовъ — взяточниковъ. Чувствуя за собой вину и получивши къ тому же предупрежденіе отъ пріятели о грозящей опасности, городничій легко вѣрится праздно болтовнѣ Добчинскаго и Бобчинскаго и принимаетъ Хлестакова за настоящаго ревизора. И вотъ здѣсь-то обнаруживается низкая душонка героя. Сущность комедіи заключается въ томъ, чтобы изобразить противорѣчіе поступковъ человѣка съ идеей разумнаго существа, носителемъ котораго является послѣдній. Эти противорѣчія выражаются въ отрицательныхъ сторонахъ жизни. Все дурное, порочное является слѣдствіемъ искаженія природы человѣка, — уклоненія его отъ нормъ истины и справедливости. Поэтому герой комедіи— это типъ отрицательный, способный возбуждать въ зрителѣ чувство смѣха своимъ комическимъ положеніемъ, въ которое онъ попадаетъ на каждомъ шагу. Наоборотъ, въ трагедіи мы видимъ героя положительнаго типа, гибнущаго въ борьбѣ съ непреодолимыми препятствіями въ своемъ неотступномъ стремленіи къ высокой цѣли. Финалъ трагедіи роковая для героя катастрофа — оставляетъ въ нашей душѣ

осадокъ какой-то неудовлетворенности и возбуждает чувство искренняго сожалѣнія объ участи героя. Финалъ комедіи — выясненіе недоразумѣній, въ которыхъ, въ концѣ концовъ, запутывается фальшивая личность героя — вызываетъ въ насъ смѣхъ и, быть можетъ, чувство огорченія, навѣянное мыслями о возможности столь глубокаго искаженія человѣческой природы.

Къ комедіи „Ревизоръ“ нельзя прилагать обыкновенныхъ мѣрокъ: она сама является образцомъ. Сама завязка комедіи чрезвычайно естественна: городничій получаетъ письмо, которымъ его извѣщаютъ о томъ, что въ его городъ скоро пріѣдетъ ревизоръ. Онъ и всѣ чиновники дрожатъ отъ страха передъ надвигающейся грозой закона; въ этомъ состояніи страха нечистой совѣсти вполне естественно повѣрить словамъ двухъ ходячихъ газетъ: Бобчинскаго и Добчинскаго тѣмъ болѣе, что они чрезвычайно таинственно изображаютъ поведеніе Хлестакова, вселяютъ предвзятое мнѣніе о немъ. Съ другой стороны, всѣхъ комическихъ случайностей на страхъ передъ закономъ, какъ руководящемъ чувствѣ, гораздо удачнѣе и ближе къ жизни, чѣмъ практиковавшаяся до Гоголя любовная завязка. Несомнѣнно, что уже въ то время желаніе хорошо пожить, получить чинъ, денежную награду, повышение по службѣ, стремленіе скрыть свои грѣшки было несравненно сильнѣе, чѣмъ любовь, которая была если не уничтожена, то въ значительной степени подавлена вышеуказанными страстями. Такимъ образомъ уже благодаря завязкѣ, комедія сближалась съ жизнью; кромѣ того, жизнь изображалась въ ней вполне правдиво такую, какою она была на самомъ дѣлѣ. Въ реальномъ изображеніи дѣйствительности Гоголь пошелъ въ этомъ случаѣ по слѣдамъ Пушкина и вмѣстѣ съ нимъ способствовалъ упроченію этого жизненнаго направленія въ русской литературѣ. Великій художникъ проявился не только въ темѣ и естественности завязки, онъ выразился и въ высоко-талантливой обрисовкѣ дѣйствующихъ лицъ. Это — не каррикатуры, не олицетвореніе пороковъ, какія мы видимъ въ ложноклассическихъ комедіяхъ и даже у Фонвизина, не злодѣи, а обыкновенные, часто даже добродушные люди лишь съ извращенными понятіями о нравственности и долгѣ службы; ихъ свойства выясняются не изъ рассказовъ о нихъ, а изъ ихъ

дѣйствіи непосредственно; они живутъ и дѣйствуютъ на сценѣ въ положеніяхъ вполнѣ естественныхъ, въ ихъ повседневной жизни; комическія случайности возникаютъ сами собой, не производятъ впечатлѣнія выдуманныхъ. И вотъ, изображая эту будничную жизнь мелкихъ людей (Грибоѣдовъ не вполнѣ еще освободился отъ ложноклассицизма, вводи насъ въ высшее общество), лишь немного взбудораженную опять-таки борьбой за мелкую, смѣшную цѣль, Гоголь умѣлъ ярко изобразить весь, такъ сказать, ужасъ этого засасывающего болота; тѣмъ болѣе мы должны преклоняться передъ его талантомъ. Подобно тому, какъ всѣ комическія положенія вполнѣ естественны, такъ естественно и послѣдовательно развивается и комическое положеніе главнаго дѣйствующаго лица — городничаго. Плутъ, испуганный письмомъ о предстоящемъ пріѣздѣ ревизора, направляетъ всѣ свои мысли къ тому, чтобы скрыть свои злоупотребленія. Услышавъ рассказы Бобчинскаго и Добчинскаго, онъ рѣшилъ, что ревизоръ долженъ пріѣхать инкогнито. Его трепеть при первомъ объясненіи съ Хлестаковымъ, который въ началѣ также дрожитъ отъ страха, исполненъ глубочайшаго комизма. Но гроза — ревизоръ вноситъ счастье въ его домъ. Городничій хвастаетъ своимъ новымъ положеніемъ, говоритъ, что онъ, благодаря зятю, будетъ генераломъ, между тѣмъ какъ зрителю извѣстно, что Хлестаковъ — мелкій петербургскій чиновникъ. Наконецъ, высшей точки комизма положеніе городничаго достигаетъ тогда, когда почтмейстеръ обнаруживаетъ ошибку: онъ самъ предлагаетъ смѣяться надъ собой. Одновременно съ извѣстіемъ о прібытіи настоящаго ревизора авторъ покидаетъ городничаго, такъ какъ тутъ положеніе его уже переходитъ въ трагическое. Такимъ образомъ „Ревизоръ“ является чистой комедіей безъ всякой примѣси трагизма; не затемняетъ комизма любовная развязка ложноклассическихъ комедій, зритель видитъ лишь достойное смѣха и при томъ въ дѣйствіи, а не въ устахъ резонера, какъ, на примѣръ, въ „Недорослѣ“ (Стародумъ). Это непрерывное дѣйствіе дѣлаетъ „Ревизора“ истинно драматическимъ произведеніемъ въ широкомъ значеніи этого понятія. Не менѣе велико и общественное значеніе комедіи. Самый вопросъ, затронутый авторомъ, имѣлъ и имѣетъ чрезвычайную важность: это — вопросъ объ отношеніи чиновниковъ къ

закону и служебному долгу, отъ правильнаго пониманія и выполненія котораго зависитъ благосостояніе народа. Гоголь исчерпалъ цѣликомъ изображеніе чиновничьихъ недостатковъ; помимо главнаго взяточничества, мы видимъ праздность и пустоту существованія, невѣжество, суевѣріе, глупость, легкомысліе, ложь, неправду, сплетни. На видъ все это лишь изображено объективно; но каждому слышится смѣхъ надъ этими пороками, смѣхъ настолько сильный и мѣткій, что онъ всегда задѣваетъ тѣхъ, кого касается. Но авторъ не только смѣется: онъ жалѣетъ этихъ людей, погрязшихъ въ безнравственной тинѣ, и желаетъ ихъ исправленія. вмѣстѣ съ тѣмъ комедія ободряетъ и честныхъ людей; они видятъ, что есть люди, которые не безразлично относятся къ общественнымъ недостаткамъ, осмѣиваютъ ихъ: эта увѣренность въ томъ, что у нихъ есть союзники, что будетъ или уже есть помощь, помогаетъ имъ въ борьбѣ со зломъ въ цѣляхъ исправленія и оздоровленія общества.

Обличеніе общественныхъ недостатковъ вызвало противъ Гоголя многочисленныя нападки и обвиненія, какъ со стороны лицъ, чувствовавшихъ себя задѣтыми комедіей, такъ и со стороны литературныхъ враговъ Россіи. Всѣ эти толки и пересуды публики Гоголь изобразилъ въ особой пьесѣ: „Театральный развѣздъ послѣ представленія новой комедіи.“ Въ заключеніе этой пьесы выступаетъ Гоголь и въ длинной рѣчи высказываетъ свои взгляды на значеніе смѣха и на роль писателя юмориста. Смѣхъ есть могучая сила: „насмѣшки боится даже тотъ, кто уже ничего не боится на свѣтѣ.“ Смѣхъ въ комедіи не есть праздная забава: „онъ углубляетъ предметъ, заставляетъ выступить ярко то, что проскользнуло бы, безъ проникающей силы котораго мелочь и пустота жизни не испугали бы такъ человѣка; ничтожное и презрѣнное, мимо чего человѣкъ проходитъ равнодушно всякій день,“ становится яснымъ, будучи освѣщено смѣхомъ поэта-юмориста. Смѣхъ имѣетъ серьезное воспитательное значеніе, потому что заставляетъ человѣка оглянуться на самого себя, потому что показываетъ, что человѣкъ можетъ возвыситься надъ своими недостатками, осмѣять свои пороки. Задача поэта-юмориста заключается въ томъ, чтобы поучать отрицательными образами. Осмѣивая порокъ, онъ тѣмъ самымъ противопоставляетъ его идеалу добродѣтели. Онъ—врачъ об-

щественныхъ недостатковъ: осмѣивая ихъ, онъ въ то же время скорбитъ надъ нравственнымъ паденіемъ чловѣка. „Въ глубинѣ холоднаго смѣха могутъ отыскаться горячія искры вѣчной, могучей любви, и кто льетъ часто душевныя, глубокія слезы, тотъ, кажется, болѣе всѣхъ смѣется на свѣтѣ.“

Мертвыя души.

Общее замѣчаніе о планѣ поэмы и объ ея героѣ.

Въ поэмѣ „Мертвыя души“ Гоголь нарисовалъ картину помѣщичьяго быта при прежней его обстановкѣ, нравы и обычаи губернскаго города и типъ главнаго героя пріобрѣтателя Чичикова. Содержаніе данной поэмы въ общихъ чертахъ приблизительно слѣдующее: Коллежскій совѣтникъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ, изгнанный за плутни изъ службы, придумываетъ, какъ бы поправить свое состояніе и, наживши громадное состояніе, сдѣлаться чиновнымъ бариномъ. Съ этой цѣлью Чичиковъ составилъ себѣ такой планъ: купить у помѣщиковъ какъ можно больше мертвыхъ душъ, т. е., такихъ крестьянъ, которые хотя въ дѣйствительности уже умерли, однако въ ревизскихъ сказкахъ еще числятся до слѣдующей ревизіи. Эти души Чичиковъ надѣялся купить за безцѣнокъ и притомъ на выводѣ, въ Херсонскую губернію, въ вымышленное имѣніе. Затѣмъ онъ рассчитывалъ заложить души въ Опекунскомъ Совѣтѣ, получить подъ залогъ ихъ значительную сумму и тогда осуществить свою завѣтную мечту: купить себѣ большое помѣстье, жениться на богатой, сдѣлаться большимъ бариномъ и наслаждаться общественнымъ уваженіемъ. На такой простой завязкѣ Гоголь построилъ цѣлую поэму. Вслѣдъ за своимъ героемъ поэтъ странствуетъ по разнообразнымъ мѣстностямъ Россіи, выводитъ на сцену живые типы губернскихъ властей и помѣщиковъ. Въ разсказѣ цѣлый рядъ замѣчательныхъ характеристикъ, множество комическихъ сценъ и столкновеній. Вездѣ

выставляются на показъ темныя стороны жизни различныхъ сословій. Въ этой поэмѣ юморъ Гоголя достигъ того высокаго развитія, при помощи котораго даже самыя, повидимому, мелкіе факты дѣйствительности и тѣ позволяютъ глубоко и далеко заглядывать въ эту дѣйствительность. Отношенія лицъ вездѣ просты, не натянуты. Самыя лица такъ типичны, что стоятъ передъ нами, какъ живыя, и ихъ всякій узнаеть. Въ ихъ рѣчахъ нѣтъ ни малѣйшей книжности и сочинительства. Выражаясь словами самого поэта, Гоголь такъ глубоко заглянулъ въ душу своимъ героямъ, что вывелъ наружу все то, что обыкновенно таится на днѣ ея и ускользаетъ отъ свѣта. Силою юмора Гоголь обнаружилъ своихъ героевъ со стороны ихъ сокровеннѣйшихъ понятій, вѣрованій, убѣжденій и цѣлей,—и передъ нами раскрылось ихъ нравственное убожество, обнаружилась „человѣческая бѣдность.“

Содержаніе „Мертвыхъ душъ.“

ТОМЪ I-ый.

Глава I-ая. Въ губернской городѣ N пріѣзжаетъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ. Остановившись въ гостинницѣ, Чичиковъ, пока его кучеръ Селифанъ и лакей Петрушка управлялись и возились съ вещами, входитъ въ общую залу для гостей. Пока подали обѣдъ, Чичиковъ вступаетъ въ разговоръ съ трактирнымъ слугою и съ чрезвычайно обстоятельностью спрашиваетъ у него, кто былъ содержателемъ гостинницы, даетъ ли послѣдняя много дохода, кто въ городѣ губернаторъ, предсѣдатель палаты и прокуроръ, какіе помѣщики проживаютъ въ окрестностяхъ города, не было ли въ губерніи какихъ-либо повальныхъ болѣзней и т. д. Отдохнувъ немного послѣ обѣда, Чичиковъ отправляется осматрѣть городъ. На слѣдующій день Чичиковъ дѣлаетъ визиты городскимъ сановникамъ и въ бесѣдѣ съ ними льститъ каждому въ отдѣльности. Такъ, губернатору намекаетъ вскользь, что въ его губернію вѣзжаешь, какъ въ рай, такъ какъ дороги вездѣ бархатныя; полицеймейстеру передаетъ нѣчто лестное насчетъ городскихъ будочниковъ,

а вице-губернатора и предсѣдателя палаты, которые по чину числились статскими совѣтниками, называетъ ошибкою „ваше превосходительство,“ что имъ очень понравилось. Геройскіе сановники весьма довольны Чичиковымъ: губернаторъ приглашаетъ его въ тотъ же день на вечеринку, другіе чиновники просятъ его, кто на чашку чаю, кто на обѣдъ. На вечеринкѣ Чичиковъ былъ радушно принятъ губернаторомъ, который представилъ гостя своей супругѣ. Тутъ же Чичиковъ знакомится съ помѣщиками Маниловымъ и Собакевичемъ, которые приглашаютъ его къ себѣ въ усадьбу. На слѣдующій день Чичиковъ былъ приглашенъ полицеймейстеромъ на обѣдъ и ужинъ, гдѣ онъ познакомился съ помѣщикомъ Ноздровымъ. Кромѣ того, и другіе представители города съ особеннымъ удовольствіемъ приглашали Чичикова, кто на обѣдъ, кто на ужинъ, и всѣмъ имъ ново-прибывшій гость очень понравился.

Глава II-ая. Пробывъ въ городѣ болѣе недѣли, Чичиковъ рѣшилъ перенести свои визиты за городъ и прежде всего отправился къ Манилову. Вскорѣ бричка Чичикова очутилась за городомъ, и, спустя нѣкоторое время, Чичиковъ прибылъ въ Маниловку. Супруги Маниловы любезно принимаютъ гостя и неоднократно задаютъ ему вопросы, какое впечатлѣніе произвели на него городъ и его сановники. Когда гость и хозяинъ послѣ сытнаго обѣда расположились въ кабинетѣ, Чичиковъ спрашиваетъ Манилова, давно ли онъ подалъ ревизскую сказку, и затѣмъ осторожно и въ деликатной формѣ высказываетъ Манилову желаніе пріобрѣсти крестьянъ. Тогда Маниловъ спрашиваетъ гостя, какъ онъ намѣренъ купить крестьянъ, съ землею или на выводѣ. Услышавъ отъ Чичикова, что тотъ желаетъ имѣть мертвыхъ, Маниловъ неудомѣваетъ, такъ какъ онъ не въ состояніи понять такой небывалой покупки. Затѣмъ, нѣсколько опомнившись, Маниловъ спрашиваетъ Чичикова, не будетъ ли такое предпріятіе несоотвѣтствующимъ постановленіямъ Россіи, но вскорѣ успокаивается, когда Чичиковъ увѣряетъ его въ противномъ и даже прибавляетъ, что казна будетъ имѣть выгоду отъ покупки, такъ какъ получить законныя пошлины. Очарованный разговоромъ и любезными манерами гостя, Маниловъ уступаетъ ему даромъ всѣхъ умершихъ крестьянъ и даже выражаетъ согласіе на свой счетъ совершить купчую

крѣпость. Довольный успѣхомъ дѣла, Чичиковъ любезно разстается съ семействомъ Манилова, при чемъ дѣтямъ обѣщаетъ привезти подарки. Хотя Маниловъ намѣревается задержать гостя, ссылаясь на предстоящую непогоду, но Чичиковъ не обращаетъ на это вниманія и отправляется къ Собакевичу.

Глава III-ья. Путешественники незамѣтно для себя проѣхали тотъ поворотъ, по которому шла дорога къ усадьбѣ помѣщика Собакевича. Между тѣмъ наступаетъ ночь, и погода измѣнилась. Раздался сильный громъ, и проливной дождь обратилъ въ грязь дорожную пыль. Не видя такъ долго деревни Собакевича, Чичиковъ уже сталъ сильно беспокоиться. Къ счастью, скоро послышался лай собакъ. Чичиковъ приказалъ погонять лошадей, и черезъ нѣкоторое время бричка ударяется оглоблями въ заборъ. Съ трудомъ Селифанъ отыскалъ ворота; путниковъ впускаютъ въ домъ, гдѣ Чичиковъ остается ночевать. Оказалось, что Чичиковъ попалъ въ имѣніе помѣщицы Коробочки. На слѣдующій день Чичиковъ знакомится съ хозяйкой и въ бесѣдѣ съ нею спрашиваетъ ее, въ какомъ количествѣ умирали у нея крестьяне за послѣднее время. Старуха стонетъ и жалуется, что она должна платить подати за мертвыхъ, какъ за живыхъ. Пользуясь удобнымъ случаемъ, Чичиковъ предлагаетъ Коробочкѣ продать ему мертвыя души, но помѣщица, оказывается, не имѣетъ понятія объ этомъ товарѣ. Какъ Чичиковъ ни старался убѣдить помѣщицу, что покупка будетъ состоять только на бумагѣ, что мертвыя души ни на что и никому не нужны, однако Коробочка возражаетъ, что она опасается, какъ бы не понести убытку, такъ какъ она еще никогда не продавала покойниковъ. Тогда Чичиковъ прибѣгаетъ къ обману, именно: объявляя, что занимается казенными подрядами, онъ обѣщаетъ старухѣ брать у нея хозяйственные продукты. Обѣщаніе подѣйствовало, и Коробочка продаетъ Чичикову мертвыя души за 15 ассигнаціи. Получивъ довѣренное письмо на имя знакомаго Коробочки для совершения купчей и списокъ умершихъ крестьянъ, имена которыхъ старуха помнила наизусть, Чичиковъ по указанію дворовой дѣвчонки направляется далѣе въ путь.

Глава IV-ая. Выбравшись изъ захолустья на столбовую дорогу, Чичиковъ приказываетъ кучеру Селифану под-

ѣхать къ трактиру, гдѣ онъ остановился, чтобы дать отдохнуть лошадямъ и самому закусить. Между тѣмъ какъ старуха накрывала на столъ, Чичиковъ разспрашивалъ ее, кто хозяинъ трактира, даетъ ли трактиръ много доходу, не знаетъ ли имена окрестныхъ помѣщиковъ. Оказывается, что старуха знала и Манилова и Собакевича. Въ это время въ трактиръ случайно пріѣзжаетъ со своимъ зятемъ Мижухевымъ помѣщикъ Ноздревъ, съ которымъ Чичикова познакомился на обѣдѣ у прокурора. Увидѣвъ Чичикова, Ноздревъ передаетъ ему, что онъ возвращается съ ярмарки, гдѣ онъ проигрался и знакомить его со своимъ зятемъ Мижухевымъ. Затѣмъ, восхваляя передъ Чичиковымъ ярмарку, гдѣ онъ все продалъ по весьма выгодной цѣнѣ, Ноздревъ передаетъ о своихъ попойкахъ съ офицерами и крайне сожалеетъ, что среди этой веселой компаніи не было Чичикова. Узнавъ, что Чичиковъ намѣренъ ѣхать къ Собакевичу, Ноздревъ уговариваетъ его ѣхать къ нему въ усадьбу, и тотъ соглашается. Пріѣхавъ въ усадьбу, Ноздревъ, распорядившись насчетъ обѣда, тѣмъ временемъ показываетъ гостямъ все, что было у него въ усадьбѣ: конюшню, пустыя стойла, волченка, разныхъ собакъ, водяную мельницу, кузницу, поля, лѣсъ, при чемъ каждую вещь цѣнилъ очень дорого. Послѣ этого всѣ садятся за обѣдъ, во время котораго Ноздревъ особенно налегаетъ на вина, угощаетъ мадерой, заправленной ромомъ. Затѣмъ Ноздревъ велѣлъ принести еще какую-то бутылку и наливалъ всѣмъ, но Чичиковъ, смекнувъ, въ чемъ дѣло, ведетъ себя осторожно, неоднократно опрокидывая свой стаканъ въ тарелку. Послѣ обѣда зять Ноздрева намѣренъ былъ уѣхать, но Ноздревъ задерживалъ Мижухева съ цѣлью устроить „банчишку.“ Однако Ноздревъ долженъ былъ отпустить зятя. Въ это время Ноздревъ достаетъ карты и предлагаетъ Чичикову сыграть въ банкъ. Но Чичиковъ притворяется, что не слышалъ его словъ и проситъ Ноздрева переписать ему всѣхъ умершихъ крестьянъ, которые еще не вычеркнуты изъ ревизіи. На вопросъ Ноздрева, на что Чичикову умершіе крестьяне, гость начинаетъ путаться: сначала Чичиковъ говоритъ, что мертвыя души нужны ему для пріобрѣтенія вѣса въ обществѣ, потомъ придумываетъ новую причину, объявляя, что онъ задумалъ жениться, а родители невѣсты непременно хотятъ, чтобы у жениха было

не менѣе трехсотъ душъ. Ноздревъ не вѣритъ этому и, нисколько не стѣсняясь, называетъ своего гостя мошенникомъ, котораго слѣдовало бы повѣсить на первомъ деревѣ. Хотя Чичиковъ и обижается, однако продолжаетъ рѣчь о томъ же, предлагаетъ Ноздреву продать умершихъ крестьянъ, но Ноздревъ предлагаетъ ему купить жеребца или каурую кобылу и за это обѣщаетъ дать въ придачу умершихъ крестьянъ, потомъ предлагаетъ ему бричку, собакъ и шарманку и, наконецъ, приглашаетъ гостя сыграть въ банкъ, обѣщая поставить на карту умершихъ вмѣстѣ съ шарманкой. Но Чичиковъ рѣшительно отказывается, а Ноздревъ сердится, оскорбляетъ гостя неприличными выраженіями и отдаетъ приказаніе конюху не давать овса лошадямъ Чичикова. Въ продолженіе ночи Чичиковъ не могъ заснуть и крайне сожалѣлъ, что пріѣхалъ къ Ноздреву. На другой день опять возобновляется разговоръ о мертвыхъ душахъ, и Ноздревъ предлагаетъ сыграть на мертвыя души въ шашки, на что Чичиковъ соглашается. Замѣтивъ, что Ноздревъ плуруетъ, Чичиковъ отказывается продолжать игру. Ноздревъ бѣсится, съ кулаками подступаетъ къ Чичикову и приказываетъ слугамъ бить Чичикова. Къ счастью, въ усадьбу пріѣзжаетъ капитанъ-исправникъ и объявляетъ Ноздреву, что онъ находится подъ судомъ до окончанія рѣшенія по какому-то дѣлу. Тѣмъ временемъ Чичиковъ выскальзываетъ на крыльцо, садится въ бричку и приказываетъ Селифану какъ можно скорѣе погонять лошадь.

Глава V-ая. По пути отъ Ноздрева Чичиковъ нѣсколько разъ озирался назадъ, опасаясь, какъ бы за нимъ не было погони и отпустилъ Ноздреву достаточное количество налестныхъ выраженій. Да и кучеръ Селифанъ былъ сердитъ на Ноздрева зато, что послѣдній не велѣлъ выдавать овса лошадямъ. Думая о Ноздревѣ, Селифанъ не замѣтилъ, какъ на бричку Чичикова наскочила запряженная шестерикомъ коляска, въ которой сидѣли двѣ женщины: старуха и шестнадцатилѣтняя блондинка. Постромки путаются, поднимается суматоха, на которую сбѣгаются мужики изъ соседней деревни. Мужики, отвязавъ постромки, разрознили и развязали лошадей, однако лошади не двигались съ мѣста. Тогда Андрюшка, дядя Митяй и дядя Минай въ равныхъ положеніяхъ садились верхомъ то на коренную лошадь, то

на пристяжную и старались выводить изъ своего положенія. Наконецъ, кучеръ прогоняетъ и дядю Митяя, и дядю Миная, даетъ лошадямъ немного отдохнуть, послѣ чего лошади пошли само собою. Когда все уладилось, Чичиковъ продолжалъ путь, размышляя о молоденькой незнакомкѣ. Между тѣмъ показалась деревня Собакевича, и мысли Чичикова обращаются къ покупкѣ мертвыхъ душъ. Собакевичъ встрѣтилъ Чичикова на крыльцѣ, пригласилъ гостя въ квартиру и тамъ представилъ его своей супругѣ, прибавляя, что онъ познакомился съ Чичиковымъ у губернатора и у почтмейстера. Во время обѣда Собакевичъ критикуетъ блюда, подаваемые у губернатора, хвалитъ свой обѣдъ и плохо отзывается о богатомъ помѣщикѣ Плюшкинѣ, страшномъ скрягѣ. Затѣмъ изъ словъ Собакевича Чичиковъ узнаетъ, что Плюшкинъ—мошенникъ, скряга, у котораго „люди мрутъ, какъ мухи“. Послѣ обѣда Чичиковъ рассказываетъ Собакевичу о всемъ русскомъ государствѣ, объ его пространствѣ, потомъ переходитъ къ тому, что умершія ревизскія души числятся до подачи новой ревизіи наравнѣ съ живыми, что эта мѣра хотя и придумана для того, чтобы не обременять присутственныхъ мѣстъ, тѣмъ не менѣе тягостна для владѣльцевъ, обязывая ихъ вносить подати какъ бы за живой предметъ, и прибавляетъ въ концѣ концовъ, что, чувствуя личное уваженіе къ хозяину, онъ готовъ взять эту обязанность на себя. Собакевичъ возразилъ, что у него имѣется такой товаръ и запрашиваетъ по ста рублей за штуку. Когда Чичиковъ приходитъ въ изумленіе и напоминаетъ о томъ, что самыя души уже умерли, а остался одинъ неосязаемый чувствами звукъ, то Собакевичъ, надѣясь совершить выгодную для себя сдѣлку, до того входитъ въ самую силу рѣчи, что начинаетъ восхвалять достоинства умершихъ крестьянъ, ихъ способность къ разнымъ мастерствамъ, даже ихъ ростъ и силу. Чичиковъ предлагаетъ Собакевичу по два рубля за душу, потомъ прибавляетъ еще по полтиннѣ. Собакевичъ намекаетъ Чичикову, что таковыя покупки не всегда позволительны, и даже подсмѣивается надъ нимъ, говоря, что онъ человѣческую душу ставитъ наравнѣ съ пареной рѣпой, но въ концѣ концовъ уступаетъ души по цѣнѣ, предложенной Чичиковымъ. По просьбѣ Чичикова Собакевичъ соглашается на другой день совершить купчую и передаетъ ему списокъ

крестьянъ съ подробнымъ изложеніемъ ихъ похвальныхъ качествъ. Чичиковъ даетъ Собакевичу задатокъ 25 рублей и проситъ никому не сообщать объ этой едѣлкѣ. Разставшись съ Чичиковымъ, Собакевичъ приглашаетъ гостя прѣхать другой разъ на обѣдъ въ надеждѣ, что удастся вторично оказать другъ другу взаимную услугу.

Глава VI-ая. Чичиковъ въѣзжаетъ въ огромное село со множествомъ избъ и улицъ и замѣчаетъ особенную ветхость на всѣхъ деревенскихъ строеніяхъ. Скоро показался и домъ помѣщика, похожій на какой-то странный замокъ, два окна котораго были открыты, а прочія заставлены ставнями или забиты досками. За домомъ простирался громадный садъ, въ которомъ царилъ полный хаосъ. Около одного строенія Чичиковъ встрѣтилъ какую-то фигуру, вздорившую съ мужикомъ, и, благодаря странному костюму фигуры, никакъ не можетъ распознать, какого она пола. Когда Чичиковъ по указанію фигуры вошелъ въ комнату, то онъ къ удивленію своему узнаетъ, что фигурой, которую онъ принялъ за ключницу, такъ какъ у нея за поясомъ были ключи, оказался самъ помѣщикъ Плюшкинъ. Помѣщикъ попросилъ гостя садиться и добавилъ, что онъ уже давно не видитъ гостей, въ которыхъ не замѣчаетъ особенной пользы. Чичиковъ объясняетъ Плюшкину причину своего прѣзда желаніемъ узнать отъ него, какъ отъ знатока, кое-что относительно управленія имѣніями и, вступивъ въ дальнѣйшій разговоръ, узнаетъ, что у Плюшкина горячка выморила порядочное число мужиковъ, и что со дня послѣдней ревизіи ему приходится платить подать за сто двадцать умершихъ душъ. Это предложеніе прямо изумляетъ Плюшкина; но изумленіе его еще болѣе усиливается, когда Чичиковъ, выразивъ желаніе купить умершихъ, предлагаетъ взять на себя издержки и по совершенію купчей крѣпости. Плюшкинъ предполагаетъ, что Чичиковъ совершенно глупъ. Однако Плюшкинъ при всей черствости и скарденности не можетъ скрыть своей радости: онъ желаетъ гостю всякихъ утѣшеній и приказываетъ слугѣ Прошкѣ поставить самоваръ. Опасаясь, что Чичиковъ надуется и, напившись чаю, уѣдетъ, Плюшкинъ проситъ гостя поскорѣе совершить купчую крѣпость, на что Чичиковъ соглашается и требуетъ списка всѣхъ крестьянъ. Затѣмъ Плюшкинъ

предлагаетъ Чичикову купить и бѣглыхъ. Чичиковъ выражаетъ полную готовность и, заплативъ по 30 копѣекъ за душу, беретъ съ хозяина росписку. Поѣхать въ городъ Плюшкинъ не рѣшается изъ опасенія оставить домъ безъ присмотра, чтобы дворовые его не обокрали. Проводивъ со двора гостя, Плюшкинъ велѣлъ немедленно запереть ворота, а затѣмъ началъ осматривать всѣ уголки и хотѣлъ лично убѣдиться, все ли въ порядкѣ. Чичиковъ уѣхалъ отъ Плюшкина въ самомъ веселомъ расположеніи духа и черезъ нѣкоторое время прибылъ въ городъ, въ ту же гостинницу. Попросивъ себѣ легкій ужинъ, Чичиковъ легъ спать и заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Глава VII-ая. Проснувшись на слѣдующій день, Чичиковъ вспомнилъ, что у него уже есть около четырехсотъ душъ, и собственноручно переписываетъ реестры купленныхъ имъ умершихъ крестьянъ, еще не исключенныхъ изъ ревизской сказки. Разсматривая списки крестьянъ, Чичиковъ размышляетъ о судьбахъ русскаго мужика, о его нелюбви умирать своею смертію, о бродячей жизни бѣглыхъ крестьянъ. Такъ прошло время почти до полудня. Вскорѣ Чичиковъ, одѣвшись и вспрыснувъ себя одеколономъ, съ надлежащими бумагами отправляется въ гражданскую палату, гдѣ нужно было еще совершить купчія крѣпости. На улицѣ Чичиковъ встрѣчаетъ Манилова, который вручаетъ ему бумагу съ перечнемъ крестьянъ, охотно слѣдуетъ за нимъ въ палату. Тамъ Чичиковъ и Маниловъ подходятъ къ чиновникамъ, у которыхъ Чичиковъ освѣдомляется, къ кому слѣдуетъ обратиться по этому дѣлу. Согласно указаніямъ чиновниковъ, Чичиковъ доходитъ до одного стола и передаетъ, что одни продавцы имѣются на лицо, а другіе дали ему довѣренность. Затѣмъ они вошли въ залу присутствія, гдѣ возлѣ председателя сидѣлъ Собакевичъ. Председатель, уже знавшій о покупкахъ Чичикова отъ Собакевича, встрѣчаетъ будущаго помѣщика съ распростертыми объятіями, любезно поздравляетъ его, что очень смущаетъ Чичикова. Между прочимъ, Чичиковъ передаетъ председателю письмо отъ Плюшкина. Послѣ этого Чичиковъ проситъ совершить купчія крѣпости въ тотъ же день, такъ какъ на слѣдующій день онъ намѣренъ выѣхать изъ города. Тогда председатель немедленно дѣлаетъ распоряженіе о призывѣ установленныхъ

закономъ свидѣтелей и, обращаясь къ Чичикову, спрашиваетъ его: „Какъ же вы покупаете крестьянъ безъ земли? развѣ на выводъ?“ Чичиковъ, нисколько не потерявшись, заявляетъ предсѣдателю, что онъ покупаетъ ихъ на выводъ въ Херсонскую губернію, гдѣ онъ будто бы приобрѣлъ достаточное количество земли съ рѣкою и прудомъ. Когда сдѣлка окончилась благополучно, предсѣдатель предлагаетъ Чичикову и другимъ спрыснуть покупку и отправиться къ полицеймейстеру на завтракъ. Тамъ собравшіеся пили за здоровіе будущаго Херсонскаго помѣщика, а, Чичиковъ, порядочно закусивши и выпивши, воспользовался прокурорскими дрожками и доѣхалъ къ себѣ въ гостинницу, гдѣ долго мечтаетъ о бѣлокурой невѣстѣ, о херсонскихъ деревняхъ и капиталахъ и заснулъ.

Глава VIII-ая. Покупки Чичикова дѣлаются предметомъ разговора въ городѣ среди обывателей, которые поднимали безконечныя толки и разсужденія о томъ, выгодно ли покупать крестьянъ на выводъ, и какова нравственная сторона этихъ крестьянъ. Многія лица даже входили въ положеніе Чичикова и опасаются, чтобы не произошло бунта между его крестьянами, но полицеймейстеръ успокаиваетъ ихъ, утверждая, что существуетъ власть капитана-исправника, что капитанъ-исправникъ, еслибы самъ не ѣздилъ, но только послалъ на мѣсто себя одинъ картузь свой, то этотъ одинъ картузь погонитъ крестьянъ до самаго ихъ жительства; но Чичиковъ, съ своей стороны, возражалъ, что крестьяне самаго мирнаго характера и готовы добровольно переселиться. Всѣ считаютъ Чичикова миллионеромъ. Губернскія барыни, прежде мало говорившія о Чичиковѣ, теперь восхищенныя пріятнымъ словомъ миллионщикъ, находятъ въ немъ всевозможныя добродѣтели, принимаются особенно усиленно заниматься туалетомъ, а одна изъ нихъ посылаетъ ему анонимное письмо, въ которомъ приглашаетъ Чичикова оставить городъ и удалиться въ пустыню. Въ postscriptum было только прибавлено, „что на балу у губернатора будетъ присутствовать самъ оригиналъ“. Немного спустя, Чичикову, дѣйствительно, приносятъ приглашеніе на балъ къ губернатору. Тамъ Чичиковъ знакомится съ дочерью губернатора, съ которой когда-то встрѣтился на дорогѣ. Всѣ дамы въ восторгѣ отъ Чичикова, но когда замѣчаютъ,

что онъ, повидимому, оказываетъ предпочтеніе губернаторской дочери, то сразу же начинаютъ отзываться о немъ самымъ неблагопріятнымъ образомъ. Неожиданно является на балъ подвыпившій Ноздревъ и громко кричитъ, что Чичиковъ торгуетъ мертвыми душами. Присутствующіе съ губернаторомъ во главѣ приходятъ въ страшное замѣшательство. Чичиковъ самъ смутился и, не дожидая окончанія ужина, уѣзжаетъ домой. Тамъ Чичиковъ бранитъ губернское общество, устраивающее глупые и бесполезные балы, проклинаетъ Ноздрева и всю его родню. Въ это самое время въ городъ пріѣзжаетъ помѣщица Коробочка. Последняя, думая, что Чичиковъ обманулъ ее, рѣшилась пріѣхать въ городъ, чтобы тамъ узнать настоящую цѣну мертвыхъ душъ.

Глава IX-ая. Дама просто пріятная, узнавъ о покупкѣ Чичиковымъ мертвыхъ душъ, раннимъ утромъ отправляется съ визитомъ къ дамѣ пріятной во всѣхъ отношеніяхъ, чтобы подѣлиться съ нею впечатлѣніями по поводу свѣжей новости, только что полученной отъ протопопши, у которой остановилась Коробочка. Послѣ излюбленной бесѣды о новомодныхъ нарядахъ и выкройкахъ просто пріятная дама съ ужасомъ передаетъ, какъ Чичиковъ явился ночью къ Коробочкѣ и требовалъ отъ нея продать ему всѣ умершія души. Между обѣими дамами начинаются толки. Дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ тотчасъ же соображаетъ суть дѣла: ей кажется, что мертвыя души выдуманы только для прикрытія, а главное то, что Чичиковъ намѣревается увести губернаторскую дочку и тайно съ нею обвѣнчаться. Просто пріятная дама вполне соглашается съ этимъ мнѣніемъ, послѣ чего обѣ пріятельницы начинаютъ осмѣивать дочь губернатора и безнравственность институтскаго воспитанія. Свое мнѣніе дамы впервые сообщаютъ вошедшему въ гостиную прокурору, а затѣмъ, разставшись, распространяютъ сплетню среди своихъ знакомыхъ. Въ полчаса весь городъ уже зналъ эту новость. Образуются двѣ партіи. Женская партія исключительно занимается похищеніемъ губернаторской дочки и сочиняетъ про Чичикова разныя небылицы, такъ что жена губернатора, узнавъ о сплетнѣ, дѣлаетъ строгій выговоръ дочери и отдаетъ приказаніе ни въ какое время и ни подъ какимъ видомъ не принимать Чичикова.

Мужчины отвергають дамскія сплетни, но сами теряются въ своихъ догадкахъ, такъ какъ всецѣло обращаютъ вниманіе на мертвыя души, толкуя послѣднія на разные лады. Назначеніе новаго генераль-губернатора приводитъ чиновниковъ въ паническій страхъ: всѣ они начинаютъ отыскивать въ себѣ даже такіе грѣхи, которыхъ у нихъ и не было. Инспекторъ врачебной управы блѣднѣетъ отъ страха и ужаса: ему представляется, что не разумѣются ли подъ мертвыми душами больные, умершіе въ значительномъ количествѣ въ лазаретахъ отъ повальной болѣзни, противъ которой не были приняты надлежащія мѣры. Иные подозрѣваютъ даже, нѣтъ ли въ мертвыхъ душахъ намека на скоростижно погребенныя тѣла вслѣдствіе двухъ кровавыхъ происшествій, заматыхъ администраціей. Въ то же время къ губернатору приходятъ двѣ бумаги: въ одной говорилось о немедленномъ розысканіи находящагося въ губерніи дѣлателя фальшивыхъ ассигнацій, въ другой губернаторъ сосѣдней губерніи писалъ объ убѣжавшемъ разбойникѣ. Тутъ городскіе сановники окончателно сбиваются съ толку, задаютъ себѣ вопросъ, кто таковъ Чичиковъ; особенно испугался предсѣдатель палаты, такъ какъ онъ игралъ роль повѣреннаго Плюшкина. Чтобы притти къ какому-нибудь опредѣленному мнѣнію, чиновники прибѣгнули къ разспросамъ помѣщиковъ, у которыхъ Чичиковъ купилъ мертвыя души. Отъ Коробочки ничего нельзя было добиться. Прочіе помѣщики дали самыя лестныя отзывы о Чичиковѣ. Но такъ какъ это было недостаточно, то чиновники разспрашивали окольными путями слугъ Чичикова на счетъ прежней жизни ихъ барина, но отъ слугъ также узнали очень мало. Тогда рѣшили собраться въ квартирѣ полицеймейстера съ цѣлью разобрать, что за человѣкъ Чичиковъ, слѣдуетъ ли принять противъ него какія-нибудь мѣры, или, можетъ быть, Чичиковъ такой человѣкъ, который въ состояніи ихъ всѣхъ арестовать, какъ людей неблагонамѣренныхъ.

Глава X-ая. На собраніи у полицеймейстера всѣ чиновники очутились въ очень непріятномъ положеніи. На собраніи каждый чиновникъ высказывалъ свое мнѣніе о Чичиковѣ. Одинъ былъ того мнѣнія, что Чичиковъ дѣлатель государственныхъ ассигнацій, а потомъ самъ же прибавляетъ: „а можетъ быть и не дѣлатель“; другой предполагаетъ, что

Чичиковъ чиновникъ генераль-губернаторской канцеляріи, но тутъ же додаеъ: „а, впрочемъ, чортъ его знаетъ!“ Наконецъ, по мнѣнію почтмейстера, Чичиковъ оказался капитаномъ Копѣйкинѣмъ, который въ числѣ раненыхъ во время Отечественной войны безъ руки и ноги прѣхалъ за получкой награды въ Петербургъ. Тамъ онъ получилъ незначительную сумму; но такъ какъ послѣдняя оказалась недостаточной, то капитанъ вторично является въ комиссію. Не получивъ требуемой награды, капитанъ Копѣйкинъ надѣлалъ дерзостей чиновникамъ мѣстной канцеляріи, за что его выслали по этапу изъ столицы. Впослѣдствіи онъ сдѣлался атаманомъ шайки разбойниковъ. Когда полицеймейстеръ прерываетъ почтмейстера, сообщавшаго сначала, что капитанъ Копѣйкинъ былъ безъ руки и ноги, а у Чичикова обѣ руки и обѣ ноги на мѣстѣ, то почтмейстеръ, называя себя телятиной, оправдывается тѣмъ, что это не имѣетъ никакого значенія, что въ Англійи усовершенствована механика и тамъ отлично выдѣлываютъ искусственныя ноги. Догадки эти являются уже черезчуръ нелѣпыми. Нашелся между ними такой, который высказался даже, что Чичиковъ не кто иной, какъ переодѣтый Наполеонъ. Послѣ этого чиновники рѣшили спросить Ноздрева, который первый выпустилъ исторію о мертвыхъ душахъ. Самъ полицеймейстеръ написалъ ему пригласительную записку пожаловать на вечеръ. Но Ноздревъ, оказалось, былъ очень занятъ: изъ нѣсколькихъ десятковъ дюжинъ картъ онъ подбиралъ „одну талію“. Сначала Ноздревъ обругалъ квартальнаго, а потомъ прибылъ. Тутъ онъ отвѣтилъ, что Чичиковъ дѣйствительно купилъ мертвыя души, что онъ шпионъ, дѣлатель фальшивыхъ ассигнацій, а въ концѣ концовъ городилъ такую чепуху, что чиновники отошли отъ этого лгуна. Изъ чиновниковъ болѣе всѣхъ встревожился прокуроръ, который умеръ отъ апоплектического удара. Между тѣмъ Чичиковъ ничего не зналъ о томъ, что происходитъ въ городѣ по поводу его покупокъ. По болѣзни сидѣлъ онъ дома и крайне удивлялся, что ни одинъ изъ чиновниковъ не навѣстилъ его. Почувствовавъ себя лучше, Чичиковъ переодѣлся и отправился съ первымъ визитомъ къ губернатору, но швейцаръ ему передаетъ, что его не приказано принимать; послѣ этого онъ ѣдетъ къ другимъ чиновникамъ, но тѣ или не прини-

маютъ его совсѣмъ, или очень холодно. Чичиковъ возвращается въ гостинницу въ рѣшительномъ недоумѣніи. Является Ноздревъ, отъ котораго Чичиковъ узнаетъ о сплетнѣ, которую распустили о немъ на счетъ похищенія губернаторской дочери, и о суматохѣ, которую произвела въ городѣ покупка имъ мертвыхъ душъ. Выпроводивъ Ноздрева, Чичиковъ приказываетъ Селифану приготовиться къ отъѣзду на слѣдующій день изъ города.

Глава XI-ая. Чичиковъ уѣзжаетъ изъ города N, послѣ того какъ ему приходилось долгое время возиться съ кузнецами, которые должны были обтянуть колесо новой шиной. Когда его экипажъ двигался по городу, онъ встрѣтился съ похоронной процессіей, которая тянулась за гробомъ умершаго прокурора. Вскорѣ бричка Чичикова очутилась за городомъ. Послѣ этого слѣдуетъ лирическое отступленіе, въ которомъ поэтъ размышляетъ о русской пѣснѣ, дорожныхъ впечатлѣніяхъ и опять переходитъ къ Чичикову, который, по мнѣнію Гоголя, не можетъ понравиться читателямъ. Затѣмъ Гоголь подробно рассказываетъ жизнь Чичикова до начала поэмы, описываетъ его дѣтство, воспитаніе, службу, его плутни и мошенничества въ тамождѣ. Въ концѣ этой главы Гоголь размышляетъ о томъ, почему онъ выбралъ въ герои человѣка хитраго плутоватаго, а не человѣка нравственнаго и добродѣтельнаго и оканчиваетъ первый томъ поэмы лирическимъ отступленіемъ о томъ, какъ быстро несется Русь по пути просвѣщенія: „Летитъ все, что ни есть на землѣ, и косясь постораниваются и даютъ ей дорогу другіе народы и государства“.

Павель Ивановичъ Чичиковъ.

Главнымъ героемъ поэмы является отставной коллежскій совѣтникъ Павель Ивановичъ Чичиковъ, „плутоватый человѣкъ“, или какъ его еще называетъ авторъ поэмы „хозяйномъ-пріобрѣтателемъ“. Чичиковъ является вполне практическимъ человѣкомъ, стремящимся къ пріобрѣтенію богатства, въ твердомъ убѣжденіи, что въ богатствѣ заключается единственный источникъ всевозможныхъ удобствъ и благъ жизни. Главная забота Чичикова заключается въ томъ, что-

бы приобрести себѣ состояніе; ради этого Чичиковъ готовъ кривить душою, готовъ пойти на противозаконное дѣло. Въ поэмѣ Гоголь показываетъ намъ, какъ сложился его характеръ, рассказываетъ всю его жизнь. Судьба мало благопріятствовала Чичикову; одинокое, безрадостное дѣтство, бѣдность и неприглядность семейной обстановки, отсутствіе помощи и поддержки извнѣ, сухая мораль, которая нерѣдко сопровождалась колотушками, характеръ школы, гдѣ не столько цѣнили образованіе, способности и дарованіе, а, главнымъ образомъ, уважали благонравіе, въ родѣ прислуживанія преподавателямъ — вотъ что онъ встрѣтилъ при вступленіи въ жизнь. Но всѣ эти неблагопріятныя условія нисколько не сломили его, но закалили его характеръ. Отсутствіе поддержки извнѣ приучило Чичикова во всемъ разсчитывать лишь на самого себя, на собственныя силы; борьба съ различными препятствіями воспитала въ немъ энергію, силу воли и настойчивость въ преслѣдованіи намѣченной цѣли; необходимость изворачиваться среди трудныхъ обстоятельствъ изоштрила его умъ, который отличается исключительно практическимъ характеромъ и проявляется въ хитрости, въ умѣннѣ изъ всего извлекать себѣ пользу, приспособляясь къ людямъ и обстоятельствамъ. Сила воли, хитрость, способность приспособленія — вотъ главныя черты характера Чичикова, которыя всѣ цѣликомъ подчинены основному стремленію къ приобретенію и служить только средствомъ для достиженія этой цѣли. Главный двигатель его души — корыстолюбіе. Съ другой стороны, Чичиковъ совсѣмъ не грязный скряга. Онъ старается составить себѣ состояніе для того, чтобы впослѣдствіи пользоваться имъ, отказывается себѣ до поры до времени во многомъ, въ надеждѣ впослѣдствіи вознаградить себя за это воздержаніе и насладиться всѣми благами жизни. Основныя черты характера стали сказываться въ Чичиковѣ очень рано. Глубоко въ душу Чичикова заронились совѣты отца угождать начальникамъ, водиться съ болѣе богатыми товарищами, а главное беречь и копить копѣйку какъ самую надежную вещь въ свѣтѣ. Дѣйствительно, вступая въ школу, Чичиковъ съ первыхъ же дней строго слѣдуетъ совѣтамъ отца: онъ держитъ себя въ классѣ смирно, безпрестанно кланяется учителю, подаетъ ему „треухъ“, копить копѣйку, отказывая себѣ во всякихъ

удовольствіяхъ и лакомствахъ, обнаруживаетъ терпѣніе и настойчивость, какъ напр., дрессируетъ мышь, изобрѣтаетъ разнаго рода бездѣлушки и съ барышомъ продаетъ ихъ товарищамъ. Въ Чичиковѣ уже въ то время обнаруживаются свойства пракческаго человѣка, для котораго всѣ средства оказались хорошими, разъ они вели къ удовлетворенію личныхъ интересовъ. Свою способность приспособляться къ людямъ Чичиковъ обнаружилъ въ искусствѣ, съ какимъ онъ поддѣлался къ старому учителю, „большому любителю тишины и благонравія.“ Но добрыя чувства этотъ человѣкъ успѣлъ заглушить въ себѣ еще въ юные годы. } Объ этомъ фактѣ Гоголь передаетъ слѣдующее въ поэмѣ: „Когда учитель, у котораго учился Чичиковъ, уволенъ отъ службы и впалъ въ нищету, то бывшіе ученики его умники и остряки, въ которыхъ ему мерещились безпрестанно непокорность и заносчивое поведеніе, узнавши объ жалкомъ его положеніи, собрали тутъ же для него деньги, продавъ даже многое нужное; одинъ только Павлуша Чичиковъ отговорился неимѣніемъ и далъ какой-то пятакъ серебра, который тутъ же товарищи ему бросили, сказавши: „Эхъ ты, жила!“ Закрывъ лицо руками бѣдный учитель, когда услышалъ о такомъ поступкѣ бывшихъ учениковъ своихъ; слезы градомъ полились изъ погасавшихъ очей, какъ у безсильнаго дитяти. „При смерти на одрѣ привелъ Богъ заплакать,“ произнесъ онъ слабымъ голосомъ и тяжело вздохнулъ, услышавъ о Чичиковѣ, прибавляя тутъ же: „Эхъ Павлуша! вотъ какъ переиначается человѣкъ! вѣдь какой былъ благонравный! ничего буйнаго—шелкъ! Надулъ, сильно надулъ...“ }

Это же искусство помогало ему и впослѣдствіи въ его сношеніяхъ съ людьми: даже стараго помытчика, человѣка съ кремневой душой, онъ сумѣлъ обойти и воспользоваться его поддержкой для первыхъ успѣховъ на служебномъ поприщѣ. Практичность всюду граничитъ съ беззастѣнчивымъ плутовствомъ, прикрытымъ массою ловкаго обращенія, вѣжливости и самаго тонкаго приличія. Такимъ Чичиковъ представляется всюду въ поэмѣ; изъ пракческаго человѣка въ немъ выработался подъ вліяніемъ благопріятныхъ жизненныхъ условій типъ замѣчательно-тонкаго плута. Будучи мелкимъ чиновникомъ казенной палаты, Чичиковъ уже непреклонно опредѣляетъ свою цѣль, именно: пробить дорогу

и не затеряться въ толпѣ простыхъ служаекъ, несмотря ни на какія трудности. (Вотъ что говорится въ поэмѣ по этому поводу: „Ему мерещилась впереди жизнь во всѣхъ довольствахъ, со всякими достатками, экипажи, домъ, отлично устроенный, вкусныя обѣды. Все что ни отзывалось богатствомъ и довольствомъ, производило на него впечатлѣніе, непостижимое имъ самимъ.“) Энергія Чичикова вызываетъ въ каждомъ удивленіе. Онъ никогда не унывалъ, если его обличали въ какой-нибудь шутовской продѣлкѣ. „Что-жь,“ — говорилъ онъ: „зацѣпиль, поволокъ, сорвалось — не спрашивай. Плачемъ горю не пособить, нужно дѣло дѣлать,“ — и опять съ усиленною неутомимостью и адскимъ терпѣніемъ принимался за новую плутню, обнаруживая еще большую изобрѣтательность. Чтобы легче эксплуатировать людей для пріобрѣтенія корыстолюбивыхъ цѣлей, Чичиковъ прибѣгаетъ къ различнымъ средствамъ. Въ городѣ N онъ очаровалъ всѣхъ чиновниковъ ловкостью своего обращенія, умѣньемъ сказать всѣмъ что-нибудь пріятное, а гдѣ нужно — подѣйствовать лестью. Вращаясь въ обществѣ и видя людей разныхъ классовъ и убѣждений, Чичиковъ неразъ подмѣтилъ, что люди склонны придавать большое значеніе внѣшности. Благодаря этому обстоятельству, онъ весьма серьезно занимается своимъ туалетомъ: онъ бреется такъ, что щеки по гладкости и лоску дѣлаются похожими на настоящій атласъ; одѣвается онъ постоянно въ модный фракъ. (Если по окончаніи карточной игры затѣвается какой-либо споръ, то Чичиковъ спорить искусно и прибѣгаетъ къ деликатнымъ выраженіямъ. Такъ, онъ не рѣшается просто выразиться: „вы пошли,“ но „вы изволили пойти,“ „я имѣлъ честь покрыть вашу двойку“ и т. д.) Какъ человѣкъ умный и проницательный, онъ весьма находчивъ и умѣетъ поддержать бесѣду о такихъ предметахъ, которые ему, повидимому, мало извѣстны. Эту черту Чичикова Гоголь характеризуетъ слѣдующимъ образомъ въ поэмѣ: „О чемъ бы разговоръ не былъ, онъ всегда умѣлъ поддержать его: шла ли рѣчь о лошадиномъ заводѣ — онъ говорилъ и о лошадиномъ заводѣ; говорили ли о хорошихъ собакахъ — и здѣсь онъ сообщалъ очень дѣльныя замѣчанія; трактовали ли касательно слѣдствія, произведеннаго казенною палатою, — онъ показавъ, что ему не безызвѣстны и судейскія продѣлки; было-ли рассу-

ждение о биллиардной игрѣ—и въ биллиардной игрѣ не давалъ онъ промаха; говорили ли о добродѣтели—и о добродѣтели разсуждалъ онъ очень хорошо, даже со слезами на глазахъ; объ выдѣлкѣ горячаго вина—и въ горячемъ винѣ зналъ онъ прокъ, о таможенныхъ надсмотрщикахъ и чиновникахъ—и о нихъ онъ судилъ такъ, какъ будто бы самъ былъ и чиновникомъ и надсмотрщикомъ. Но замѣчательно, что онъ все это умѣлъ облекать какою-то степенностью, умѣлъ хорошо держать себя. Говорилъ ни громко, ни тихо, а совершенно такъ, какъ слѣдуетъ. Словомъ, куда ни повороти, былъ очень порядочный человѣкъ.“ Однимъ словомъ, его приемы, манеры, рѣчи на первый взглядъ не имѣютъ въ себѣ ничего отталкивающего. Во всемъ видна степенность, обдуманность, совершенное знаніе правилъ общежитія и условий приличія. Онъ со всякимъ умѣетъ поговорить; знаетъ слабость человѣческаго сердца и потому въ душу каждаго прокладываетъ себѣ дорогу вкрадчивою лестью. Кромѣ того, онъ умѣетъ подмѣтить въ своемъ собесѣдникѣ его собственную слабую сторону, умѣетъ постоянно дѣйствовать на нее и успѣваетъ хорошо себя поставить въ его мнѣніи.

Чичиковъ представляетъ собою живое олицетвореніе житейской мудрости въ практическомъ смыслѣ. Онъ обладаетъ замѣчательною способностью подмѣтить слабую сторону человѣка и ловко воспользоваться ею для своихъ выгодъ, а въ разговорѣ умѣетъ приноровиться къ характеру человѣка. Такъ, замѣтивъ сентиментальность Манилова, страсть послѣдняго къ сердечнымъ изліяніямъ, Чичиковъ пускаетъ въ оборотъ цѣлый потокъ чувствительныхъ фразъ о наслажденіяхъ природой, о пріятностяхъ уединенной жизни и, рассказывая собесѣднику о испытанныхъ имъ разныхъ непріятностяхъ и гоненіяхъ за правду, сравниваетъ себя съ баркой среди свирѣпыхъ волнъ. Съ помѣщицей Коробочкой Чичиковъ обходится безъ всякихъ церемоній и сравниваетъ старуху съ собачкой, которая лежитъ на снѣгѣ. Съ Собакевичемъ онъ бесѣдуетъ о хозяйствѣ, а съ Плюшкинымъ о разумной экономіи. Задумавъ мошенническую продѣлку, Чичиковъ ведетъ себя чрезвычайно осторожно: долго и весьма серьезно обдумываетъ онъ планъ своихъ дѣйствій, тонко изучаетъ обстановку, въ которой ему придется вести борьбу, и только въ такомъ случаѣ рѣшается пустить въ ходъ всѣ

силы съ вѣрнымъ расчетомъ на окончательную побѣду. Когда Чичиковъ получилъ мѣсто въ таможнѣ, тогда онъ ревностно принялся за свое дѣло, при чемъ обнаруживаетъ необыкновенную проникательность и расторопность, честность и неподкупность. Такими дѣйствіями Чичиковъ добывается повышенія, а, добившись, начинаетъ мошенническую продѣлку: вступаетъ въ сообщество съ контрабандистами и устраиваетъ остроумное путешествіе испанскихъ барановъ, которые, совершивъ походъ черезъ границу въ двойныхъ тулупчикахъ, пронесли подъ ними на миллионъ брабантскихъ кружевъ. Съ другой стороны, Чичиковъ старается всегда, понятно, на словахъ только показать себя точнымъ блюстителемъ закона и дѣлаетъ это съ той цѣлью, чтобы замаскировать грязную сторону своихъ поступковъ. Въ поэмѣ имѣется важное доказательство тому. Когда Маниловъ отдаетъ ему даромъ всѣ мертвыя души, и Чичиковъ проситъ его приступить къ совершенію купчей крѣпости, то Маниловъ задаетъ вопросъ: „Какъ на мертвыя души купчую?“ Чичиковъ, нисколько не теряясь, возражаетъ слѣдующее: „А, нѣтъ! Мы напишемъ, что онѣ живы, такъ, какъ стоитъ дѣйствительно въ ревизской сказкѣ. Я привыкъ ни въ чемъ не отступать отъ гражданскихъ законовъ; хотя за это я потерпѣлъ на службѣ, но ужъ извините: обязанность для меня—дѣло священное, законъ — я нѣмѣю предъ закономъ.“ Чичиковъ не имѣетъ понятія о нравственности; онъ обращаетъ вниманіе только на внѣшнюю формальную сторону закона. Во всѣхъ своихъ житейскихъ отношеніяхъ личный интересъ и матеріальный расчетъ у него занимаютъ первое мѣсто. Встрѣчаясь съ блондинкой, Чичиковъ сначала представляетъ себѣ привлекательныя черты характера этой дѣвушки, насколько онъ былъ въ состояніи судить о нихъ по ея наружности, но въ послѣдствіи его мысли опутываются самыми обыкновенными практическими соображеніями: „А любопытно бы знать, чьихъ она? что, какъ ея отецъ, богатый ли помѣщикъ почтеннаго нрава, или просто благомыслящій человѣкъ, съ капиталомъ, пріобрѣтеннымъ на женѣ? Вѣдь, если, положимъ, этой дѣвушкѣ да придать тысченокъ двѣсти приданаго, изъ нея бы могъ выйти очень, очень лакомый кусочекъ. Это бы могло составить, такъ сказать, счастье порядочнаго человѣка.“ Насколько низка нравственная

сторона этого главнаго героя поэмы, видно изъ того, что на каждомъ шагу оправдываетъ себя, хотя эти поступки безчестны. Вотъ что онъ говоритъ: „Почему же я? зачѣмъ на меня обрушилась бѣда! Кто-жъ зѣваетъ теперь по должности? всѣ пріобрѣтають. Несчастливымъ я не сдѣлалъ никого; я не ограбилъ вдовы, я не пустилъ никого по міру; бралъ тамъ, гдѣ всякій бралъ бы; не воспользуюся я, другіе воспользовались бы. За что же другіе благоденствуютъ, и почему долженъ я пропасть червемъ? И что я теперь? что скажутъ потомъ мои дѣти? Вотъ, скажутъ, отецъ-скотина: не оставилъ намъ никакого состоянія!“ Гоголь отмѣчаетъ также громадную силу воли и настойчивость своего героя. Чичиковъ не падаетъ духомъ при неудачахъ даже тогда, когда онъ вдругъ лишается всего благосостоянія, достигнутаго съ такимъ трудомъ, цѣною долготѣлныхъ усилій и лишеній. Эта настойчивость представляетъ, безъ сомнѣнія, крупную положительную черту въ характерѣ Чичикова; поэтому вполне понятно восклицаніе откупщика Муразова, героя второй части данной поэмы: „Ахъ, Павелъ Ивановичъ! какой бы изъ васъ былъ человѣкъ, еслибы также и силою и терпѣніемъ, да подвизались бы на добрый трудъ, имѣя лучшую цѣль! Боже мой! сколько бы вы надѣлали добра! Еслибы хотя кто-нибудь изъ тѣхъ людей, которые любятъ добро, да употребилъ бы столько усилій для него, какъ вы для добыванія своей копѣйки, да сумѣли бы пожертвовать для добра, какъ вы не жалѣли для добыванія своей копѣйки!“ Но у Чичикова вся эта сила, вся энергія уходитъ на удовлетвореніе эгоистическихъ цѣлей, на погоню за богатствомъ, такъ какъ ни школа, ни жизнь не воспитали въ немъ иныхъ, болѣе высокихъ нравственныхъ чувствъ и понятій. Правда, Чичиковъ достигаетъ успѣха, но все это является не только результатомъ своей ловкости и изобрѣтательности, но также благодаря снисходительности и нравственному убожеству окружающаго его общества, продуктомъ котораго онъ самъ является. Одно только можно сказать, что внѣшними манерами онъ стоитъ выше ихъ, а внутренняя сторона его ничѣмъ не отличается отъ другихъ типовъ, выведенныхъ въ первомъ томѣ поэмы. Итакъ, Чичиковъ—это глубоко задуманный общественный типъ: въ немъ Гоголь изображаетъ пороки, разившіеся въ различныхъ слояхъ русскаго общества. Если

сопоставить характеристику Чичикова съ тѣми низкими и пошлыми чертами дѣйствительности, обрисованными поэтому въ прочихъ типахъ поэмы, то ясно представится, что развитіе въ немъ низкихъ стремленій и доведенное до страсти поклоненіе золотому тельцу ради удовлетворенія своего эгоизма обусловливается, во-первыхъ, отсутствіемъ въ человѣкѣ добрыхъ нравственныхъ началъ, а во-вторыхъ, ненормальнымъ положеніемъ той общественной среды, въ которой ему приходится жить и дѣйствовать. Показать это паденіе въ живыхъ образахъ и картинахъ изъ современной жизни и было, какъ слѣдуетъ полагать, общею мыслью Гоголя, которую онъ проводитъ въ своемъ произведеніи.

Типы помѣщиковъ.

Маниловъ—типъ празднаго помѣщика, сентиментальнаго до приторности. Онъ получилъ кое-какое образованіе, но обстановка прежней лѣнливой барской жизни сдѣлала то, что онъ совершенно опустился: дѣломъ не занимается, а все время проводить въ нелѣпыхъ мечтаніяхъ. Это—человѣкъ безъ всякой опредѣленной фізіономіи, „ни то, ни се, ни въ городѣ Богданѣ, ни въ селѣ Селифанѣ.“ Никакой рѣзкой отличительной черты нѣтъ въ его характерѣ. У каждаго человека, по словамъ Гоголя, есть какая-нибудь страсть или просто замашка, „у всякаго есть свое, но у Манилова ничего не было.“ Предоставивъ все хозяйство плуту-приказчику, который, само собой разумѣется, старался извлечь свою пользу изъ довѣрчивости барина, Маниловъ сидитъ у окна, курить трубку и праздно мечтаетъ о благополучіи дружеской жизни, о томъ, какъ бы хорошо было жить съ другомъ на берегу какой-нибудь рѣки, объ огромнѣйшемъ домѣ съ высокимъ бельведеромъ, на которомъ можно было бы пить чай и разсуждать о какихъ-нибудь пріятныхъ предметахъ: оттого деревня Манилова находилась въ очень плохомъ состояніи, мужики были разорены и пьянствовали. Но ничего этого не замѣчалъ Маниловъ, занятый мечтами о томъ, какъ хорошо было бы построить мостъ черезъ прудъ или такую башню, съ которой была бы видна Москва. Бесѣдуя съ Чичиковымъ, Маниловъ высказываетъ, что съ добрымъ пріате-

лемъ пріятно, чтобы „слѣдить какою-нибудь этакую науку.“ Однако въ устахъ его это только одни пустыя слова. Въ дѣйствительности же въ немъ вовсе нѣтъ живыхъ духовныхъ интересовъ: поэтому лежавшая въ его кабинетѣ книга неизмѣнно оставалась развернутой на 14-ой страницѣ. Красивыя рѣчи, приторно-вѣжливое обращеніе для Манилова представляють верхъ человѣческой добродѣтели. Какъ человѣкъ съ ограниченнымъ умомъ, Маниловъ не въ состояніи замѣтить притворства и лжи, если онѣ выражены чувствительной и красивой фразой: слова Чичикова о мнимыхъ гоненіяхъ за правду совершенно растрогиваютъ его, на глазахъ его навертываются даже слезы, и онъ такъ горячо жметъ руку гостя, что тотъ не знаетъ, какъ ее выручить! У Манилова не было никакихъ опредѣленныхъ собственныхъ взглядовъ; поэтому онъ о всѣхъ людяхъ отзывался совершенно одинаково: всѣ въ его глазахъ предпочтенные и прелюбезные люди такъ какъ самъ онъ добрѣйшей души человѣкъ, хотя доброта его выражается лишь отрицательно, т. е., онъ не дѣлаетъ ничего дурного, потому что вообще ничего не дѣлаетъ. Къ этимъ прелюбезнѣйшимъ людямъ Маниловъ причисляетъ и Чичикова, открыто заявляя, что съ радостью отдалъ бы половину своего состоянія, чтобы имѣть хоть часть достоинствъ, которые, по его мнѣнію, имѣлъ Чичиковъ. Довѣрчивый и снисходительный до смѣшного, Маниловъ только на минуту смущается покупкою мертвыхъ душъ. Когда же Чичиковъ высказываетъ, что предпріятіе его нисколько не противорѣчитъ гражданскимъ законамъ, что онъ самъ потерпѣлъ за правду, ~~за правду~~ за то, что былъ чистъ совѣстью, подавалъ руку и вдовицѣ безпомощной и сиротѣ горемыкѣ, то Маниловъ, ошеломленный фразой, вѣритъ этимъ словамъ, уступаетъ Чичикову мертвыя души за даромъ и по отъѣздѣ гостя долго мечтаетъ о томъ, какъ онъ находится въ самой тѣсной дружбѣ съ Чичиковымъ.

Коробочка—вѣрный типъ хозяйки скопидомки. Какъ всѣ подобныя хозяйки, и Коробочка жалуется вѣчно на неурожаи, а между тѣмъ зашиваетъ въ мѣшечки отдѣльно рубли, полтинники и четвертаки. Скопидомство и мелкую расчетливость ея Гоголь характеризуетъ слѣдующимъ образомъ: „Это была одна изъ тѣхъ матушекъ, небольшихъ помѣщицъ, которыя плачутся на неурожаи, убытки и держатъ

голову на бокъ, а между тѣмъ набираютъ понемножку денегенокъ въ пестрядевые мѣшечки, размѣщенные по ящикамъ комодовъ. Въ одинъ мѣшечекъ собираютъ всѣ цѣлковики, въ другой полтинники, въ третій четвертаки, хотя съ виду и кажется, будто бы въ комодѣ ничего нѣтъ, кромѣ бѣлья, да ночныхъ кофточекъ, да нитяныхъ моточковъ, да распоротаго салапа.“ Чичиковъ называетъ Коробочку дубиноголовой. Въ самомъ дѣлѣ, глупость ея доходитъ до крайняго изумленія: она совершенно не можетъ понять, что покупка умершихъ крестьянъ должна состояться только на бумагѣ, и вполне убѣждена, что покупщикъ будетъ откапывать ихъ изъ земли. Изъ словъ Чичикова Коробочка видитъ, что дѣло довольно выгодное, но въ то же время опасается, чтобы покупщикъ не обманулъ ея; вѣдь до той поры ей приходилось нерѣдко продавать пеньку и сало, а о мертвыхъ душахъ ей даже и слышать не приходилось. Съ крайнею безтолковостью соединяются въ Коробочкѣ совершенное невѣжество и суевѣріе. Когда Чичиковъ вышелъ изъ терпѣнія и посулилъ ей черта, то черта Коробочка весьма испугалась. „Охъ, не припоминай его, Богъ съ нимъ!“ вскрикнула она, вся поблѣднѣвъ: „еще третьяго дня всю ночь снился окаянный. Вздумала было на ночь загадать на картахъ послѣ молитвы, да видно въ наказаніе—то Богъ и наслалъ его. Такой гадкій привидѣлся; а рога—то длиннѣе бычачьихъ.“ Къ тому Коробочка отличается многими симпатичными чертами: она гостеприимна и любитъ заниматься хозяйствомъ; крестьянскія избы ея деревеньки поддерживаются, какъ слѣдуетъ, и показываютъ довольство обитателей; въ сараяхъ видны запасныя телѣги.

Въ основѣ характера Ноздрева лежитъ стремленіе вернуться, истратить какъ-нибудь избытокъ жизненныхъ силъ. Это, что называется, „широкая натура, какихъ много на Руси“. Ноздревъ веселъ и общителенъ; онъ не выноситъ одиночества: быть въ обществѣ составляетъ для него потребность; чѣмъ шумнѣе компанія, тѣмъ для него лучше; по этой причинѣ Ноздревъ особенно любитъ посѣщать ярмарки и всевозможныя сборища, гдѣ можно держаться нараспашку. Карточная игра, по временамъ мошенническая, безпробудное пьянство и кутежи—вотъ обычныя и любимыя развлечения Ноздрева. Идеалы его штабсъ-ротмистръ Поцѣлуевъ, да

поручикъ Кувшинниковъ — оба кутилы во всей формѣ. Кутила и забіака, Ноздревъ вмѣстѣ съ тѣмъ „историческій человѣкъ“, потому что ни одного собранія съ его участіемъ не обходится безъ какой-либо исторіи: или онъ бьетъ, или его бьютъ, большею частью въ карточной игрѣ, къ которой онъ питаетъ большое пристрастіе. Семейственность Ноздрева безгранична: мало знакомый Чичикову, онъ уже говоритъ ему *ты*, хотя тотъ и не подаетъ ему никакого повода, называетъ его свинтусомъ, скотоводомъ и тому подобными эпитетами. Натура подвижная, неусидчивая, Ноздревъ совсѣмъ не занимается своимъ хозяйствомъ, которое находится въ очень плохомъ состояніи: конюшни его были пусты, поля во многихъ мѣстахъ состояли изъ кочекъ, въ домѣ господствовалъ полнѣйшій беспорядокъ. Равнодушный къ хозяйству, Ноздревъ однако энергиченъ и терпѣливъ, разъ дѣло касается плутовства; онъ по цѣлымъ днямъ не выходитъ изъ комнаты и съ большимъ вниманіемъ занимается „подбираніемъ изъ нѣсколькихъ десятковъ дюжинъ картъ одной тали, но самой мѣткой, на которую можно было бы понадѣяться, какъ на вѣрнѣйшаго друга“. Типическою чертой Ноздрева является беззащитное лганье, соединенное довольно часто съ желаніемъ нагадить ближнему безъ всякой задней мысли и нужды. Вотъ что авторъ говоритъ по этому поводу въ поэмѣ: „Чѣмъ кто ближе съ нимъ сходилъ, тому онъ скорѣе всѣхъ насаливалъ: распускалъ небылицу, глупѣе которой трудно выдумать, разстраивалъ свадьбу, торговую сдѣлку и вовсе не почиталъ себя вашимъ непріателемъ; напротивъ, если случай приводилъ его опять встрѣтиться съ вами, онъ обходился вновь подружески и даже говорилъ: „вѣдь ты такой подлець — никогда ко мнѣ не заѣдешь“. Своею болтливостью, безъ всякой, впрочемъ, злобы, Ноздревъ выводитъ почтеннаго пріобрѣтателя на чистую воду; изъ его устъ впервые разлетается по городу исторія покупки мертвыхъ душъ. Въ Ноздревѣ мы видимъ полнѣйшее отсутствіе нравственныхъ убѣжденій: онъ угощаетъ Чичикова крѣпкимъ виномъ съ той цѣлью, чтобы обыграть его въ карты; онъ нисколько не обижается на тѣхъ, которые прибьютъ его, и обращается съ ними подружески, какъ ни въ чемъ не бывало. Ноздревъ человѣкъ юркій и въ высшей степени неугомонный. Юркость характера Ноздрева, соеди-

ненная съ хвастовствомъ и ложью, особенно хорошо выражается въ разговорѣ съ Чичиковымъ по поводу мертвыхъ душъ, когда онъ предлагаетъ послѣднему купить у него сначала десятитысячнаго жеребца за четыре тысячи, а души дать въ придачу, потомъ каурую кобылу и сѣраго коня за двѣ тысячи, наконецъ, шарманку за девятьсотъ рублей. Игра въ карты любимое развлеченіе Ноздрева. Но выигрышь его прельщаетъ: „если случится ему обыграть какого-нибудь простачка, то онъ тотчасъ закупить всякой всячины и не только все это проиграетъ, но спуститъ еще свою четверню съ коляской и кучеромъ, такъ что отправляется въ коротенькомъ сюртукѣ и архалукѣ искать пріятеля, чтобы попользоваться его экипажемъ“.

Собакевичъ по внѣшности настоящій медвѣдь „средней величины“: толстый, неуклюжій, угрюмый. Характеръ его вполне соответствуетъ этой внѣшности. Желанья, вкусы и привычки его отличаются животной грубостью и неизменною. Нисколько не стѣняясь присутствіемъ Чичикова, Собакевичъ во время обѣда рассказываетъ о томъ, что губернаторскій поваръ французъ подалъ однажды на столъ ободраннаго кота вмѣсто зайца. Собакевичъ съ презрѣніемъ относится къ французской кухнѣ; за его столомъ подаютъ все русскія кушанья и въ огромномъ количествѣ. „Возьмите барана, продолжалъ онъ, обращаясь къ Чичикову:—это бараній бокъ съ кашей! Это не тѣ фрикасе, что дѣлаются на барскихъ кухняхъ изъ баранины, какая суетокъ по четыре на рынкѣ валяется. Это все выдумали доктора нѣмцы, да французы; я бы ихъ перевѣшалъ за это! Выдумали діету лѣчить голодомъ! Что у нихъ нѣмецкая жидкостная натура, такъ они воображаютъ, что и съ русскимъ желудкомъ сладятъ. Нѣтъ это все не то... Толкуютъ просвѣщеніе, а это просвѣщеніе — фукъ! У меня не такъ. У меня, когда свинина— всю свинью давай на столъ, баранина— всего барана тащи, гусь— всего гуся. Лучше я съѣмъ двухъ блюдъ, да съѣмъ въ мѣру, какъ душа требуетъ“. Алчность—его главная характерная черта; она проявляется не только въ ѣдѣ, но и въ дѣловыхъ сношеніяхъ съ людьми. Грубый въ обращеніи, Собакевичъ обо всѣхъ людяхъ отзывается дурно, называетъ всѣхъ ворами, мошенниками и подлецами. Съ другой стороны, Собакевичъ хозяинъ-кулакъ. Онъ не

разожметя, въ какія бы обстоятельства ни поставила его судьба. Онъ не теряется даже при встрѣчѣ съ такимъ новымъ товаромъ, каковы мертвыя души. Онъ и изъ нихъ умѣетъ извлечь возможно большую для себя прибыль, да еще удачно записываетъ бабу—Елизавету въ число мужиковъ. Онъ умѣетъ уважать свое родное. „Что же вы не спросите, -- говоритъ въ Палатѣ Собакевичъ предсѣдателю — какое приобрѣтеніе они (Чичиковъ) сдѣлали? Вѣдь какой народъ! Просто золото! Вѣдь я имъ продалъ и каретника Михѣева“. А когда предсѣдатель похвалилъ искусство каретника и спросилъ: „Позвольте... какъ же? Вѣдь вы мнѣ сказывали, что онъ умеръ?“ Собакевичъ отвѣтилъ безъ малѣйшаго замѣшательства: „Кто, Михѣевъ умеръ? Это братъ его умеръ, а онъ преживехонькій и здоровѣе прежняго“. Наконецъ, Собакевичъ отличный хозяинъ: имѣніе его въ прекрасномъ состояніи, домъ — полная чаша, вся обстановка, не щеголяя красотой и изяществомъ, отличается простотой, прочностью и солидностью; крестьяне также живутъ хорошо, такъ какъ Собакевичъ понимаетъ, что его собственное благосостояніе прямо зависитъ отъ благосостоянія крестьянъ.

Плюшкинъ—олицетвореніе скупости во всемъ ея безобразіи. Съ первыхъ же словъ Плюшкина мы убѣждаемся въ его страшной скупости. Боязнь, что гость попроситъ взаймы или даже только поѣсть, заставила его быть невѣжливымъ, лгать и притворяться бѣднякомъ. Войдемъ въ комнату Плюшкина и посмотримъ, что въ ней находится: „Какая-то старинная книга, лимонъ весь высохшій, отломанная ручка отъ кресель, рюмка съ какой-то жидкостью и тремя мухами, кусочекъ сургучика, кусочекъ гдѣ-то поднятой тряпки, два пера, запачканныя чернилами, зубочистка, кусокъ деревянной лопаты, старая подошва, сапоги и т. п.“ Все это собиралъ самъ хозяинъ, бродя по улицамъ своей деревни, по своему огромному дому, и складывалъ въ кучу, которая ежедневно увеличивалась. „Вонъ уже рыболовъ пошелъ на охоту“, говорили его крестьяне, видя, что онъ идетъ по деревнѣ. Зачѣмъ же ему весь этотъ хламъ, чѣмъ объяснить такую мелочность? Гоголь даетъ намъ подробный отвѣтъ на эти вопросы. Когда-то Плюшкинъ былъ примѣрнымъ хозяиномъ, къ которому сосѣди ѣздили учиться: онъ

былъ экономенъ и бережливъ, но домъ его былъ полная чаша. Это было, когда Плюшкина окружала семья: у него были жена, дѣти. Но вслѣдствіе цѣлаго ряда несчастныхъ случайностей онъ остался одинокимъ; тогда-то и стала развиваться въ немъ скупость. Развивалась она постепенно, шагъ за шагомъ, пока не завладѣла имъ совершенно, не заглушила въ немъ всѣхъ человѣческихъ чувствъ. Ужасная страсть весьма сильно охватила Плюшкина. Онъ собиралъ все, что попадалось подъ руку, собиралъ безмысленно, дѣлая огромныя упущенія въ хозяйствѣ, не понимая, что онъ не богатѣетъ, а бѣднѣетъ съ каждымъ днемъ. Въ его амбарахъ гнили и портились всевозможныя сельскія произведенія, всевозможные запасы. Самъ Плюшкинъ уже забылъ, сколько у него чего было, онъ помнилъ только, „въ какомъ мѣстѣ стоялъ у него въ шкафу графинчикъ съ остаткомъ какой-нибудь настойки, на которомъ онъ самъ дѣлалъ помѣтку, чтобы никто воровскимъ образомъ ее не выпилъ, да гдѣ лежало перышко или сургучикъ“. Чтобы увеличить чѣмъ-нибудь свою кучу, Плюшкинъ готовъ былъ на все; онъ даже воровалъ у своихъ собственныхъ крестьянъ, которые нерѣдко ловили и избличали его. Онъ пугаетъ свою ключницу Страшнымъ Судомъ, изъ-за четвертки бумаги, приказывая принести огоньку, онъ не позволяетъ зажечь свѣчки, а требуетъ лучинки; крошки отъ покрытаго плѣсенью сухаря онъ велитъ отнести въ курятникъ, онъ съ грустью смотритъ на бѣлыя мѣста бумаги между строками письма, сожалья, что не можетъ писать еще тѣснѣе; словомъ, на каждомъ шагу онъ проявляетъ такую скардность и мелочность, что, глядя на него, становится смѣшно и вмѣстѣ съ тѣмъ противно. Противно смотрѣть и на его фигуру, на его лицо съ небритымъ, выдвинувшимся впередъ подбородкомъ, на его халатъ, „рукава и верхнія полы котораго до того заслонились, что походили на юфть, какая идетъ на сапоги, назади котораго вмѣсто двухъ болтались четыре полы и охлопьями лѣзла хлопчатая бумага“; противно смотрѣть на тряпку, повязанную у него на шеѣ, которая была „на чулокъ, на подвязку или на набрюшникъ, но никакъ не на галстукъ похожа“; противно сидѣть въ его комнатѣ, гдѣ ни до чего нельзя дотронуться безъ того, чтобы рука не покрылась густымъ слоемъ пыли. И такъ, хозяйственныя

заботы были исходной точкой скупости Плюшкина, связанной со скаредностью и мелочностью. Дѣтямъ своимъ Плюшкинъ ничего не даетъ, хотя знаетъ объ ихъ нуждѣ; по отношенію же къ зависящимъ отъ него лицамъ онъ является тираномъ. Плюшкинъ не даетъ жить своимъ крестьянамъ и изъ зажиточныхъ хозяевъ превратилъ ихъ почти въ нищихъ, такъ что Собакевичъ справедливо замѣтилъ, что это „такой скряга, какого вообразить трудно; въ тюрьмѣ колодники лучше живутъ, чѣмъ онъ; всѣхъ людей переморилъ голодомъ“. Онъ не совѣстился итти на кухню къ своей дворнѣ и ѣсть, подъ видомъ пробы, ея и безъ того скудную пищу, чтобы только не варить себѣ обѣда. Естественнымъ результатомъ скупости и скаредности всегда является подозрительность. Дѣйствительно, Плюшкинъ подозрителенъ въ высшей степени: у него всѣ—воры, которые только о томъ и думаютъ, какъ бы украсть что-нибудь изъ его сокровищъ. Онъ не довѣряетъ Прошкѣ, бранитъ ключницу, обвиняя ее въ кражѣ клочка бумаги; онъ обходитъ постоянно свои амбары и кладовыя. Даже на Чичикова онъ смотритъ подозрительно и не вѣритъ его великодушію до послѣдней минуты. Но у Плюшкина бывали проблески добрыхъ чувствъ. Когда „заплатанный“ вспомнилъ о прежнемъ другѣ своемъ—предсѣдателѣ, на его „деревянномъ лицѣ вдругъ скользнулъ какой-то теплый лучъ, выразилось — не чувство, а какое-то блѣдное отраженіе чувства... (но скоро) лицо Плюшкина, вслѣдъ за мгновенно скользнувшимъ на немъ чувствомъ, стало еще безчувственнѣе и еще пошлѣе“. Не чуждо Плюшкину и чувство благодарности: онъ предлагаетъ Чичикову выпить ликеру, хочетъ напоить его чаемъ. Впрочемъ, всѣ эти предложенія дѣлаются въ такой каррикатурной формѣ, съ такими оговорками, что старый скряга можетъ быть почти увѣренъ въ отказѣ Чичикова. Плюшкинъ думаетъ даже подарить ему часы, но скупость всетаки одерживаетъ верхъ, и онъ приходитъ къ комичному рѣшенію оставить эти часы Чичикову въ наслѣдство. Вообще каждое движеніе, каждое слово Плюшкина до того комично, что не можетъ не возбуждать смѣха, смѣшаннаго съ презрѣніемъ и гадливостью. Создавъ типъ Плюшкина, Гоголь показалъ, „до какой ничтожности, мелочности, гадости можетъ дойти человѣкъ подъ вліяніемъ скупости“, какъ онъ

можетъ совсѣмъ утратить образъ и подобіе Божіе, можетъ превратиться въ животное. Гоголь изобразилъ передъ нами одинъ моментъ изъ жизни такого человѣка, но онъ объяснилъ также, какъ развился такой типъ, доказалъ, что Плюшкинъ падетъ со временемъ еще ниже; бессмысленная скупость и жадность станутъ единственными проявленіями его психической жизни; къ остальному онъ станетъ совершенно глухимъ.

Губернскій городъ N.

Кромѣ помѣщичьихъ типовъ, въ I-омъ томѣ поэмы „Мертвыя души“ есть еще одно собирательное лицо: губернскій городъ N. Поэтъ не останавливается на характеристикѣ отдѣльныхъ городскихъ обывателей-чиновниковъ, но каждого изъ нихъ обрисовываетъ лишь нѣсколькими чертами: губернаторъ—добродушный человѣкъ, даже вышивавшій иногда по тюлю; полицеймейстеръ, „отецъ и благодѣтель, который навѣдывается въ купеческія лавки и въ гостиный дворъ, какъ въ свои кладовыя, но который очень хорошо умѣлъ ладить съ кушцами, такъ что они говорили: „Хоть онъ и возьметъ, но за то ужъ тебя никакъ не выдастъ“; почтмейстеръ, губернскій острякъ и философъ, читавшій Юнговы „Ночи“ и „Ключъ къ таинствамъ природы“ Экартгаузена; прокуроръ, предсѣдатель палаты и другіе чиновники, которые всѣ раздѣляются Гоголемъ на „толстыхъ“ и „тоненькихъ“. Гоголь показываетъ ихъ и во время служебныхъ занятій (при описаніи засѣданія судебной палаты) и въ часы развлеченій (балъ у губернатора, обѣдъ у полицеймейстера), и въ трудныя минуты жизни, напримѣръ, при совѣщаніи относительно Чичикова и мертвыхъ душъ. Халатное отношеніе къ исполненію обязанностей службы вмѣстѣ со страхомъ къ высшему начальству, незаконныя поборы ради удовлетворенія прихотей женъ, добродушіе и гостепріимство, соединенныя съ замѣчательнѣйшею наивно-стью—вотъ тѣ черты, которыми характеризуется современное автору провинціальное чиновничество. Всѣ чиновники обращаются съ Чичиковымъ, какъ съ дорогимъ близкимъ родственникомъ, называютъ его ласкательными именами,

угощаютъ его. Расположеніе ихъ къ этому человѣку еще болѣе увеличивается, когда они узнаютъ, что дорогой ихъ Павелъ Ивановичъ не болѣе, не менѣе, какъ миллионеръ. Но какъ только пошли темные слухи о Чичиковѣ, тѣ же чиновники сразу охладѣваютъ къ прежнему любимцу: рукопожатія и лобызанія смѣняются холоднымъ обращеніемъ и даже отказомъ въ приѣмъ. При толкахъ о „мертвыхъ душахъ“ чиновники приходятъ въ волненіе, такъ какъ у нихъ, повидимому, совѣсть не очень чиста, и они опасаются, какъ бы толки эти не вызвали вмѣшательства высшаго начальства, при чемъ могутъ открыться разныя непріятныя для нихъ обстоятельства: прокуроръ, на обязанности котораго лежало слѣдить за разными злоупотребленіями, даже умираетъ отъ испытаннаго волненія. Никакихъ живыхъ умственныхъ интересовъ нѣтъ у изображеннаго Гоголемъ общества: оно занимается сплетнями и пересудами, которыми съ особенной охотой занимаются дамы, на ряду съ модами и нарядами. Главное развлеченіе общества составляютъ обѣды и карты. Низшее чиновничество (палатскіе служащіе, какъ Иванъ Антоновичъ „кувшинное рыло“) отличается отъ высшаго лишь большей внѣшней грубостью; взятки и мелкія злоупотребленія среди нихъ вещь самая обыкновенная. Въ общемъ картина губернской жизни получается очень безотрадная, благодаря царящей пошлости, невѣжеству, отсутствію чувства долга и законности.

Весьма рѣзко изображены также Гоголемъ типы провинціальныхъ женщинъ. Любовь и увлеченіе свѣтскими приличіями доходятъ у нихъ до смѣшного: визиты онѣ считаютъ священной вещью и изъ-за ихъ манкировки ссорятся такъ, что на всю жизнь дѣлаются непримиримыми врагами. Ихъ разговоръ отличается всегда глупою чопорностью: „Онѣ никогда не говорили: я высморкалась, я вспотѣла, я плюнула, а говорили: я облегчила себѣ носъ, я обошлась посредствомъ платка“. Сплетничество, доведенное до совершенства, балы и вечеринки, любовныя интрижки, вѣчные толки и разговоры о выкройкахъ, да о модныхъ нарядахъ—вотъ чѣмъ разнообразится жизнь этихъ милыхъ, но въ сущности ничтожныхъ — существъ. Пустота такой жизни, само собой разумѣется, объясняется ненормальностью воспитанія, какое получала тогдашняя женщина. Вотъ какъ

Гоголь описываетъ комическія стороны этого воспитанія: „Манилова воспитана хорошо, а хорошее воспитаніе, какъ извѣстно, получается въ пансіонахъ, а въ пансіонахъ, какъ извѣстно, три главные предмета составляютъ основу человѣческихъ добродѣтелей: французскій языкъ, необходимый для счастья семейной жизни, фортепяно для доставленія пріятныхъ минутъ супругу, и, наконецъ, собственно хозяйственная часть: вязаніе кошельковъ и сюрпризовъ. Впрочемъ, бываютъ разныя усовершенствованія и измѣненія въ методахъ, особенно въ нынѣшнее время: все это болѣе зависитъ отъ благоразумія и способностей самихъ содержательницъ пансіона. Въ другихъ пансіонахъ бываетъ такимъ образомъ, что прежде фортепяно, потомъ французскій языкъ, а тамъ ужъ хозяйственная часть. А иногда бываетъ и такъ, что прежде хозяйственная часть, т. е., вязаніе сюрпризовъ, потомъ французскій языкъ, а тамъ ужъ фортепяно. Разные бываютъ методы“.

Лирическія отступленія.

Разсказъ перваго тома данной поэмы во многихъ мѣстахъ прерывается лирическими отступленіями, въ которыхъ мы знакомимся съ мыслями и впечатлѣніями Гоголя, съ его отношеніемъ къ тому, что имъ изображено въ его произведеніи. Въ началѣ §VI-ой главы Гоголь вспоминаетъ свои юные годы, когда его рѣшительно все привлекало, и онъ старался вникать во все имъ видѣнное, безразлично, былъ ли данный предметъ неодушевленный, или онъ видѣлъ людей различныхъ сословій и классовъ. Въ то время поэтъ невольно задумывался надъ каждымъ отдѣльнымъ предметомъ или явленіемъ и старался давать себѣ отчетъ во всемъ имъ видѣнномъ. Но минула эта счастливая пора. Въ эпоху зрѣлости впечатлѣнія поэта получаютъ иное направленіе: поэтъ начинаетъ равнодушно смотрѣть на всякую незнакомую деревню; его охлажденному взору становится пріятно и несмѣшно. Иные съ извѣстной долей справедливости предполагаютъ, что въ этомъ отступленіи Гоголь намекаетъ на тотъ юморъ, который, являясь характеристическимъ свойствомъ его поэзіи, мѣнялъ свое направленіе

съ развитіемъ таланта. Юношескій юморъ Гоголя былъ проникнутъ веселымъ смѣхомъ, но по той причинѣ, что въ немъ было много неопредѣленнаго. Однако чѣмъ ближе Гоголь сталъ подходить къ фактамъ дѣйствительности и чѣмъ болѣе онъ былъ строгъ къ выбору сюжетовъ, тѣмъ ярче бросалась ему въ глаза ихъ пошлая сторона: юморъ его сталъ глубже вникать въ общественную жизнь, открывать въ ней болѣзненные стороны, которыя должны были возбуждать въ поэтѣ смѣхъ, соединенный съ грустью. Седьмая глава поэмы начинается также большимъ отступленіемъ. Въ немъ Гоголь представляетъ себѣ судьбу комическаго писателя, сравнивая ее съ судьбою писателя-идеалиста, въ произведеніяхъ котораго рисуются положительные стороны жизни. Такой писатель-идеалистъ, рисуя идеалы свѣтлаго и прекраснаго, вращаясь въ мірѣ отторгнутыхъ отъ земли и возвышенныхъ образовъ, пользуется громкой славой. „Счастливъ писатель, который, мимо характеровъ скучныхъ, противныхъ, поражающихъ печальною своею дѣйствительностью, приближается къ характерамъ, являющимъ высокое достоинство человѣка, который изъ великаго омута ежедневно вращающихся образовъ избралъ одни немногія исключенія, который не измѣнялъ ни разу возвышеннаго строя своей лиры, не ниспускался съ вершины своей къ бѣднымъ, ничтожнымъ своимъ собратьямъ и, не касаясь земли, весь повергался въ свои далеко отторгнутые отъ нея и возвышенные образы. Вдвойнѣ завиденъ прекрасный удѣлъ его: онъ среди ихъ, какъ въ родной семьѣ; а между тѣмъ далеко и громко разносится его слава. Онъ окурилъ упоительнымъ куревомъ людскія очи; онъ чудно польстилъ имъ, сокрывъ печальное въ жизни, показавъ имъ прекраснаго человѣка. Все, рукоплеща, несется за нимъ и мчится вслѣдъ за торжественной его колесницей. Великимъ всемірнымъ поэтомъ именуютъ его, парящимъ высоко надъ всѣми другими гениями міра, какъ царить орелъ надъ другими высоколетающими. При одномъ имени его уже объемлются трепетомъ молодыя пылкія сердца; отвѣтныя силы ему блещуть во всѣхъ очахъ... Нѣтъ равнаго ему въ силѣ — онъ Богъ!“

Совершенно противоположна судьба писателя, который изображаетъ въ своихъ произведеніяхъ обыкновенныя мелочи

жизни и обыкновенные характеры: взаимънъ славы и восторга его ждуть презрѣніе и злоба современнаго общества. Со скорбью и печалью авторъ отмѣчаетъ фактъ такъ презрительнаго отношенія къ комическому писателю; въ этомъ онъ ясно видитъ заблужденіе общества, которое не желаетъ понять, что равно чудны стекла, озирающія солнце и передающія движеніе незамѣченныхъ насѣкомыхъ, и что много нужно душевной глубины съ цѣлью освѣтить картину, взятую изъ презрѣнной жизни, и возвести ее въ перлъ созданія. Приводимъ это мѣсто изъ поэмы: „Но не таковъ удѣлъ, и другая судьба писателя, дерзнувшаго вызвать наружу все, что ежеминутно предъ очами, и чего не зрять равнодушныя очи,—всю страшную, потрясающую ^{Тину} мелочей, опутавшихъ нашу жизнь, всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ, повседневныхъ характеровъ, которыми кипитъ наша земная, подчасъ горькая и скучная дорога, и крѣпкою силою неумолимаго рѣзца, дерзнувшаго выставить ихъ выпукло и ярко на всенародныя очи! Ему не собрать народныхъ рукоплесканій, ему не зрѣтъ признательныхъ слезъ и единоплеменнаго восторга взволнованныхъ имъ душъ; къ нему не полетитъ навстрѣчу шестнадцатилѣтняя дѣвушка съ закружившеюся головою и геройскимъ увлеченіемъ; ему не позабыться въ сладкомъ обаяніи имъ же исторгнутыхъ звуковъ; ему не избѣжать, наконецъ, отъ современнаго суда, лицомърно — безчувственнаго современнаго суда, который назоветъ ничтожными и низкими имъ лелѣянныя созданья, отведетъ ему презрѣнный уголъ въ ряду писателей, оскорбляющихъ человѣчество, придаетъ ему качества имъ же изображенныхъ героевъ, отниметъ отъ него и сердце, и душу, и божественное пламя таланта: ибо не признаетъ современный судъ, что равно чудны стекла, озирающія солнца и передающія движенія незамѣченныхъ насѣкомыхъ; ибо не признаетъ современный судъ, что много нужно глубины душевной, дабы озарить картину, взятую изъ презрѣнной жизни, и возвести ее въ перлъ созданья; ибо не признаетъ современный судъ, что высокій восторженный смѣхъ достоинъ стать рядомъ съ высокимъ лирическимъ движеніемъ, и что цѣлая пропасть между нимъ и кривляньемъ балаганнаго скomorоха! Не признаетъ сего современный судъ, и все обратитъ въ упрекъ и поношеніе

непризанному писателю: безъ раздѣленья, безъ отвѣта, безъ участья, какъ безсемейный путникъ, останется онъ одинъ посреди дороги. Сурово его поприще, и горько почувствуетъ онъ свое одиночество“. Весьма замѣчательны, какъ по идеѣ, такъ и по силѣ и глубинѣ чувства, тѣ лирическія отступленія, которыми заканчивается поэма. Обращаясь къ Руси, Гоголь въ общихъ чертахъ представляетъ ея природу въ сравненіи съ природою чужихъ странъ. Природа Россіи, по его словамъ, отличается бѣдностью; нѣтъ въ ней ни шумящихъ водопадовъ, ни сіяющихъ горъ, несущихся въ серебряныя, ясныя небеса: это огромная, безпредѣльная, пустынная равнина, въ которой нѣтъ ничего, чтобы могло обольстить и очаровать вашъ взоръ. Однако и это скудная природа влечетъ къ себѣ поэта, онъ чувствуетъ какую-то непостижимую связь съ нею; ему нравится народная пѣсня, хотя заунывно тоскливые звуки ея и болѣзненно лобзаютъ и стремятся въ ея душу. Описавъ высокопоэтическими словами любовь русскаго человѣка къ быстрой ѣздѣ, Гоголь подъ видомъ быстро несущейся тройки аллегорически изображаетъ нравственную мощь русскаго народа. „И какой же русскій не любитъ быстрой ѣзды? Его ли душѣ, стремящейся закружиться, загуляться, сказать иногда: „Чортъ побери все!“ — его ли душѣ не любить ея? Ея ли не любить, когда въ ней слышится что-то восторженно чудное? Кажись, невѣдомая сила подхватила тебя на крыльцо къ себѣ, и самъ летишь, и все летитъ: летятъ версты, летятъ навстрѣчу купцы на облучкахъ своихъ кибитокъ, летитъ съ обѣихъ сторонъ лѣсъ съ темными строями елей и сосенъ, съ топорнымъ стукомъ и вороннымъ крикомъ; летитъ вся дорога ни вѣсть куда въ пропадающую даль, и что-то страшное заключено въ семъ быстромъ мельканьѣ, гдѣ не успѣваетъ означиться пропадающій предметъ, только небо надъ головою да легкія тучи, да продирающійся мѣсяцъ—одни кажутся недвижимы. Эхъ, тройка, птица—тройка! кто тебя выдумалъ? Знать, у бойкаго народа ты могла только родиться—въ той землѣ, что не любитъ шутить, а ровнемъ—гладнемъ разметнулась на полсвѣта, да и ступай считать версты, пока не зарябитъ тебѣ въ очи. И не хитрый, кажись, дорожный снарядъ, не желѣзнымъ схваченъ винтомъ, а наскоро схваченъ живьемъ,

съ однимъ топоромъ да долотомъ, снарядилъ и собралъ тебя ярославскій расторопный мужикъ. Не въ нѣмецкихъ ботфортахъ ямщикъ: борода да рукавицы, и сидитъ, чертъ знаетъ, на чемъ; а привсталъ, да замахнулся, да затянулъ пѣсню — кони вихремъ, спицы въ колесахъ смѣшались въ одинъ гладкій кругъ, только дрогнула дорога, да вскрикнулъ въ испугъ остановившійся пѣшеходъ—и вонъ она понеслась, понеслась, понеслась!... И вонъ уже видно вдали, какъ что-то пылеть и сверлить воздухъ. Не такъ ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка, несешься? Дымомъ дымитъ подъ тобою дорога, гремятъ мосты, все отстаетъ и остается позади! Остановился пораженный Божимъ чудомъ созерцатель: не молнія ли это, сброшенная съ неба? Что значить это наводящее ужасъ движеніе? И что за невѣдомая сила заключена въ сихъ невѣдомыхъ свѣтомъ коняхъ? Эхъ, кони, кони, — что за кони! Вихри ли сидятъ въ вашихъ гривахъ? Чуткое ли ухо горитъ во всякой вашей жилкѣ? Заслышали съ вышины знакомую пѣсню — дружно и разомъ напрягли мѣдныя груди и, почти не тронувъ копытами земли, превратились въ однѣ вытянутыя линіи, летяція по воздуху, и мчится, вся вдохновенная Богомъ!... Русь, куда жъ несешься ты? дай отвѣтъ. Не даетъ отвѣта. Чуднымъ звономъ заливается колокольчикъ; гремитъ и становится вѣтромъ разорванный въ куски воздухъ; летитъ мимо все, что ни есть на землѣ, и каюсъ посторониваются и даютъ ей дорогу другіе народы и государства. Такимъ образомъ, несмотря на отрицательное изображеніе русской дѣйствительности, зависѣвшее, между прочимъ, и отъ свойства таланта, Гоголь, какъ истинный патріотъ, глубоко любилъ Россію и русскій народъ, вѣруя въ его силу и будущее призваніе.

Содержаніе II-го тома.

Глава I-ая. Гоголь описываетъ богатое имѣніе помѣщика холостяка Тентетникова, о которомъ сосѣди давали далеко нелестные отзывы. Самъ поэтъ называетъ этого помѣщика коптителемъ неба. Затѣмъ описывается ежедневное времяпровожденіе Тентетникова. Приблизительно часа два

протираля онъ глаза, пока подымался съ постели, и столько же времени просиживалъ за чаемъ. Въ теченіе этого времени слуги и дворовые ребяташки спорили и кричали, а баринъ не придавалъ этому никакого значенія. До обѣда Тентетниковъ просиживалъ въ своемъ кабинетѣ и думалъ надъ какимъ-то серіознымъ сочиненіемъ. Такъ проводилъ онъ время одинъ „сидень сиднемъ въ халатѣ и безъ галстука“. Послѣ этого авторъ описываетъ воспитаніе его. На двѣнадцатомъ году мальчикъ поступилъ въ учебное заведеніе, которымъ руководилъ опытный и прекрасный воспитатель, уважаемый и любимый своими питомцами. Но какъ только этотъ замѣчательный наставникъ умеръ, въ учебномъ заведеніи все перемѣнилось. Новый наставникъ совсѣмъ не былъ похожъ на стараго, и отношенія къ нему воспитанниковъ стали иныя. Между тѣмъ самъ Тентетниковъ питалъ надежду поступить на службу. Съ этой цѣлью онъ ѣдетъ въ Петербургъ, гдѣ по протекціи дяди онъ попадаетъ въ какой-то департаментъ. Понемногу Тентетниковъ свыкнулся съ службой, но она не оказалась для него главною цѣлью, а чѣмъ-то вторымъ. На службѣ Тентетниковъ не могъ вполне ужиться съ начальникомъ одного отдѣленія Лѣницинымъ. Тогда Тентетникову было предложено или просить извиненія, или подать въ отставку, и онъ предпочелъ послѣднее. Этотъ фактъ сильно встревожилъ дядю Тентетникова, который настоятельно требовалъ отъ племянника согласиться на извиненіе и остаться на службѣ. Хотя Тентетникову было не трудно попросить извиненія, но онъ этого не сдѣлалъ по той причинѣ, что онъ имѣлъ въ виду другую службу: онъ хотѣлъ уѣхать въ деревню, гдѣ у него было 300 душъ, и которая очутилась въ разстроенномъ состояніи. Вмѣстѣ съ этимъ Тентетниковъ былъ твердо убѣжденъ, что, если онъ позаботится объ улучшеніи состоянія своего имѣнія и быта крѣпостныхъ, то этимъ онъ принесетъ не меньшую пользу отечеству, чѣмъ будетъ служить въ департаментѣ. Дѣйствительно, Тентетниковъ вернулся въ имѣніе и серіозно занялся сельскимъ хозяйствомъ. Какъ помѣщикъ, Тентетниковъ оказался очень добрымъ для своихъ крестьянъ, но послѣдніе злоупотребляли его доброю. Труднѣе пришлось бороться съ крестьянками, которыя во многомъ оказались хуже своихъ мужей.

Въ имѣніи Тентетниковъ старался заводить знакомство съ сосѣдями, но и это ему надобно. Въ концѣ концовъ онъ познакомился съ сосѣдомъ генераломъ, у котораго была дочь Улинька. Генераль принималъ весьма радушно Тентетникова. Вскорѣ къ генералу пріѣхали двѣ родственницы, и Тентетниковъ замѣтилъ, что съ этого времени генераль сталъ относиться къ нему холодно и даже разъ сказаль ему ты. Изъ-за этого слова ихъ знакомство прекратилось. Съ тѣхъ поръ Тентетниковъ проводилъ время въ лежанѣ и бездѣйствіи и въ полномъ уединеніи. Однажды къ Тентетникову пріѣхаль Чичиковъ. Послѣднему очень понравилась эта уединенная жизнь, и онъ рѣшилъ тутъ нѣсколько отдохнуть. Въ продолженіе своего пребыванія въ имѣніи Чичиковъ успѣлъ все замѣчать и со всѣми побесѣдовать и пришелъ къ заключенію, что незавидно идетъ хозяйство у Тентетникова. Чичиковъ уже предполагаль, какъ хорошо было бы ему сдѣлаться мирнымъ владѣльцемъ подобнаго помѣстья. Изъ разговоровъ съ дворовыми людьми Чичиковъ узналь, что Тентетниковъ раньше ѣздилъ къ сосѣду генералу, что тамъ есть барышня, и что Тентетниковъ не поладилъ съ генераломъ. Разъ во время обѣда Чичиковъ замѣтилъ Тентетникову, что у него все хорошо, но что недостаетъ хозяйки дома, а впослѣдствіи неоднократно намекаль ему о томъ же. Сначала Тентетниковъ не даваль на это никакого отвѣта, но потомъ подробно разсказаль Чичикову всю исторію его знакомства съ генераломъ и причину разрыва. Тогда Чичиковъ старался убѣждать Тентетникова, что слово ты вовсе не оскорбленіе, и что онъ лично готовъ ѣхать къ генералу съ цѣлю помирить ихъ и возстановить прежнее знакомство, но Тентетниковъ не соглашается. Послѣ этого Чичиковъ самъ выражаетъ желаніе посѣтить генерала и на слѣдующій день уѣзжаетъ.

Глава II-ая. Черезъ полчаса Чичиковъ прибыль въ богатое имѣніе генерала Бетрищева. Тамъ Чичиковъ просилъ доложить о себѣ генералу, въ кабинетъ котораго его ввели, спустя нѣкоторое время. Тутъ Чичиковъ выразился, что онъ пріѣхаль съ намѣреніемъ познакомиться. На вопросъ генерала, гдѣ Чичиковъ служилъ, послѣдній отвѣчаетъ, что началъ службу въ казенной палатѣ, а затѣмъ служилъ въ разныхъ другихъ учрежденіяхъ; въ настоящее время онъ

ищетъ уголокъ, гдѣ бы провести остатокъ дней, а тѣмъ временемъ остановился у сосѣда его превосходительства помѣщика Тентетникова. Изъ ихъ разговора оказывается, что генераль относился къ Тентетникову съ нѣкоторымъ расположеніемъ. Когда же Чичиковъ передалъ генералу, что Тентетниковъ пишетъ брошюры о генералахъ, участвовавшихъ въ 12-мъ году, то генераль отвѣтилъ, что онъ, съ своей стороны, могъ бы собрать для Тентетникова много интересныхъ и любопытныхъ свѣдѣній. Но услышавъ, что Тентетниковъ робѣетъ, вслѣдствіе чего не желаетъ пріѣхать, генераль самъ выражаетъ готовность посѣтить Тентетникова. Вскорѣ Чичиковъ прибавилъ, что Тентетниковъ не допустить до этого и, по всей вѣроятности, самъ пріѣдетъ къ генералу. Между тѣмъ въ кабинетѣ послышался шорохъ. Дверь отворилась, и въ кабинетъ вошла красавица дочь генерала. Генераль представилъ ее Чичикову и передаетъ своей дочери, что Тентетниковъ, по словамъ Чичикова, вовсе не глупый человѣкъ. Поговоривъ немного съ дочерью, съ которой отецъ любезно спорилъ, генераль обѣщала ей вскорѣ прибыть на обѣдъ, на который онъ пригласилъ и Чичикова. Между тѣмъ какъ генераль былъ занятъ своимъ туалетомъ, Чичиковъ сообщаетъ генералу слѣдующее: У Чичикова есть дядя старикъ, у котораго имѣется до трехсотъ душъ, и, кромѣ Чичикова, у старика нѣтъ никакихъ наслѣдниковъ. Дядя, по словамъ Чичикова, не желаетъ ему передать имѣніе изъ опасенія, что онъ мотъ, но дядя обѣщаетъ отдать ему все, если онъ докажетъ, что онъ честный человѣкъ, а именно, если у него окажется своихъ 300 душъ. При этомъ Чичиковъ прибавилъ, что положеніе его незавидное, такъ какъ у дяди есть ключница, у которой имѣются дѣти. Вотъ онъ опасается, чтобы дѣти ключницы не завладѣли всѣмъ добромъ. На эти слова генераль отвѣтилъ Чичикову, что онъ не знаетъ, чѣмъ онъ можетъ ему помочь. Въ такомъ случаѣ Чичиковъ проситъ генерала передать ему всѣ мертвыя души съ совершеніемъ купчей крѣпости. Если Чичиковъ представитъ своему дядѣ эту купчую крѣпость, то старикъ отдастъ ему все наслѣдство. Услышавъ эти слова, генераль такъ разсмѣялся, что весь домъ встревожился, и въ кабинетъ даже воѣжала дочь, которую генераль понемногу успокоиваетъ. Эта выдумка такъ понравилась гене-

ралу, что послѣдній съ удовольствіемъ отдастъ ему мерт-
вья души съ землей и при этомъ смѣется: „Въ какихъ ду-
ракахъ будетъ дядя!“

Глава III-ья. Сидя въ коляскѣ, Чичиковъ спрашиваетъ
кучера Селифана, освѣдомился ли онъ, какой дорогой нужно
ѣхать къ полковнику Кошкарову, но Селифанъ отнѣкивается,
говоря, что „хлопоталь около коляски.“ По указанію слуги
Петрушки они добрались до озера, гдѣ человѣкъ двадцать
тянули неводъ. Тутъ произошло слѣдующее: вмѣстѣ съ ры-
бой запутался „человѣкъ, точный арбузь, или боченокъ.“
Селифанъ принялъ этого человѣка за полковника Кошкарева
на томъ основаніи, что лицо его болѣе, чѣмъ у прочихъ.
Барина этого, запутаннаго въ сѣти, притянули значительно
къ берегу. Ставъ на ноги и замѣтивъ коляску и сидящаго
въ ней Чичикова, баринъ спрашиваетъ Чичикова, обѣдалъ
ли онъ уже. Между тѣмъ Чичиковъ вѣзжаетъ въ барскій
домъ. Вскорѣ прибылъ также баринъ. Когда незнакомцы
любезно поздоровались, то Чичиковъ говоритъ, что онъ при-
везъ барину поклонъ отъ генерала Бетрищева. Баринъ воз-
разилъ, что онъ не знаетъ такого генерала. Оказывается,
что Чичиковъ пріѣхалъ не къ полковнику Кошкареву, но къ
Петру Петровичу Пѣтуху. Между тѣмъ Пѣтухъ пригла-
шаетъ Чичикова на обѣдъ, вводитъ гостя во внутреннія ком-
наты, гдѣ Чичиковъ знакомится съ гимназистами Никола-
шей и Алексашей, сыновьями Пѣтухами. Николаша пере-
даетъ Чичикову, что онъ съ братомъ намѣренъ уѣхать въ
Петербургъ, такъ какъ жизнь въ деревнѣ имъ обоимъ не по
душѣ. Между прочимъ, Чичиковъ узнаетъ, что имѣніе Пѣ-
туха заложено, а самъ Пѣтухъ большую часть времени про-
водилъ въ ѣдѣ. Тутъ же Чичиковъ познакомился съ Пла-
тоновымъ, котораго онъ приглашаетъ ѣхать съ собой, но
Пѣтухъ не отпускаетъ гостей и вечеромъ устроилъ гулянье
на рѣкѣ. На другой день Чичиковъ и Платоновъ уѣзжаютъ;
на дорогѣ Платоновъ проситъ Чичикова заѣхать къ своему
зятю Констанжоглу. Прибывъ въ господскій домъ, Чичи-
ковъ познакомился съ новымъ семействомъ и сообщилъ, что
онъ ѣдетъ по порученію генерала Бетрищева, который про-
силъ его навѣщать родственниковъ, а тѣмъ временемъ онъ
посѣщаетъ разныя окрестности. Отъ Констанжогла Чичи-
ковъ узнаетъ, что сумасшедшій полковникъ Кошкаревъ

живетъ. Констанжогло предоставляет Чичикову „готовыя пролетки“ и проситъ его вернуться къ чаю. Чичиковъ прибылъ въ имѣніе Кошкарева. Принявъ гостя весьма любезно, Кошкаревъ сообщаетъ Чичикову, сколько трудовъ ему стоило, пока онъ привелъ имѣніе въ надлежащее состояніе. Только на бабъ полковникъ никакъ не могъ оказать свое вліяніе: онъ никоимъ образомъ не могъ заставить ихъ носить корсетъ. Чичиковъ обращается къ помѣщику съ просьбой продать ему мертвыя души. Полковникъ объявляетъ Чичикову, чтобы онъ изложилъ ему свою просьбу письменно, а просьба должна пройти черезъ различныя учрежденія его деревни, пока она поступитъ къ нему лично на разсмотрѣніе. Но Чичиковъ убѣждаетъ полковника, говоря, что вѣдь души мертвыя, однако полковникъ настаиваетъ на своемъ. Видя, что онъ имѣетъ дѣло съ человѣкомъ своеобразнаго характера, Чичиковъ уже намѣренъ уѣхать, но полковникъ задерживаетъ Чичикова, говоря, что тутъ затронуто его честолюбіе, и что онъ самъ намѣренъ Чичикову доказать, что значить „органическое правильное устройство хозяйства.“ Однако Чичиковъ постарался какъ можно скорѣе оставить этого помѣщика организатора и вечеромъ возвращается къ Констанжоглу. Послѣднему Чичиковъ сообщаетъ, что полковникъ Кошкаревъ—прямо дуракъ. Но Констанжогло прибавляетъ, что Кошкаревъ—еще явленіе утѣшительное, и при этомъ характеризуетъ другихъ помѣщиковъ. Изъ дальнѣйшихъ разговоровъ Констанжогла и Чичикова видно, что за человѣкъ самъ Констанжогло. Послѣдній выражается, что онъ сбѣдовъ не даетъ, но всякаго пріѣзжаго готовъ радушно принять; денегъ займы онъ не даетъ; однако, если нуждающійся расскажетъ, какъ онъ употребитъ эти деньги, то онъ даетъ и безъ процентовъ, разъ убѣдится, что деньги могутъ принести прибыль одалживающему. Затѣмъ Констанжогло утверждаетъ, что въ деревнѣ далеко не скучно, нужно только полюбить трудъ. Однимъ словомъ, сладкія рѣчи Констанжогла понравились Чичикову, который открыто заявляетъ, что ему не пришлось встрѣтить во всей Россіи человѣка, подобнаго ему по уму. Тогда Констанжогло добавляетъ, что, если есть умный человѣкъ, то это не кто иной, какъ откупщикъ Муразовъ, который богатѣетъ медленно. По мнѣнію Констанжогла, тотъ можетъ разбога-

тѣтъ, кто начинаетъ свое предпріятіе съ копѣйки. Вскорѣ всѣ заснули, кромѣ Чичикова, который сталъ обдумывать, какъ бы сдѣлаться помѣщикомъ не фантастическаго, но существующаго имѣнія. Его занималъ проектъ купить имѣніе Хлобуева. Въ самомъ дѣлѣ, десять тысячъ у него было, а пятнадцать тысячъ, надѣялся онъ, дастъ ему займы Констанжогло. Съ этими мыслями Чичиковъ заснулъ богатырскимъ сномъ.

Глава IV-ая. На слѣдующій день Констанжогло одолжилъ Чичикову десять тысячъ безъ процентовъ просто подъ росписку и даже самъ сопровождалъ Чичикова къ Хлобуеву, чтобы вмѣстѣ осмотрѣть имѣніе. Пріѣзду гостей Хлобуевъ весьма обрадовался; прибывшіе прямо приступили къ дѣлу. Констанжогло сообщилъ Хлобуеву, что Чичиковъ намѣренъ купить его имѣніе, послѣ чего всѣ пошли осматривать имѣніе. Хлобуевъ передаетъ, что положеніе его плохое; если онъ даже продастъ имѣніе, то деньги пойдутъ на уплату долговъ, а ему самому останется мало. Между тѣмъ Констанжогло объясняетъ Чичикову, почему имѣніе Хлобуева пришло въ упадокъ, и во всемъ обвиняетъ Хлобуева. Безпорядокъ и запустѣніе имѣнія производятъ крайне непріятное впечатлѣніе на Констанжогло, такъ что онъ уѣзжаетъ и предоставляетъ Чичикову самому покончить дѣло. Осмотрѣвъ имѣніе, Чичиковъ спрашиваетъ, какова будетъ цѣна, причемъ добавилъ, что нашелъ имѣніе въ худшемъ состояніи, нежели предполагалъ. Хлобуевъ попросилъ за имѣніе 35,000, а Чичиковъ предлагалъ 25,000. Наконецъ, Чичиковъ соглашается заплатить 35,000, но съ условіемъ, что половину уплатить черезъ годъ. Имѣніе было куплено, и Хлобуеву уже приходится переѣхать на мѣстожительство въ городъ, гдѣ у него былъ домъ. Такимъ образомъ Чичиковъ очутился настоящимъ владѣльцемъ имѣнія. Какъ Чичиковъ не размышлялъ объ имѣніи, но пришелъ къ заключенію, что покупка была выгодна. Между тѣмъ Чичиковъ и Платоновъ уже возвратились; на концѣ улицы Платоновъ встрѣтилъ своего брата Василю. Платоновъ знакомитъ Чичикова и Василю другъ съ другомъ. Василій приглашаетъ гостей къ себѣ. Между братьями происходитъ разговоръ, изъ котораго видно, что прибывшій изъ Петербурга Лѣвни-

цынъ захватилъ у нихъ пустошь, и Чичиковъ беретъ на себя порученіе быть посредникомъ по дѣлу, возникшему между братьями и Лѣвнинымъ.

Типы II-го тома поэмы.

Въ I-мъ томѣ „Мертвыхъ душъ“ Гоголь ограничился только одними отрицательными явленіями. На этомъ однако Гоголь не хотѣлъ остановиться. Обвиненія, что онъ въ своихъ произведеніяхъ выставляетъ лишь „бѣдность и несовершенство нашей жизни,“ больно задѣвали его. Эти обвиненія были для Гоголя тѣмъ тяжелѣе, что онъ горячо любилъ родину, вѣрилъ въ духовныя силы русскаго народа и потому самъ чувствовалъ односторонность своего изображенія. Въ дальнѣйшемъ теченіи поэмы онъ задумалъ поэтому измѣнить характеръ ея содержанія и вывести положительные русскіе типы, идеальные образы „представить несмѣтное богатство русскаго духа.“ Но эта задача не соотвѣтствовала характеру его дарованія; по природѣ своей, по своему психическому складу Гоголь былъ сатирикомъ-юмористомъ: ему бросались въ глаза прежде всего комическія или отрицательныя явленія; онъ умѣлъ уловлять ихъ даже тамъ, гдѣ другіе ихъ и не замѣчали, и изображать ихъ съ высокимъ мастерствомъ. Но когда Гоголь сдѣлалъ попытку нарисовать идеальные образы, они вышли у него безжизненными и безцвѣтными: слишкомъ ясно въ ихъ изображеніи чувствовалась предвзятая мысль автора, голая идея, не обличенная живою плотью. Къ числу такихъ неудачныхъ образовъ въ сохранившихся отрывкахъ продолженія „Мертвыхъ душъ“ принадлежатъ: помѣщикъ Констанжогло, идеальный хозяинъ, человѣкъ расчетливый и практичный, но умѣющій сочетать свою пользу съ пользою окружающихъ; откупщикъ Муразовъ, умудренный опытомъ старецъ, краснорѣчиво проповѣдующій Чичикову о „благоустройствѣ душевнаго имущества,“ наконецъ, идеальная русская дѣвушка Улинька, которую Гоголь хотѣлъ изобразить какимъ-то ангеломъ во плоти, но которая вышла оттого совершенно безжизненной и неестественной. Гораздо болѣе удачными вышли и здѣсь лица комическія, какъ, Петръ Петровичъ Пѣ-

тухъ, или же такіа, у которыхъ на ряду съ положительными качествами есть и крупныя отрицательныя черты, какъ Тентетниковъ, генераль Бетрищевъ, Хлобуевъ.

На характеристикѣ Тентетникова Гоголь останавливается довольно подробно. Это—человѣкъ съ очень хорошими задатками и способностями. Эти задатки получили особенное развитіе въ школѣ подѣ руководствомъ одного замѣчательнаго педагога, умѣвшаго возбудить въ ученикахъ рвеніе къ добру и стремленіе приносить пользу. Изъ школы Тентетниковъ вышелъ съ горячимъ желаніемъ посвятить свои силы служенію родинѣ и тотчасъ отправился въ Петербургъ, гдѣ и поступилъ на службу. Однако въ характерѣ его не было настоящей выдержки, не было терпѣнія, чтобы преодолѣть первыя трудности: онъ надѣялся сразу найти себѣ широкое поле дѣятельности, а на самомъ дѣлѣ долженъ былъ ограничиться переписываніемъ бумагъ; эта ничтожность занятій тяготила его, а кромѣ того, онъ не поладилъ со своимъ ближайшимъ начальствомъ, такъ что вскорѣ принужденъ былъ совсѣмъ выйти въ отставку. Вернувшись изъ Петербурга, Тентетниковъ поселился у себя въ имѣніи, поставивъ себѣ цѣлью улучшить положеніе своихъ крестьянъ. Но и съ этой задачей онъ не сумѣлъ справиться, такъ какъ у него не было ни достаточнаго знанія жизни, ни достаточной настойчивости въ проведеніи своихъ плановъ. Кончилось тѣмъ, что Тентетниковъ совсѣмъ охладѣлъ къ своему дѣлу, бросилъ всякія занятія имѣньемъ и крестьянами, проводилъ время въ сидѣніи у окна, куреніи трубки и въ обдумываніи обширнаго сочиненія, которое должно было объять всю Россію со всѣхъ точекъ—съ гражданской, политической, религіозной, философской,—но которое ни на шагъ не подвигалось впередъ. Такъ проходила лѣниво, вяло и безцѣльно жизнь Тентетникова, который изъ даровитаго, одушевленнаго лучшими стремленіями юноши превратился въ „байбака,“ въ „копителя-неба.“ Но это погруженіе въ моральную спячку не прошло для него даромъ и въ сознательныя минуты онъ горько укорялъ себя за свое нравственное паденіе и проливалъ слезы надъ своимъ безсиліемъ и надъ погубленной жизнью. Типъ Тентетникова былъ очень распространенъ въ тогдашней Россіи. Гоголь вѣрно схватилъ его характерныя черты: даровитость натуры, стремленіе къ до-

бру, безволие, отсутствие стойкости и знания жизни, и вслѣдствие этого постепенное нравственное паденіе до состоянія полуживотнаго прозябанія.

Генераль Бетрищевъ — это вполне живое лицо. Вотъ какъ поэтъ характеризуетъ нравственную фізіономію этого человѣка: „Генераль Бетрищевъ, какъ и всѣ мы грѣшныя, былъ одаренъ многими достоинствами и многими недостатками. То и другое, какъ случается въ русскомъ человѣкѣ, было набросано въ немъ въ какомъ-то картинномъ безпорядкѣ. Самопожертваніе, великодушіе, въ рѣшительныя минуты храбрость, умъ и ко всему этому изрядная подмѣсь себялюбія, честолюбія, самолюбія, мелочной щекотливости личной и многоаго того, безъ чего уже не обходится человѣкъ. Всѣхъ, которые ушли впередъ его по службѣ, онъ не любилъ, выражался о нихъ ѣдко, въ сардоническихъ, колкихъ эпиграммахъ. Всего больше доставалось отъ него его прежнему товарищу, котораго считалъ онъ ниже себя и умомъ и способностями, и который, однако же обогналъ его и былъ уже генераль-губернаторомъ двухъ губерній, въ одной изъ которыхъ находились его помѣстья, такъ что онъ очутился какъ бы въ зависимости отъ него. Въ отмщеніе язвилъ онъ его при всякомъ случаѣ, критиковалъ всякое распоряженіе и видѣлъ во всѣхъ мѣрахъ и дѣйствіяхъ его верхъ неразумія. Несмотря на доброе сердце, генераль былъ насмѣшливъ. Вообще говоря, онъ любилъ первенствовать, любилъ оиміамъ, любилъ блеснуть и похвастаться умомъ, любилъ знать то, чего другіе не знаютъ, и не любилъ тѣхъ людей, которые знаютъ что-нибудь такое, чего онъ не знаетъ. Воспитанный полуиностраннымъ воспитаніемъ, онъ хотѣлъ сыграть въ то же время роль русскаго барина. Съ такою неровностью въ характерѣ, съ такими крупными яркими противоположностями, онъ долженъ былъ неминуемо встрѣтить по службѣ кучу непріятностей, вслѣдствіе которыхъ и вышелъ въ отставку, обвиняя во всемъ какую-то враждебную партію и не имѣя великодушія обвинить въ чемъ-либо себя самого. Въ отставкѣ сохранилъ онъ ту же картинную, величавую осанку. Въ сюртукѣ ли, во фракѣ ли, въ халатѣ—онъ былъ все тотъ же. Отъ голоса до малѣйшаго тѣлодвиженія въ немъ все было властительное, повелѣвающее, внушавшее въ низ-

шихъ чинахъ, если не уваженіе, то, по крайней мѣрѣ, робость.“

Въ высшей степени типиченъ помѣщикъ Петръ Петровичъ Пѣтухъ,—этотъ образцовый гастрономъ, весь день занятый вопросомъ о кушаньяхъ и удивляющійся тѣмъ людямъ,—которые находятъ время скучать. Сцена, гдѣ Пѣтухъ съ присасываніемъ и причмокиваніемъ заказываетъ повару кулебяку, полна неподражаемаго комизма. Весьма натурально и живо изображены и два сына Пѣтуха, гимназисты Алексаша и Николаша. Въ образѣ ихъ Гоголь рисуетъ смѣшную сторону тѣхъ безпутныхъ юношей, которые пренебрегаютъ ученіемъ въ провинціи и, сидя на школьной скамьѣ, уже мечтаютъ о жизни въ столицѣ, чтобы тамъ вступить въ разрядъ шалопаевъ.

Забавенъ также и полковникъ Кошкаревъ со своею страстью къ бумажному производству мелочныхъ дѣлъ со своимъ соболѣзнованіемъ о томъ, что онъ не могъ заставить бабъ ходить въ корсетахъ, тогда какъ въ Германіи онъ видѣлъ дочь мельника, умѣвшую играть на фортепьяно.

Таковы въ общихъ чертахъ герои и типы второй части „Мертвыхъ душъ.“

Впечатлѣніе „Мертвыхъ душъ“ на современниковъ Гоголя.

Послѣ „Ревизора“ Гоголь ничего не писалъ въ теченіе пяти лѣтъ. Когда же начали распространяться слухи о первыхъ главахъ данной поэмы, то общество съ какимъ-то напряженіемъ ждало чего-то необыкновеннаго. Этимъ объясняется, что по выходѣ своемъ въ свѣтъ „Мертвыя души“ сдѣлались предметомъ самыхъ оживленныхъ толковъ. Между тѣмъ многіе литераторы и критики, разбирая художественную сторону данной поэмы, не сразу выразили своего мнѣнія объ этомъ произведеніи. Даже Бѣлинскій сначала не выяснилъ истиннаго значенія поэмы и только опровергалъ нелѣпныя толкованія критиковъ. Однако имѣются многіе факты, указывающіе на то, что большинство лучшихъ людей того времени глубоко понимало „Мертвыя души,“ производившія на нихъ сильное и тяжелое впечатлѣніе.

Что касается Пушкина, то самъ Гоголь говоритъ, какъ на него подѣйствовали первыя главы данной поэмы. Вотъ слова Гоголя: „Когда я началъ читать Пушкину первыя главы изъ „Мертвыхъ душъ“ въ томъ видѣ, какъ онѣ были прежде, то Пушкинъ, который всегда смѣялся при чтеніи (онъ же былъ охотникъ до смѣха), началъ понемногу становиться все сумрачнѣе, а, наконецъ, сдѣлался совершенно мраченъ. Когда же чтеніе кончилось, онъ произнесъ голосомъ тоски: „Боже, какъ грустна наша Россія!“ На Бѣлинскаго „Мертвыя души“ произвели особенно сильное и тягостное впечатлѣніе. Кому не приходилось бывать въ провинціи и наблюдать типы, подобные чиновникамъ и помѣщикамъ N-ской губерніи, кто вообще не интересовался глубже жизнью окружающихъ, тому „Мертвыя души“ могли казаться каррикатурой на общество, безобидной или обидной шуткой, кто какъ понималъ, но вообще выдумкой автора. Къ сожалѣнію, и среди литераторовъ того времени находились и такіе, которые именно такъ понимали „Мертвыя души“. Бѣлинскій же такъ глубоко былъ убѣжденъ въ огромномъ значеніи поэмы, какъ для литературы, такъ и для общества, что не считалъ нужнымъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ защищать ее отъ „неудачныхъ усилій втоптать въ грязь великое произведеніе“. Онъ оградилъ его только отъ чересчуръ услужливыхъ друзей, въ родѣ Константина Аксакова. Плетневъ въ своемъ разборѣ „Мертвыхъ душъ“ замѣчаетъ, что ошибочно было бы думать, что сильнѣйшее впечатлѣніе, производимое „Мертвыми душами“,—смѣхъ: напротивъ, эта книга очень серьезная и грустная“. Шевыревъ, видѣвшій въ прежнихъ произведеніяхъ Гоголя только смѣшное и веселое, рассматриваетъ „Мертвыя души“, какъ высоко-художественное произведеніе, хотя и не видитъ въ немъ особеннаго общественнаго значенія. Тутъ ужъ и онъ сознается, что ему при чтеніи не только смѣшно, но и грустно. Указавъ прогрессивную разстановку характеровъ въ поэмѣ, онъ, между прочимъ, говоритъ слѣдующее: „Сначала вы смѣтаетесь надъ Маниловымъ, смѣтаетесь надъ Коробочкой, нѣсколько серьезнѣе взглянете на Поздрева, Собакевича; но, увидѣвъ Плюшкина, вы уже вовсе задумаетесь: вамъ будетъ грустно при видѣ этой развалины человѣка“. Многіе посредственные литераторы и читатели „Мертвыхъ душъ“ видѣли въ поэмѣ

карикатуру или шуточную сатиру на общество. По этому поводу Бѣлинскій писалъ слѣдующее: „Не считая себя въ правѣ говорить печатно о личномъ характерѣ живого писателя, мы скажемъ только, что не въ шутку назвалъ Гоголь свой романъ „поэмой“, и что не комическую поэму разумѣть онъ подѣ ней. Это намъ сказалъ не авторъ, а его книга. Мы не видимъ въ ней ничего шуточного и смѣшного: ни въ одномъ словѣ автора не замѣтили мы намѣренія смѣшить читателя: все серьезно, покойно, истинно и глубоко. Нельзя ошибочнѣе смотрѣть на „Мертвыя души“ и грубѣе понимать ихъ, какъ видя въ нихъ сатиру“. Итакъ, всѣ лучшіе представители общества отлично понимали, что Гоголь далъ вполнѣ правильное освѣщеніе той сторонѣ жизни, которую онъ взялъ сюжетомъ для своей поэмы. За нимъ уже былъ авторитетъ глубокаго психолога и великолѣпнаго наблюдателя, слѣдовательно, разсуждали они, Гоголь не ошибся, когда взялъ въ герои такую личность, какъ Чичиковъ, и заставилъ его сталкиваться и вести дѣла съ Маниловыми, Собакевичами, Ноздревыми, Коробочками, Плюшкинами и имъ подобными. Во второй части поэмы выступаютъ на сцену положительные типы—Констанжогло и Муразовъ,—но вѣдь это не живые люди, а фикціи! Пока Гоголь рисовалъ отрицательныя личности, онъ оставался сам^имъ собою, т. е., рисовалъ то, что видѣлъ, то, что было на самомъ дѣлѣ. Лишь только ему пришлось принятъ за положительныя, онъ не сумѣлъ облечь ихъ въ плоть и кровь, слѣдовательно, и Россія не жива, а мертва. Въ своемъ ослѣпленіи авторитетомъ и талантомъ Гоголя всѣ не замѣтили, что онъ проглядѣлъ цѣлую плеяду „живыхъ душъ“: себя самого, Пушкина, Бѣлинскаго, Станкевича, Боткина, Герцена, Аксакова и многихъ другихъ. У нихъ не было также предвѣдѣнія реформъ 1861 года, совершившихся всего черезъ девятнадцать лѣтъ послѣ появленія въ свѣтъ поэмы Гоголя, а между тѣмъ онѣ уже назрѣвали. Они проявили удивительную близорукость, чтобы не сказать болѣе: они видѣли ненормальности, какими полна была Россія въ періодъ непосредственно передъ Крымской войной, но упустили изъ виду, что „чѣмъ ночь темнѣй, тѣмъ ярче звѣзды“. Не поднимая взоровъ къ звѣздамъ, они вглядывались въ непроглядную темень ночи и, само собою разумѣется, ничего хорошаго увидѣть не могли. Во всемъ

этомъ главнымъ образомъ былъ виноватъ Гоголь: его полная увѣренность въ мертвенности русскихъ людей подѣйствовала заразительно на читателей. А онъ вѣдь даже и виньетку нарисовалъ къ своей поэмѣ съ особой тенденціей: на ней были изображены: верстовой столбъ и дорога, по которой во весь духъ несется удалая тройка; въ сторонѣ танцуетъ парочка; рядомъ блюда, заваленныя массой съѣстного, преимущественно гастрономическихъ тонкостей. И все это обрамлено черепами, костями и цѣлыми скелетами, нарисованными на черномъ фонѣ. Таково гоголевское резюме сказаннаго въ поэмѣ. А разныя лирическія отступленія? Развѣ они не полны безысходнаго пессимизма? Гоголь призываетъ на Русь богатыря, даетъ ему поле дѣятельности, а богатыря нѣтъ и не видать. Гоголь сравниваетъ Русь съ тройкой, передъ которой разступаются всѣ народы. Да развѣ на самомъ-то дѣлѣ народы разступаются? развѣ можно Россію, населенную мертвыми душами, сравнивать съ удакою тройкою? Нѣтъ, сравненіе съ тройкой неумѣстно, и Гоголь въ этомъ случаѣ впалъ въ глубокую и грустную ошибку. Такъ рассуждали читатели, основываясь на данныхъ поэмы, принимая за вѣрный критерій художественное чутье великаго юмориста. А великій—то юмористъ, не вѣдая, что творить, дѣйствительно написалъ сатиру. Это значитъ, что „Мертвыя души“ можно назвать сатирою лишь въ томъ смыслѣ, что онѣ дали галерею отрицательныхъ типовъ, — но въ то же время онѣ не отразили лицевой стороны русской жизни. И въ этомъ случаѣ виною явилось то обстоятельство, что Гоголь былъ въ состояніи изображать лишь то, что наблюдалъ, а наблюдалъ онъ лишь дурное и пошлое—таково было свойство его дарованія. Это свойство сыграло съ нимъ нехорошую шутку, а черезъ него отразилось и на читателяхъ попавшихъ подъ обаяніе его таланта. Дѣйствительно, Пушкинъ, Бѣлинскій и другіе вполне соглашались съ Гоголемъ. „Мертвыя души“ на всѣхъ навели уныніе, и только нѣкоторое время спустя начали одно за другимъ появляться бодрящія очерки „Записокъ охотника“, авторъ которыхъ сумѣлъ отыскать „душу живу“ въ мужикахъ, такъ непривлекательно изображенныхъ Гоголемъ. Въ самомъ дѣлѣ, „Мертвыя души“ зачаровали своихъ читателей. И какъ имъ было не зачаровать, когда центральнымъ лицомъ ихъ является Чичи-

ковъ, этотъ нравственный уродъ, прибрѣтатель-хамелеонъ, всю свою недюжинную энергію употребившій на надувательство ближнихъ! Хороши и другіе типы. Вотъ одинъ изъ нихъ: всю свою жизнь онъ проводитъ въ имѣніи, гдѣ все развѣзжается, гдѣ ничего не устроено; вмѣсто занятія дѣломъ онъ раскладываетъ въ живописномъ порядкѣ кучки золы изъ трубки и цѣлые дни проводитъ въ пустыхъ мечтаніяхъ, слѣдя за клубами табачнаго дыма: „Онъ думаетъ о благополучіи дружеской жизни, о томъ, какъ бы хорошо было жить съ другомъ на берегу какой-нибудь рѣчки, потомъ чрезъ эту рѣчку начинается строиться у него мостъ, потомъ огромнѣйшій домъ съ такимъ высокимъ бельведеромъ, что можно оттуда видѣть даже Москву и тамъ пить вечеромъ чай на открытомъ воздухѣ, и разсуждать о какихъ-нибудь приятныхъ предметахъ, потомъ, что они вмѣстѣ съ пріятелемъ пріѣхали въ какое-то общество, въ хорошихъ каретахъ, гдѣ обворожаютъ всѣхъ пріятностью обращенія, и что будто бы государь, узнавши о такой ихъ дружбѣ, пожаловалъ ихъ генералами“, а въ это время „музыка играетъ, штандартъ скачетъ“, птички поютъ. И такъ безъ конца цѣлыми днями. А вотъ другой, въ своемъ родѣ „историческій человекъ“. Сегодня онъ тутъ, завтра онъ тамъ. Сегодня онъ бьетъ, завтра его бьютъ. Ни одна ярмарка въ цѣлой округѣ не обходится безъ его непремѣннаго присутствія. И всюду скандалы, дебоши, безобразія. Безъ общества онъ ни минуты прожить не можетъ. А если ужъ уединится, такъ развѣ затѣмъ, чтобы приготовить колоду — другую крапленыхъ картъ. Онъ лгунъ, враль, непосѣда, мошенникъ, плутъ. И всѣ его принимаютъ; никто отъ него не сторонится. А вотъ третій. Онъ человекъ положительный. Хозяйство у него идетъ хорошо, крѣпко. Усадьба построена изъ вѣковыхъ дубовъ, основательно и мощно. Избы мужиковъ стоятъ, какъ выросшія въ землю. И все въ его владѣніяхъ „упористо, безъ пошатки, въ какомъ-то крѣпкомъ и неуклюжемъ порядкѣ“. Казалось бы отлично? Отлично-то отлично, да только не совсѣмъ. Помѣщикъ высасываетъ всѣ соки изъ своихъ крѣпостныхъ, надуваетъ cadaго встрѣчнаго и поперечнаго даже въ мелочахъ; просвѣщеніе для него — „фукъ“, сказанный такъ положительно, что въ его присутствіи никто не вздумаетъ ему противорѣчить. Вотъ такими типами

Гоголь сыплеть, какъ изъ рога изобилія, со свойственнымъ ему картиннымъ изображеніемъ. Они стоятъ одинъ возлѣ другого и загорашиваютъ своими пошлыми фигурами всю Россію; за ними ничего не разглядишь. Удивительно ли послѣ этого, что читатели, какъ говорится, изъ-за деревьевъ не замѣтили лѣса? Гоголь былъ пораженъ такимъ результатомъ чтенія его поэмы. Онъ какъ бы позабылъ, что хотѣлъ выразить въ „Мертвыхъ душахъ“, и началъ оправдываться: „Своихъ же собственныхъ мыслей, простыхъ, неголовомныхъ мыслей, я не сумѣлъ передать, и самъ же подаль поводъ къ истолкованію ихъ въ превратную сторону. Герои мои еще не отдѣлились вполнѣ отъ меня самого, а потому не получили настоящей самостоятельности. Еще вся книга не болѣе, какъ недоносокъ“. Гоголь испугался сдѣланнаго имъ самимъ пугала, послѣ того какъ испугались другіе.

Отличительныя черты поэзіи Гоголя и значеніе ея въ русской литературѣ.

Однимъ изъ характеристическихъ свойствъ таланта Гоголя является необыкновенный даръ наблюдательности. Даръ этотъ проявляется у Гоголя, какъ онъ самъ свидѣтельствуешь, съ самыхъ раннихъ лѣтъ. Благодаря необыкновенной наблюдательности, Гоголю удавалось подмѣчать въ окружавшей его жизни такія явленія, которыя для другихъ оставались незамѣченными. Ни у одного изъ предшественниковъ Гоголя нѣтъ такого подробнаго изображенія русской жизни со всѣми ея мелочами, какъ въ произведеніяхъ Гоголя. Предметомъ его сочиненія служатъ самые обиденные характеры, вся пошлая дѣйствительность, „вся страшная, потрясающая тина мелочей, опутывавшихъ нашу жизнь“. Однако эти мелочи и обиденные характеры такъ мѣтко, ярко и правдиво отражали современное Гоголю русское общество, что производили глубокое впечатлѣніе на читателей, которые неоднократно готовы были видѣть въ ти-

пахъ этого поэта намеки на отдѣльныя личности. Преимущественно важнѣйшія прозведенія Гоголя: „Шинель“, „Невскій проспектъ“, „Портретъ“, „Ревизоръ“, „Мертвыя души“ представляютъ художественное воспроизведеніе такихъ явленій, которыя характеризуютъ современную писателю русскую жизнь и исключительно ея темныя стороны. Этими произведеніями, проникнутыми глубокимъ юморомъ и жизненной правдой, Гоголь положилъ въ русской литературѣ начало новаго направленія, получившее названіе „натуральнаго“ или „реальнаго“. Все, что такъ или иначе противорѣчило идеально-разумной жизни, нашло полное отраженіе въ юмористическихъ твореніяхъ Гоголя. Для доказательства нашего предложенія приведемъ нѣсколько примѣровъ. Взяточничество и казнокрадство, несмотря на правительственные мѣры противъ этихъ злоупотребленій, господствовали въ то время среди русскаго чиновничества. Эти недостатки Гоголь изображаетъ намъ не только эпизодически во многихъ своихъ повѣстяхъ и въ поэмѣ „Мертвыя души“, но и пишетъ цѣлую комедію, въ которой собираетъ въ кучу все дурное въ Россіи и осмѣиваетъ всѣ несправедливости, какія дѣлались въ тѣхъ мѣстахъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ больше всего отъ человѣка требовалась справедливость. Жалкое положеніе мелкаго служебнаго люда, грубыя отношенія къ нему людей сильныхъ были также предметомъ наблюденія у Гоголя. Ни въ одной литературѣ культурныхъ народовъ не найдешь такого мѣткаго, юмористически тонкаго и жизненнаго созданія, какъ у Гоголя повѣсть „Шинель“, которая, кромѣ своихъ истинно художественныхъ достоинствъ, замѣчательна еще и тѣмъ, что представляетъ собою цѣлую исторію чиновничества старыхъ временъ со всѣмъ жалкимъ пролетаріатомъ и съ генералами, умѣющими распекать во время мелюзгу. Кромѣ чиновниковъ въ произведеніяхъ Гоголя, дѣйствующими лицами являются представители и другихъ сословій. Въ художественныхъ типахъ Манилова, Коробочки, Ноздрева, Собакевича, Плюшкина, Тентетникова и т. п. помѣщиковъ, поэмы „Мертвыя души“ предъ читателемъ развертывается картина жизни мелкаго русскаго дворянства, современнаго автору, картина, замѣчательная по своей реальности. Эта жизнь чисто растительная, чуждая всякихъ высокихъ стремленій, полная мелоч-

ныхъ интересовъ, скопидомства, кулачества или безшабашнаго разгула, какую за весьма рѣдкими исключениями она и была въ дѣйствительности. Гоголь слегка касается крѣпостнаго права. Хотя Гоголь не изображаетъ тиранства или вообще жестокихъ людей, однако его поэма „Мертвыя души“ и въ этомъ отношеніи производитъ глубокое впечатлѣніе, такъ какъ уже одна торговля мертвыми душами, которыя считаются за ничто, если онѣ не даютъ выгоды, прекрасно рисуетъ темныя стороны помѣщичьихъ нравовъ, бывшія слѣдствіемъ отчасти ненормальныхъ общественныхъ условий, отчасти невѣжества, господствовавшаго тогда въ различныхъ слояхъ русскаго общества. Черты нравовъ военнаго сословія также попадаютъ въ разныхъ сочиненіяхъ Гоголя. Изображая военныхъ людей, Гоголь и здѣсь рисуетъ отрицательныя стороны, какъ, на примѣръ, въ поручикахъ Пироговъ и Кувшинниковъ, но, съ другой стороны, много и здѣсь схвачено чрезвычайно вѣрно. Въ области воспитанія Гоголь также указалъ на существенные недостатки своего времени: говоря о женѣ Манилова, онъ характеризуетъ весьма мѣтко современное пансіонное воспитаніе, изображаетъ типы тогдашнихъ педагоговъ въ лицѣ учителя Чичикова, любителя тишины, а также въ лицѣ Никифора Тимофеевича дѣпричастія, исправлявшаго учениковъ ударами линейки и т. д. Изъ вышесказаннаго видно, что Гоголь въ своихъ произведеніяхъ касался различныхъ явленій современной ему русской жизни, и въ этомъ заключается ихъ общественное значеніе. Но не въ одномъ только искусствѣ воспроизводить русскую жизнь выразились самобытность Гоголя и тотъ реализмъ, родоначальникомъ котораго онъ считается. Сущность направленія, главой котораго въ русской литературѣ является Гоголь, заключается въ оригинальности содержанія его произведеній, а также въ глубокомъ психологическомъ анализѣ, не имѣвшемъ себѣ равнаго въ предшествовавшей литературѣ. Предметомъ его произведеній служатъ самобытныя явленія русской жизни, которыхъ или совсѣмъ не касались предшествовавшіе ему писатели, или если и касались, то только слегка, не придавая имъ особеннаго значенія. Изображая свойства русскаго человѣка отъ простаго мужика до барина, поэма Гоголя слишкомъ глубоко проникаетъ въ сущность современной дѣйствительности, раскрываетъ вопіющія обществен-

ныя язвы, господствовавшія не въ одномъ какомъ-нибудь словіи, а въ различныхъ кругахъ русскаго общества; по этой причинѣ справедливо мнѣніе критиковъ, разсматривавшихъ „Мертвыя души“, какъ энциклопедію русской жизни, современной Гоголю. Общественная сторона произведенія Гоголя принесла значительную пользу для развитія самосознанія среди русскихъ людей и была главнѣйшимъ источникомъ, изъ котораго возникла вся новѣйшая русская литература въ ея лучшихъ представителяхъ. Понятно, что новое теченіе, представителемъ котораго былъ Гоголь, началось немного раньше и не было вовсе неожиданнымъ переворотомъ: зачатки этого теченія скрываются въ послѣднихъ произведеніяхъ Пушкина. Послѣдній отъ поэтической формы переходитъ къ прозаической, пишетъ нѣсколько повѣстей и небольшихъ разсказовъ, въ которыхъ какъ бы указываетъ на необходимость воспроизведенія самобытныхъ явленій русской жизни. Однако представителемъ реального направленія въ русской литературѣ долженъ быть признанъ Гоголь. Самъ Пушкинъ провидѣлъ въ Гоголѣ способность къ воссозданію общественныхъ недуговъ современной русской жизни: недаромъ онъ предложилъ Гоголю сюжеты „Ревизора“ и „Мертвыхъ душъ“. Другая сторона поэзіи Гоголя, именно глубокій психологическій анализъ, ясно выражается въ изображеніи характеровъ и явленій обыденной русской жизни. Благодаря этой необыкновенной способности къ психологическому анализу, Гоголь могъ въ самыхъ ничтожныхъ, повидимому, случаяхъ жизни находить глубокій смыслъ и художественною обработкою этихъ случаевъ пробуждать въ читателяхъ высокія нравственныя чувства. Нагляднымъ примѣромъ можетъ служить повѣсть „Шинель“, въ которой разсказывается трогательная исторія о несчастной судьбѣ бѣднаго незначительнаго чиновника, но разсказывается съ такою теплотою чувства и съ такимъ глубокимъ проникновеніемъ въ тайники души простого человѣка, что въ сердцѣ читателя невольно пробуждается чувство состраданія. Но самыми характеристическими свойствами поэзіи Гоголя являются лиризмъ и особенно юморъ. Лиризмъ есть выраженіе воодушевленія и чувства восторга поэта, когда онъ описываетъ особенно имъ любимые предметы. Этотъ лиризмъ мы находимъ уже въ самыхъ раннихъ произ-

веденіяхъ Гоголя, въ „Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки“, гдѣ онъ выразился въ идеальномъ изображеніи малороссійской женщины, а также въ описаніяхъ картинъ природы. Въ описаніяхъ природы Гоголь является сыномъ юга, не только спокойно, съ любовью наслаждающимся ея красотами, но онъ весь охваченъ безпредѣльнымъ восторженнымъ обаяніемъ. Гоголь, можетъ быть, иногда уступаетъ другимъ нашимъ мастерамъ слова въ блестящей обрисовкѣ деталей, доступныхъ болѣе спокойному созерцанію наблюдателя, но общій фонъ картины выступаетъ у него всегда съ особенно поразительной яркостью. Въ „Майской ночи“ не выразимое обаяніе чувствуется въ двухъ, трехъ предложеніяхъ, рисующихъ передъ читателями нѣгу весенняго вечера. „Было то время, когда, утомленные дневными трудами и заботами, парубки и дѣвушки шумно собирались въ кружокъ, въ блескѣ чистаго вечера, выливать свое веселье въ звуки, всегда неразлучные съ уныніемъ. И задумавшійся вечеръ мечтательно обнималъ синее небо, превращая все въ неопредѣленность и даль.“ Въ данномъ мѣстѣ описаніе природы находится въ прекрасной гармоніи съ внутреннимъ міромъ человѣка. Но особеннаго совершенства достигаетъ Гоголь въ этомъ отношеніи въ разсказѣ „Ночь передъ Рождествомъ“, гдѣ читатель какъ будто видитъ передъ собою темную ночь, дышитъ здоровымъ морознымъ воздухомъ и чувствуетъ во всѣхъ жилахъ веселье и бодрость. „Чудно блещетъ мѣсяцъ! Трудно разсказать, какъ хорошо потолкаться въ такую ночь между кучею хохочущихъ и поющихъ дѣвушекъ и между парубками, готовыми на всѣ шутки и выдумки, какія можетъ только внушить весело смѣющаяся ночь. Подъ сплошнымъ кожухомъ тепло: отъ мороза еще живѣе горятъ щеки, на шалости самъ лукавый подталкиваетъ сзади.“ Все это дѣйствительно, какъ будто и живетъ и движется передъ нами. Лиризмъ является однимъ изъ главныхъ элементовъ и въ повѣсти „Тарасъ Бульба“, хотя предметомъ ея служатъ картины прошлаго. Восторженнымъ чувствомъ проникнуто описаніе южно-русской степи, оканчивающееся восклицаніемъ: „чортъ васъ возьми, степи, какъ вы хороши!“ Въ сценѣ разговора Андрія съ полячкой Гоголь не столько заботится о соблюденіи исторической вѣрности, сколько чувствуетъ потребность выразить чисто субъективно-поэтиче-

ское преклоненіе передъ женщиной, представляя ее слишкомъ идеальными чертами. „Бросила прочь она отъ себя платокъ, отдёрнула налѣзавшія на очи длинные волосы косы своей, и вся разлилась въ жалостныхъ рѣчахъ, выговаривая ихъ тихимъ, тихимъ голосомъ, подобно тому, какъ вѣтеръ, поднявшись прекраснымъ вечеромъ, пробѣжитъ вдругъ по густой чащѣ приводнаго тростника: зашелестятъ, зазвучатъ и понесутся вдругъ унывно-тонкіе звуки, и ловить ихъ съ непонятной грустью остановившіяся путникъ, не чужа ни погасающаго вечера, ни несущихся веселыхъ пѣсень народа, бредущаго отъ полевыхъ работъ и жнивъ, ни отдаленнаго стука гдѣ-то пробѣгающей телѣги“. Одни изъ лирическихъ мѣстъ „Тараса Бульбы“ явились подъ непосредственнымъ влияніемъ народныхъ малороссійскихъ пѣсень, другія были выраженіемъ личныхъ чувствъ и размышленій поэта, какъ напримѣръ, то мѣсто, гдѣ онъ передаетъ свои мысли по поводу благословенія матери Остапу и Андрію, привезеннаго есауломъ. „Что-то пророчитъ и говоритъ имъ благословеніе. Благословеніе ли на побѣду надъ врагомъ и потомъ веселый возвратъ въ отчизну съ добычей и славой на вѣчныя дѣсны бандуристамъ, или же?... Но неизвѣстно будущее, и стоитъ оно предъ человѣкомъ подобно осеннему туману, поднявшемуся изъ болотъ: безумно летаютъ въ немъ вверхъ и внизъ, черкая крыльями, птицы, не распознавая въ очи другъ друга, голубка не видя ястреба, ястребъ—не видя голубки, и никто не знаетъ, какъ далеко летаетъ онъ отъ своей погибели“. Особенно важное значеніе имѣетъ лиризмъ поэта въ тѣхъ его произведеніяхъ, гдѣ онъ изображаетъ пошлость и мелочь обыденной жизни, или обрисовываетъ нравственно-падшихъ людей. Глубокою задушевностью проникнуто, напримѣръ обращеніе Гоголя къ молодымъ людямъ по поводу ничтожности и мелочности Плюшкина: „Забирайте же съ собою всѣ человѣческія движенія, не оставляйте ихъ на дорогѣ, не подымете потомъ.“ Другое характерное свойство поэзіи Гоголя—это юморъ. Вотъ что по этому поводу говоритъ Бѣлинскій: „Оригинальность Гоголя состоитъ въ комическомъ одушевленіи, всегда побѣждаемомъ чувствомъ глубокой грусти. Въ этомъ отношеніи русская поговорка: „началь въ здравіе, а свель за упокой“—можетъ быть девизомъ его повѣстей. Возьмите „Записки сумасшедшаго“, эту страшную,

прихотливую грезу художника, эту добродушную насмѣшку надъ жизнью, жалкимъ человѣкомъ, эту психическую исторію болѣзни, изложенную въ поэтической формѣ, удивительную по своей истинѣ и глубокости, достойную кисти Шекспира: вы еще смѣтаетесь надъ простакомъ, но уже вашъ смѣхъ растворенъ горечью; это смѣхъ надъ сумасшедшимъ, котораго бредъ и смѣшить и возбуждаетъ состраданіе. Юморъ Гоголя имѣетъ свой особенный характеръ: это юморъ чисто-русскій, юморъ спокойный, простодушный въ самомъ своемъ лукавствѣ. Если Гоголь часто и съ умысломъ подшучиваетъ надъ своими героями, то безъ злобы, безъ ненависти; онъ понимаетъ ихъ ничтожность, но не сердится на нее; онъ даже какъ будто любитъ ее, какъ любитъ взрослый человѣкъ на игры дѣтей, которыя для него смѣшны своею наивною, но которыхъ онъ не имѣетъ желанія раздѣлить. Но тѣмъ не менѣе это всетаки юморъ, ибо не падать ничтожества и не скрываетъ его безобразія, ибо, плѣняя изображеніемъ этого ничтожества, возбуждаетъ къ нему отвращеніе“. Однако слѣдуетъ замѣтить, что грусть, которою проникнуть смѣхъ Гоголя, явилась не сразу въ его поэзіи: сначала въ „Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки“ его юморъ отличался веселостью; но чѣмъ болѣе расширялся кругъ наблюденій поэта надъ явленіями современной ему жизни, чѣмъ сильнѣе возмущалось его чувство ничтожествомъ умственного кругозора и стремленій людей, тѣмъ смѣхъ его принималъ болѣе серьезный характеръ, и въ его юморѣ слышна уже грусть, или, какъ онъ самъ говоритъ, незримыя міру слезы, такъ какъ это былъ уже не простой смѣхъ, „а честный смѣхъ“, показывавшій благодарную натуру съ высшими стремленіями. По поводу юмора поэмы „Мертвыхъ душъ“ Шевыревъ говоритъ между прочимъ, слѣдующее: „Смѣхъ принадлежитъ въ Гоголѣ художнику, который не инымъ чѣмъ, какъ смѣхомъ можетъ забирать въ свои владѣнія весь грубый скарбъ изменной природы смертнаго; но грусть принадлежитъ въ немъ человѣку. Яркій смѣхъ поэта, переливаясь черезъ глубокую думу и печаль, превращается въ немъ такъ часто въ возвышенныя лирическія движенія: тотъ же самый человѣкъ, который теперь только передъ вами такъ беззаботно смѣялся и смѣшилъ васъ, является вдохновеннымъ прорицателемъ съ торжественною думою

на важномъ челѣ своемъ. Эта способность такъ легко переходитъ отъ хохота ко всѣмъ отбѣнкамъ чувства, до самыхъ высокихъ лирическихъ восторговъ, показываетъ, что смѣхъ поэта проистекаетъ въ немъ не отъ холоднаго разсудка, который все отрицаетъ, и потому надъ всѣмъ смѣется, но отъ глубины чувства, которое въ самой природѣ человѣческой двоятся на веселье и горе. Вотъ чѣмъ юмористическій хохоть Гоголя отличенъ отъ того пустого пересмѣшничества, которое часто встрѣчается во французской литературѣ и ведетъ свое начало отъ Вольтера. Пересмѣшникъ издѣвается разсудкомъ, а не чувствомъ смѣется: хохоть перваго утомляетъ подъ конецъ своею пустотою, тогда какъ хохоть втораго часто заставляетъ задумываться“.

Въ „Перепискѣ съ друзьями“ Гоголь говоритъ о себѣ слѣдующее: „Обо мнѣ много толковали, разбирая кое-какія мои стороны, но главнаго существа моего не опредѣлили. Его слышала одинъ только Пушкинъ. Онъ мнѣ говорилъ всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставлять такъ ярко пошлость жизни, умѣть очертить въ такой силѣ пошлость пошлаго человѣка, чтобы вся та мелочь, которая ускользаетъ отъ глазъ, мелькнула бы крупно въ глаза всѣмъ. Вотъ мое главное свойство, одному мнѣ принадлежащее, и котораго точно нѣтъ у другихъ писателей“.

Отличительныя свойства поэзіи Гоголя даютъ возможность опредѣлить и значеніе ея въ исторіи русской литературы. Прежде всего поэзія является вѣрнымъ и правдивымъ изображеніемъ современной русской жизни. Правда, поэзія Гоголя отрицательная, такъ какъ она рисуетъ типы, которые являются рѣзкими отступленіями отъ нравственно разумной жизни; однако полнота и необыкновенная рельефность отрицательныхъ типовъ сами собой указываютъ на тѣ средства, которыми человѣкъ или общество могутъ достигнуть возможнаго совершенства. Далѣе, посвящая почти всѣ сочиненія свои изображенію русской жизни, Гоголь воспроизводитъ ее во всей ея истинности: онъ ничего въ ней не смягчаетъ, не украшаетъ. Слѣдствіе какихъ-нибудь заранѣе принятыхъ идей. Извѣстно, что русская литература началась подражаніемъ. Однако она не остановилась на этой степени, но лучшіе ея представители стремились къ самобытности и на-

родности, освободили литературу отъ оковъ риторики и сдѣлали ее натуральною. Въ Гоголѣ это стремленіе проявилось въ высшей степени. Немаловажное значеніе имѣетъ поэзія Гоголя и въ томъ отношеніи, что ею онъ вносилъ въ литературу глубокой психологической анализъ, открывавшій широкій путь наблюденій для послѣдующихъ русскихъ писателей. вмѣстѣ съ тѣмъ въ творчествѣ Гоголя опредѣлился и основной характеръ русскаго реализма, составляющій его особенность и отличающій его отъ чистаго натурализма. Въ то время какъ послѣдній воспроизводитъ дѣйствительность безстрастно и равнодушно, реализмъ Гоголя проникнутъ духомъ гуманности, человѣколюбія; можно сказать, что въ его изображеніи находимъ мы „прочувствованную дѣйствительность“, освѣщенную мягкимъ свѣтомъ его юмора.

Произведенія Гоголя оказали непосредственное вліяніе на большинство современныхъ русскихъ писателей. Задачей ихъ становится неприкрашенное изображеніе будничной жизни во всей ея полнотѣ, со всѣми ея мелочами. Появляется цѣлый рядъ такъ называемыхъ „физиологическихъ очерковъ“, въ которыхъ обрисованъ какой-нибудь типъ или рядъ типовъ, взятыхъ непосредственно изъ обыденной дѣйствительности (Григоровичъ, Панаевъ, Бутковъ; къ числу такихъ физиологическихъ очерковъ принадлежитъ и первый разсказъ въ серіи „Записокъ охотника“ Тургенева — „Хорь и Калинычъ“). Очень сильное вліяніе оказалъ Гоголь на Достоевскаго, первая повѣсть котораго — „Бѣдные люди“ посвящена обработкѣ темы, уже затронутой Гоголемъ въ его повѣсти „Шинель“. Весьма важное значеніе Гоголя заключается въ ея общественномъ значеніи. Гоголь открылъ новую область идей и первый сообщилъ ей глубокой общественный смыслъ. Эта сатира такъ живо воспроизводила обыденную жизнь общества, что изображеніе бросалось въ глаза и производило глубокое впечатлѣніе. Его произведенія ярко и наглядно изображали русскую жизнь, такъ что они заставляли читателей задумываться. Изъ-за ряда смѣшныхъ сценъ и характеровъ бросалась въ глаза нищета этой жизни. Съ произведеніями Гоголя совершился актъ сознанія, одинъ изъ самыхъ важныхъ, какіе были въ новѣйшей исторіи русскаго общества. Въ концѣ слѣдуетъ упомянуть о художественномъ

значеніи поэзіи Гоголя. Хотя произведенія Гоголя заключаютъ въ себѣ изображеніе отрицательныхъ сторонъ жизни, однако это нисколько не мѣшаетъ имъ быть поэтическими. Произведенія эти исполнены глубокой и живой фантазіи, благодаря которой Гоголь ясно видитъ въ каждомъ изображаемомъ предметѣ его внѣшнюю и внутреннюю сторону и ихъ взаимное отношеніе между собой. Художественность поэзіи Гоголя выражается въ описаніяхъ картинъ русской природы, въ изображеніи всѣхъ мелочей городского и сельскаго быта, въ описаніи наружной фізіономіи всѣхъ дѣйствующихъ лицъ и въ яркихъ пластическихъ сравненіяхъ. Особенную жизненность описаніямъ внѣшней природы Гоголь придаетъ тѣмъ, что соединяетъ ихъ съ описаніемъ чловѣка; благодаря этому обстоятельству, они являются у него не сами по себѣ, и для того, чтобы рисовать людей, быть символомъ отдѣльнаго характера или общества. Описываетъ ли Гоголь деревни помѣщиковъ, или курятникъ Коробочки, или псарню Ноздрева, или кладовую Плюшкина - во всякомъ изъ этихъ бездушныхъ предметовъ у него отражается самъ чловѣкъ съ его личными свойствами и характеромъ. Сравненія у Гоголя, кромѣ ихъ выразительности и мѣткости, замѣчательны также тѣмъ, что они, главнымъ образомъ, представляютъ собою какъ бы отдѣльную картину. Такъ, Гоголь сравниваетъ Манилова съ котомъ, у котораго пощекотали за ушами пальцемъ, сравниваетъ радостное чувство среди печалей съ блестящимъ экипажемъ, который пронесится по бѣдной деревушкѣ, сравниваетъ глаза Плюшкина съ мышами, городскихъ дамъ съ ученымъ, пускающимъ въ свѣтъ смѣлую гипотезу и т. д. Но особенная сила творчества у Гоголя, придающая высоко-художественное значеніе его поэзіи, это необыкновенно ясное и рельефное изображеніе внутреннихъ свойствъ чловѣка въ различныхъ его видахъ. Въ созданныхъ Гоголемъ характерахъ мы видимъ глубоко обдуманные общіе типы. Вообще созданные имъ характеры не имѣютъ въ себѣ ничего фантастическаго, но, выхваченные изъ жизни, они возведены поэтомъ „въ перлъ созданія“, такъ что приписанныя имъ черты можно по частямъ встрѣтить у каждаго изъ русскихъ людей, въ различныхъ сословіяхъ и положеніяхъ русскаго общества. Принимая все выше изло-

женное во вниманіе, можно притти къ заключенію, что общественное значеніе поэзіи Гоголя велико. По этой причинѣ поэзія Гоголя и могла имѣть то значеніе, что поэтъ обладалъ огромнымъ художественнымъ талантомъ, благодаря которому онъ сумѣлъ отыскать глубокій смыслъ въ ничтожныхъ, повидимому, явленіяхъ окружавшей его жизни и выразить ихъ въ образцовой поэтической формѣ.

Оглавление.

	<i>Стр.</i>
1. Біографія Гоголя	3
2. Вечера на хуторѣ близъ Диканьки	17
3. Старосвѣтскіе помѣщики	22
4. Повѣсть „Тарасъ Бульба“:	
а) Содержаніе повѣсти	26
б) Характеристика дѣйствующихъ лицъ	41
в) Типы Запорожской Сѣчи	47
г) Устройство и бытъ Запорожской Сѣчи	51
д) Историческая и художественная сторона повѣсти	57
5. Ревизоръ:	
а) Ревизоръ, какъ бытовая комедія и ея особенности	63
б) Содержаніе комедіи	65
в) Характеристика дѣйствующихъ лицъ	72
г) Отличительныя черты комедіи вообще и значеніе данной въ русской литературѣ	79
6. Мертвыя души:	
а) Общее замѣчаніе о планѣ поэмы и объ ея герояхъ	84
б) Содержаніе „Мертвыхъ душъ“. Томъ I-ый	85
в) Павелъ Ивановичъ Чичиковъ	97
г) Типы помѣщиковъ	104
д) Губернскій городъ N	112
е) Лирическія отступленія	114
ж) Содержаніе II-го тома	118
з) Типы II-го тома поэмы	125
и) Впечатлѣніе „Мертвыхъ душъ“ на современниковъ Гоголя	128
7. Отличительныя черты поэзи Гоголя и значеніе ея въ русской литературѣ	133

PG 3335
.S 68

3 0000 041 601 836

DO NOT REMOVE
SLIP FROM POCKET

